

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА имени В. И. ВЕРНАДСКОГО.
ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научный журнал

Том 3 (69), № 3

Журнал «Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки» является историческим правопреемником журнала «Известия Таврического университета», который издается с 1919 г.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Симферополь, 2017

Учредитель – ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Печатается по решению Научно-технического совета Крымского федерального университета
имени В. И. Вернадского, протокол № 10 от 23 ноября 2017 г.

Редакционный совет журнала «Ученые записки Крымского федерального университета
имени В. И. Вернадского. Исторические науки»:

Непомнящий Андрей Анатольевич – заведующий кафедрой исторического регионоведения и краеведения исторического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор – главный редактор;

Близняков Роман Александрович – доцент кафедры истории России исторического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского», заместитель декана исторического факультета по научной работе, кандидат исторических наук – ответственный секретарь;

Аксенова Галина Владимировна – профессор кафедры истории России Института истории и политики Московского государственного педагогического института, доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Москва);

Борщик Наталья Дмитриевна – профессор кафедры документоведения и архивоведения исторического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского», доктор исторических наук (г. Симферополь);

Герцен Александр Германович – декан исторического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», кандидат исторических наук, имеющий ученое звание доцент (г. Симферополь);

Кондратьев Григорий Николаевич – профессор кафедры истории ГБОУ ВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет», доктор исторических наук (г. Симферополь);

Кравцова Елена Сергеевна – профессор кафедры философии, директор Музея истории университета ФГБОУ ВО «Курский государственный медицинский университет», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор;

Крамаровский Марк Григорьевич – ведущий научный сотрудник отдела Востока Государственного Эрмитажа, доктор исторических наук (г. Санкт-Петербург)

Науменко Валерий Евгеньевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского».

Майко Вадим Владиславович – директор ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН», доктор исторических наук (г. Симферополь);

Мосейкина Марина Николаевна – профессор кафедры истории России факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета Дружбы народов, доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Москва);

Петрова Элеонора Борисовна – доктор исторических наук, профессор кафедры древнего мира и средних веков Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского».

Платонова Надежда Игоревна – ведущий научный сотрудник Института истории материальной культуры РАН, доктор исторических наук (г. Санкт-Петербург);

Романько Олег Валентинович – профессор кафедры истории России исторического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Симферополь);

Степаненко Валерий Павлович – профессор кафедры истории древнего мира и средних веков Уральского федерального университета имени Первого Президента России Б. Н. Ельцина, доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессора (г. Екатеринбург);

Тихонов Игорь Владимирович – заведующий Музеем истории Санкт-Петербургского университета, доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Санкт-Петербург);

Тункина Ирина Владимировна – ведущий научный сотрудник, директор Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук, доктор исторических наук (г. Санкт-Петербург);

Хлево Александр Алексеевич – профессор кафедры документоведения и архивоведения исторического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского», доктор философских наук, имеющий ученое звание профессор (г. Симферополь);

Храпунов Игорь Николаевич – профессор кафедры древнего мира и средних веков исторического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Симферополь);

Шевелев Сергей Стефанович – заведующий кафедрой новой и новейшей истории исторического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Симферополь).

Подписано в печать 23.11.2017. Формат 70x100 1/16. 14.14 усл. п. л. Заказ № НП/151. Тираж 50 экз. Бесплатно.

Дата выхода в свет 30.04.2018 г.

Отпечатано в управлении редакционно-издательской деятельности ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»

295051, г. Симферополь, бул. Ленина, 5/7

<http://sn-histor.cfuv.ru>

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

УДК 00(01):94(5)

«ЯРЧАЙШИЙ В БЛЕСТЯЩЕЙ ПЛЕЯДЕ АРАБИСТОВ»: ВИТАЛИЙ НАУМКИН – ВЫДАЮЩИЙСЯ УЧЕНЫЙ СОВРЕМЕННОСТИ

Щевелев С. С.

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского
г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: k0507622530@gmail.com*

Близняков Р. А.

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: Bliznyakov80@mail.ru*

Мальшев Д. А.

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: darkmalyshev@mail.ru*

Коллективная статья ученых Крымского федерального университета написана в ключе такого новаторского направления, как эгоистория. Именно через призму данной методологии была рассмотрена личность выдающегося арабиста современности – В. В. Наумкина. Биография объекта изучения выполнена не в классическом жанре биобиблиографии. Персона вписана в общеисторический, общекультурный контекст эпохи как на глобальном, так и на партикулярном уровне подсистемы, которой является научная деятельность как часть социокультурного поля деятельности рассматриваемой личности. Персонаж как бы вписан в общую деловую корпоративную атмосферу научной действительности. Культурологический подход к изучению научного наследия В. В. Наумкина основан на том, что культура – негенетическая память коллектива и негенетическое родство, таким образом, опосредовано научная школа Наумкина творит и развивается на юге России, в Крыму. В плеяде выдающихся советских/российских востоковедов: Е. М. Примакова, Л. И. Медведко, В. И. Киселева – В. В. Наумкин занимает достойное место продолжателя традиций и неоклассика. Авторами подтвержден вывод о том, что В. В. Наумкин – выдающийся арабист современности, ученый, администратор, педагог. Публичность личности В. В. Наумкина показывает, что исследователь не только продуцирует классическое научное знание, но и выполняет другую важную для историка функцию: популяризирует отдельные направления востоковедения, что немаловажно в формировании грамотного массового исторического знания, грамотного дилетантизма современного общества в вопросах востоковедения и особенно злободневных его темах. Статья рассчитана на широкую аудиторию читателей: востоковедов, арабистов и всех тех, кому небезразличны ближневосточные штудии.

Ключевые слова: В. В. Наумкин, востоковедение, Йемен, Сокотра, Институт востоковедения РАН.

В любой сфере человеческой деятельности всегда есть не просто специалист, мастер и знаток своего дела, есть человек – галактика, или, как иногда говорят, человек – вселенная, который своей активной разновекторной деятельностью на долгие годы вперед определяют развитие своей отрасли или направления.

В российской науке, а именно в востоковедении, арабистике, если быть еще точнее, такую роль играет человек незаурядный, хорошо известный в отечественных и зарубежных кругах (не только научных, но и политических, культурных и экономических) – Виталий Вячеславович Наумкин.

О нем написаны очерки, изданы книги, поэтому, безусловно, не представляется возможным вместить всю разностороннюю биографию в рамки одной статьи, да авторы и не ставят перед собой такой цели. Скорее, это попытка осмысления пути выдающегося нашего современника и коллеги, который является для нас примером и в то же время загадкой, как и любая выдающаяся личность прошлого или настоящего.

Судьба его была и по сей день остается необычной, ведь, действительно, сына балетмейстера и балерины – солистки театра гораздо чаще ожидаешь увидеть на сцене, чем на вершине научного Олимпа. Тем не менее в науке тоже есть что-то от творчества, доказательством чего может служить тот факт, что отец одного из авторов этой статьи тоже посвятил свою юность балету.

Уроженец Екатеринбурга Виталий провел свое детство в доме, который стоял на улице Белинского, и проживала в нем одна интеллигенция [6, с. 7]. Видимо, тогда и были заложены в характере и поведении будущего ученого обходительность, дипломатичность, мягкость, но в то же время и настойчивость, упорство в достижении цели – качества настоящего мужчины, которыми он так удивлял впоследствии многих, кто был с ним знаком.

В подтверждение своих слов приведем высказывание спецпосланника генерального секретаря ООН по Сирии Стаффана де Мистура, который не так давно заметил: «Профессор Виталий Наумкин, которого я с гордостью считаю своим другом, обладает выдающимися человеческими качествами и крайне компетентен в своей работе. Он имеет много качеств, которые необходимы в переговорах. Первое – рассудительность. Он очень рассудителен. Второе – он очень профессионален. Он говорит на нескольких языках, он всегда скромно и слушает другую сторону. Он никогда не вступает в полемику. Он выучил одно из главных правил посредничества – никогда не показывать пальцем. Можно поднимать руку, чтобы привлечь внимание. Он никогда не переходит на личности в отрицательном смысле, всегда пытается вместе ответить на вопрос и искать решение. В этом смысле он необыкновенно эффективен. Я упоминал, что он – рассудителен, умеет молчать. Это то, что нужно, без гламура, когда вы посредник, работающий на второстепенных ролях. Он очень хорошо готовится. Третье – он умеет общаться и слушать любого. Это – именно то, что нам нужно в посреднике» [12].

В. В. Наумкин всегда старался взять от этой жизни все, дышать полной грудью, поэтому он так жадно впитывал знания вначале в школе, затем в качестве студента арабского отделения Института восточных языков при МГУ им. В. И. Ломоносова, куда поступил в 1962 г. (и закончил его с отличием в 1968 г.), старательно штудировал историю арабских стран.

Полученные знания очень пригодились ему во время годовой стажировки в университете г. Каира (Египет). В это время В. В. Наумкин в совершенстве овладел не только арабским языком, но и его диалектами. Благодаря этим знаниям он быстро стал необходимым и незаменимым на различных международных встречах и переговорах самого высокого уровня в качестве синхронного переводчика.

Другое не менее удивительное свойство Виталия Вячеславовича – постоянное движение мысли, примером чему может служить факт, что, служа в рядах ВС СССР, он не прекращал работу над запланированной кандидатской диссертацией, да и сама аспирантура у него длилась вдвое меньше, чем у обычных людей, – всего полтора года [1, с. 3].

Через 10 лет после поступления в вуз В. В. Наумкин стал научным сотрудником кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока Института восточных языков. Однако стабильность преподавательской деятельности длилась не долго. С 1972 г. на протяжении пяти лет он трудился в Высшей школе общественных наук в Народной Демократической Республике Йемен (в этот же период он знакомится с историей и культурой о. Сокотра), при этом научная активность не замирала: в 35 лет молодой ученый успешно защитил докторскую диссертацию.

Став профессиональным ученым и преподавателем, политологом, каким он известен широкой общественности, В. В. Наумкин развернул поистине универсальную деятельность, он издавал огромное количество трудов, относящихся к различным сферам гуманитарного знания: истории и международным отношениям, политологии и этнологии, при этом не оставалась в стороне и лингвистика. Все его работы были объединены одной большой сквозной темой, которая красной нитью прошла сквозь всю его плодотворную научную жизнь, – арабский мир, его развитие, культура, вера, особенности, кризисы и перспективы [9; 10].

С 1984 г. В. В. Наумкин – сотрудник Института востоковедения (с 1989 по 1994 гг. – заместитель директора, с 2009 по 2015 гг. – директор, а с 2010 г. возглавляет Общество востоковедов России).

С периода перестройки В. В. Наумкин плодотворно занимался проблемами государств южного пояса СНГ – Центральной Азии и Южного Кавказа. В 1991 г. В. В. Наумкин вместе с группой единомышленников создал общественную организацию – Центр стратегических и политических исследований, одновременно продолжая научно-исследовательскую и преподавательскую деятельность, осуществляя руководство аспирантами и докторантами [1, с. 4].

Ныне доктор исторических наук, профессор А. Родригес-Фернандес, заведующий кафедрой новой и новейшей истории МПГУ вспоминал: «...я посещал занятия Виталия Вячеславовича и в студенческие, и в аспирантские годы, записывал (вместе с посещавшими спецкурс преподавателями) уникальные материалы о различных течениях в исламе от средневековья до нашего времени. Мы, поколения арабистов, учились у него в аудиториях и вне их, изучали его книги и статьи» [6, с. 85]. Именно автору этих строк принадлежат слова, вынесенные в название этой статьи.

В 2005 г. Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан, учитывая необыкновенные заслуги, пригласил В. В. Наумкина стать членом группы высокого уровня в составе

18 человек, которая явилась ядром новой международной инициативы, – Альянс цивилизаций [1, с. 5].

Нужно отметить, что в сложные постсоветские годы В. В. Наумкин никогда не прекращал общения и не разрывал контактов с коллегами и учениками, оказавшимися в результате развала СССР гражданами других близлежащих государств. Очень тесные связи он продолжал поддерживать со своим воспитанником и другом С. С. Щевелевым, который под его руководством защитил докторскую диссертацию и, став профессором Таврического национального университета имени В. И. Вернадского, сам приступил к подготовке специалистов-востоковедов.

Сложные годы пребывания Крыма в составе Украины были не лучшими для специалистов в области востоковедения и арабистики вообще и ближневосточного конфликта в частности. Невозможность найти оппонентов для проведения защиты диссертаций, узость научной базы и другие более мелкие вопросы привели к тому, что авторам данной статьи, которые были в то время аспирантами, пришлось, благодаря совету и рекомендации своего научного руководителя С. С. Щевелева, обратить свои взоры в сторону Москвы и отправиться в Институт востоковедения к В. В. Наумкину, где они были приняты по-русски широко и гостеприимно.

В итоге в феврале 2006 г. в зале заседаний Ученого совета были защищены две кандидатские диссертации, что стало для молодых ученых началом долгого пути в науке, который продолжается вплоть до настоящего времени. Фактически можно сказать, что в Крыму оформилось одно из отделений научной школы В. В. Наумкина, возглавляемое его учеником и хранителем научного стиля и традиций своего учителя – доктором исторических наук, профессором, заведующим кафедрой новой и новейшей истории Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского С. С. Щевелевым [3].

Незадолго до этих событий (25.11.2005) В. В. Наумкин презентовал своему ученику сборник «Arabia Vitalis» [1], подготовленный к 60-летию мэтра исторической науки, где со свойственной ему доброй иронией собственноручно начертил: «Дорогому Сергею Щевелеву в знак дружбы от персонажа». Спустя почти три года, 18.03.2009, на очередном своем книжном достижении – «Ислам и мусульмане: культура и политика (статьи, очерки и доклады разных лет)», – изданном в честь сорокалетия научной и педагогической деятельности, Виталий Вячеславович сделал другую надпись: «Дорогому Сергею в знак искренней дружбы». 15 июля 2015 года на титульном листе книги, ему посвященной, имеющей символическое название «Виталий Наумкин: мчащийся сквозь время...» [6], он написал не менее иронично и многозначно: «Сергею Щевелеву в знак дружбы от жертвы книги». Эта дружба, проверенная десятилетиями, длится и поныне.

В. В. Наумкину есть чем гордиться в отношении тех, кому тогда Институт востоковедения РАН широко распахнул свои двери: Р. А. Близняков на данный момент является заместителем декана по научной работе исторического факультета Таврической академии, одним из соучередителей крымского регионального отделения Императорского Православного Палестинского общества, его перу принадлежит более 40 научных и методических трудов [4; 5]. Д. А. Малышев возглавляет базовую кафедру архивного дела и делопроизводства Таврической академии, является членом

Международного наполеоновского общества и автором более 30 научных и методических трудов [7–9]. Совместными усилиями крымскими учеными было подготовлено и издано несколько монографий [2; 4; 13].

Жизнь человека напрямую зависит от тех людей, с которыми его сводит судьба. Можно сказать, что В. В. Наумкину в этом отношении крупно повезло. В школе он учился вместе с будущим кандидатом химических наук и предпринимателем А. Иоффе, его сокурсниками по университету стали нынешние д. п. н., профессор Е. Мелкумян и к. и. н., доцент Т. Гасанбекова, которые вспоминали о стороне его жизни, обычно скрытой от широкой публики: «Про увлечения Виталия мы ничего не знали, но уже перед окончанием университета он вдруг сообщил нам, что женится на актрисе, и позвал посмотреть спектакль с ее участием. Лариса – его будущая жена – играла во МХАТе, была заслуженной артисткой. Увидев ее на сцене, мы были потрясены и еще больше его зауважали: наш сокурсник женился на актрисе, очень красивой женщине» [6, с. 44].

Коллегой В. В. Наумкина стал к. фил. наук, доцент ИСАА МГУ им. М. В. Ломоносова, переводчик-синхронист В. Лебедев, который вспоминал: «Его отличает блестящее владение арабским языком. Безукоризненное произношение, совершенное знание норм правильной арабской речи, огромный запас лексики и фразеологии, богатейший арсенал различных стилистических приемов, энциклопедическая широта фоновых знаний позволяли ему создавать текст перевода высочайшего качества. Тембровые характеристики голоса Виталия Вячеславовича и всегда спокойная манера подачи текста делали его восприятие предельно комфортным и эстетически приятным для слушателя» [6, с. 59].

В 2010 г. В. В. Наумкиным были возобновлены сокотрийские исследования.

Если же говорить даже вкратце о политиках и выдающихся деятелях, с которыми свела В. В. Наумкина его судьба, то сразу хочется снять перед этим человеком шляпу: Я. Арафат (лидер ООП), Б. аль-Асад (президент Сирии), А. Садат (президент Египта), Тур Хейердал (писатель), Али Абдалла Салех (президент Йемена), Г. Киссинджер (политик, дипломат США), Е. М. Примаков (премьер-министр РФ), К. Райс (госсекретарь США) и многие другие [6].

Несомненно, В. В. Наумкин – выдающийся востоковед, арабист, единственный и уникальный в мире сокотровед. В то же время нельзя сказать, что этот человек попал в сети своей тематики, стал замкнутым в рамках своих интересов. Напротив, этот человек был и остается сторонником поступательного развития государства и общества, улучшения отношений России с Западом, какими бы сложными они сегодня ни казались [12].

В 2011 г. В. В. Наумкин стал членом-корреспондентом, с 2016 г. – академиком РАН. Помимо этого, он является членом многих организаций: Британского общества ближневосточных исследований, Международного института стратегических исследований, Международного совета Института исследований глобального мира и политики Тода.

По воспоминаниям чрезвычайного и полномочного посла (в отставке) А. Аксененка, «Востребованными оказались опыт и способности В. В. Наумкина в сфере не-

формальной дипломатии, что, в частности, проявилось в работе по сирийскому урегулированию. Фигура российского ученого оказалась приемлемой как для официального Дамаска, так и для различных групп разрозненной сирийской оппозиции, так что возложенная на него миссия модератора в ходе состоявшихся в 2015 г. на московской площадке раундов межсирийского диалога была отнюдь не случайным выбором» [6, с. 138].

Деятельность В. В. Наумкина, в том числе и общественная (он является членом Научного совета при Министре иностранных дел РФ, Научного совета при Совете Безопасности РФ, председателем Научно-консультативного совета при Министерстве юстиции РФ по изучению информационных материалов религиозного содержания, членом Совета по внешней и оборонной политике, Научного совета Российского совета по международным делам), отмечена множеством наград: орден Дружбы (РФ и Таджикистана), орден «Аль-Фахр», полученный от Совета муфтиев России, нагрудный знак МИД России «За взаимодействие» – за вклад в продвижение интересов России на Ближнем Востоке, а также огромным количеством благодарностей, грамот.

Можно с уверенностью сказать, что сегодня пишутся самые интересные страницы истории В. В. Наумкина..

Список использованных источников и литературы

1. Arabia Vitalis: Арабский Восток, ислам, древняя Аравия: Сборник научных статей, посвященный 60-летию В. В. Наумкина / Сост. Седов А. В., Смилянская И. М.; Институт востоковедения; Институт стран Азии и Африки. – М.: Институт востоковедения РАН; МГУ им. М. В. Ломоносова, 2005. – 412 с.
Arabia Vitalis: Arabskij Vostok, islam, drevnjaja Aravija: Sbornik nauchnyh statej, posvjashhjonnyj 60-letiju V. V. Naumkina / Sost. Sedov A. V., Smiljanskaja I. M.; Institut vostokovedenija; Institut stran Azii i Afriki. – М.: Institut vostokovedenija RAN; MGU im. V. I. Lomonosova, 2005. – 412 s.
2. Батенко А. В. История Палестины: международный аспект (1897–2009 гг.) / А. В. Батенко, Р. А. Близняков, Д. А. Малышев, С. С. Щевелев. – Симферополь – Киев: Доля, 2011. – 512 с.
Batenko A. V. Istorija Palestiny: mezhdunarodnyj aspekt (1897 – 2009 gg.) / A. V. Batenko, R. A. Bliznjakov, D. A. Maalyshev, S. S. Shhevelev. – Simferopol' – Kiev: Izdatel'stvo «Dolja», 2011. – 512 s.
3. Близняков Р. А. Сергей Щевелев – отечественный востоковед: к 60-летию со дня рождения / Р. А. Близняков, Е. В. Крыжко, Д. А. Малышев // Исторический журнал: научные исследования. – 2017. – № 2. – С. 162–171.
Bliznjakov R.A. Sergej Shhevelev – otechestvennyj vostokoved: k 60-letiju so dnja rozhdenija / R. A. Bliznjakov, E. V. Kryzhko, D. A. Malyshev // Istoricheskij zhurnal: nauchnye issledovanija. – 2017. – № 2. – S. 162–171.
4. Близняков Р. А. Палестинская проблема в международных отношениях: Резолюция о разделе – конференция в Осло (1947–1993 гг.) / Р. А. Близняков, Д. А. Малышев. – М.: МЦСПИ. – 2007. – 352 с.
Bliznjakov R. A., Malyshev D. A. Palestinskaja problema v mezhdunarodnyh otnoshenijah: Rezoljucija o razdele – konferencija v Oslo (1947–1993 gg.). – Moskva: MCSPI, – 2007, 352 s.
5. Близняков Р. А., Малышев Д. А. Резолюция Совета Безопасности ООН № 242: компромисс на пути к миру // Ученые записки Таврического нац. ун-та им. В. И. Вернадского. Серия «Филология». – Том 18 (57), № 1. – 2005. – С. 38–42.
Bliznjakov R.A., Malyshev D.A. Rezoljucija Soveta Bezopasnosti OON № 242: kompromiss na puti k miru // Uchenye zapiski TNU im. V. I. Vernadskogo. Serija «Filologija». – Tom 18 (57), № 1. – 2005. – S. 38–42.
6. Виталий Наумкин: мчашийся сквозь время... : (Альбом к 70-летию юбилею) / Ред. и сост. И. Д. Звягельская, В. А. Кузнецов, Л. М. Раванди-Фадаи, А. В. Сарабьев. – М.: ИВ РАН, 2015. – 223 с.
Vitalij Naumkin: mchashhij'sja skvoz' vremja... : (Al'bom k 70-letnemu jubileju) / Red. i sost. I. D. Zvjagel'skaja, V. A. Kuznecov, L. M. Ravandi –Fadai, A. V. Sarab'ev. – М.: IV RAN, 2015. – 223 s.

7. Малышев Д. А. Влияние израильско-грузинского военно-политического сотрудничества на безопасность в черноморском регионе и перспективы двусторонних российско-израильских отношений / Д. А. Малышев // Культура народов Причерноморья. – 2008. – № 147. – Т. 2 – С. 24–31.

Malyshev D. A. Vlijanie izrail'sko-gruzinskogo voenno-politicheskogo sotrudnichestva na bezopasnost' v chernomorskom regione i perspektivy dvustoronnih rossijsko-izrail'skih otnoshenij / D. A. Malyshev // Kul'tura narodov Prichernomor'ja. – 2008. – № 147. – Т. 2 – С. 24–31.

8. Малышев Д. А. Мирный процесс на Ближнем Востоке по урегулированию арабо-израильского конфликта в 1993–2000 годах / Д. А. Малышев // Межэтнические и межнациональные отношения в Крыму: проблемы и их решение. – Симферополь: ИД «Тезис», 2009. – С. 202–221.

Malyshev D. A. Mirnyj process na Blizhnem Vostoke po uregulirovaniju arabo-izrail'skogo konflikta v 1993–2000 godah / D. A. Malyshev // Mezhetnicheskie i mezhnacional'nye otnoshenija v Krymu: problemy i ih reshenie. – Simferopol': ID «Tezis», 2009. – S. 202–221.

9. Наумкин В. В. Ислам и мусульмане: культура и политика. Статьи, очерки и доклады разных лет / В. В. Наумкин. – М. – Н. Новгород: ИД «Медин», 2008. – 768 с.

Naumkin V. V. Islam i musul'mane: kul'tura i politika. Stat'i, ocherki i doklady raznyh let. / V. V. Naumkin. – М. – N. Novgorod: ID «Medin», 2008. – 768 s.

10. Наумкин В. В. Ближний Восток в мировой политике и культуре (избранные статьи, лекции, доклады 2009–2011 гг.) / В. В. Наумкин. – М.: Институт востоковедения РАН, 2011. – 376 с.

Naumkin V. V. Blizhnij Vostok v mirovoj politike i kul'ture (izbrannye stat'i, lekicii, doklady 2009–2011 gg.). / V. V. Naumkin. – М.: Institut vostokovedenija RAN, 2011. – 376 s.

11. Наумкин В. В. Мы рассчитываем на более активное сотрудничество с Западом [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=H7F8benDJMo>.

Naumkin Vitalij – My rasschityvaem na bolee aktivnoe sotrudnichestvo s Zapadom. – [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.youtube.com/watch?v=H7F8benDJMo>

12. Стаффан де Мистура: Виталий Наумкин необыкновенно эффективен как посредник в переговорах [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=jwOo1IH4B2s>.

Staffan de Mistura: Vitalij Naumkin neobyknovenno jeffektivnen kak posrednik v peregovorah. – [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.youtube.com/watch?v=jwOo1IH4B2s>

13. Щевелев С. С. Египетско-иорданский фактор палестинского движения сопротивления (50-е – 60-е гг. XX в.) / С. С. Щевелев, Л. А. Крыжко. – Симферополь; М.: СОНАТ, 2017. – 246 с.

Shhevelev S. S. Egipetsko – iordanskij faktor palestinskogo dvizhenija soprotivlenija (50-e – 60-e gg. HH v.). / S. S. Shhevelev, L. A. Kryzhko. – Simferopol'; Moskva: SONAT, 2017. – 246 s.

Bliznyakov R. A., Malyshev D. A., Schevelev S. S. The «Brightest in the brilliant pleiad of arabists»: Naumkin V. V. is a prominent scientist of contemporaneity.

The collective article of scientists of the Crimean federal university is written in the key of such innovative direction, as selfishness. Exactly through the prism of this methodology personality of prominent arabist of contemporaneity was considered – Naumkin V. V. Biography of object of study is executed not in the classic genre of biobibliography. A person is entered in the general historical, general cultural context of epoch, both at global and on particular level of subsystem that is scientific activity as part of sociocultural demesne of the examined personality. A personage as though is entered in the general business corporate climate of scientific reality. The culturological going near the study of scientific heritage of Naumkin V. V. is based on a culture is ungenetic memory of collective and ungenetic cognation, thus mediated scientific school of Naumkin V. V. creates and develops on the south of Russia, in Crimea. In the pleiad of the prominent Soviet/Russian orientalists: E. M. Primakov, L. I. Medvedko, V. I. Kiselev – V. V. Naumkin occupies a worthy place of continuer of traditions and neoclassic. About him essays are written, books are published, therefore, undoubtedly, is not possible to contain all scalene biography in the scopes of one article, and authors and does not put before itself such aim. Rather, it is an attempt of comprehension of way of our prominent contemporary and colleague that is for us an example, and at the same time by a riddle, as well as any personage of the past or present. Authors are confirm a conclusion that V. V. Naumkin is a prominent arabist of contemporaneity, scientist, administrator, teacher. Publicity of personality of V. V. Naumkin shows that a researcher products not only classic scientific knowledge but also performs other important function of the historian: popularizes separate directions of orientalism, that not insignificantly in forming of literate mass historical knowledge, literate dilettantism of

*«ЯРЧАЙШИЙ В БЛЕСТЯЩЕЙ ПЛЕЯДЕ АРАБИСТОВ»:
ВИТАЛИЙ НАУМКИН – ВЫДАЮЩИЙСЯ УЧЕНЫЙ СОВРЕМЕННОСТИ*

modern society in the questions of orientalism and especially his topics of day. The article is counted on the wide audience of readers : orientalists, arabists and all those, who Near-Eastern studies is unindifferent. Undoubtedly, V. V. Naumkin is a prominent orientalist, arabist, the only and unique in the world socotrade. At the same time, it is impossible to say that this man got in the networks of the subjects, became reserved within the framework of the interests. Opposite, this man was and remains the supporter of the progressive development of the state and society, improvements of relations of Russia with the West, whatever difficult they did not seem today.

Keywords: Naumkin V. V., orientalism, Yemen, Socotra, Institute of orientalism.

УДК 327.83

МЕЖДУНАРОДНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АМЕРИКАНСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ТРУДА И КОНГРЕССА ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ПРОФСОЮЗОВ ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Горлянский С. П.

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: gorlyansky@gmail.com*

Рассмотрены факторы, структура, эволюция и результаты участия американских профцентров «Американская федерация труда» и «Конгресс производственных профсоюзов» в реализации внешней политики США после Второй мировой войны во взаимодействии с национальными профцентрами, международными неправительственными организациями и государственными институтами США. На основе анализа источников сделан вывод о том, что возникновение и принятие во второй половине 80-х – первой половине 90-х годов XX века однородных с западными политическими системами и идеологий в странах бывшего Советского блока и вступление национальных федераций в Международную конфедерацию профсоюзов привели к уменьшению роли идеологического фактора в международной политике американских профсоюзов, но вместе с тем профсоюзное объединение «АФТ – КПП» пыталось оказывать политическое влияние в постсоветских странах через международные профсоюзные организации. В условиях глобализации в теории и практике внешней политики Соединенных Штатов и деятельности американских профсоюзов появляются термины «профсоюзный транснационализм» и «профсоюзная дипломатия». Положительное влияние американского профцентра на профсоюзную демократию в странах СНГ было ограничено, в результате чего был задержан переход к демократии в национальных профцентрах. Ежегодные бюджеты Федерации независимых профсоюзов России и Федерации профсоюзов Украины, в отличие от ежегодного бюджета АФТ–КПП, не публиковались на официальных сайтах Федерации независимых профсоюзов России и Федерации профсоюзов Украины. Создание в 2006 году крупнейшего мирового профсоюзного объединения – Международной конфедерации профсоюзов – отражает сохранение влияния США в международных отношениях и роли Американской федерации труда и Конгресса производственных профсоюзов в международном профсоюзном движении.

Ключевые слова: Американская федерация труда и Конгресс производственных профсоюзов, АФТ – КПП, американские профсоюзы, внешняя политика США, холодная война.

Со времени окончания Второй мировой войны Соединенные Штаты Америки оказывали политическое влияние на внутреннюю и внешнюю политику в странах мира через негосударственные организации и институты, в том числе через крупнейшее в США объединение профсоюзов АФТ – КПП (Американская федерация труда – Конгресс производственных профсоюзов), объединяющее 64 национальных и международных профсоюзов, представлявших в 1979 году, на пике своего могущества, около 20 млн [1], а в 2016 году более 13 млн работающих [2].

С одной стороны, на протяжении всей своей истории профсоюзы являлись частью гражданского общества, а в международной деятельности национальных профцентров реализовывались принципы международной солидарности трудящихся. С другой стороны, национальные профсоюзные объединения часто обнаруживали себя втянутыми, а затем инкорпорированными во внутреннюю или внешнюю

политику чужого или своего государства, как это было в 1914 году, когда Германия финансировала профсоюзное движение в царской России за полгода до начала Первой мировой войны, или в Советском Союзе в период от создания Профинтерна в 1921 году в Москве до его роспуска в 1937 году, а также с различной интенсивностью в отдельные периоды истории США после Второй мировой войны, главным образом в годы холодной войны – с середины 40-х до начала 90-х годов XX века, когда роль американских профсоюзов в международных отношениях была во многом сведена к реализации во внешнеполитической сфере национальных интересов США.

Целью данного исследования является выявление эволюции факторов, структуры и результатов участия центрального американского профсоюзного объединения «АФТ – КПП» в осуществлении внешней политики США после Второй мировой войны во взаимодействии с национальными профцентрами, национальными и международными неправительственными организациями и государственными институтами США.

Экономическими факторами усиления вовлеченности Американской федерации труда, АФТ (англ. – American Federation of Labor, AFL), и Конгресса производственных профсоюзов, КПП (англ. Congress of Industrial Organizations, CIO), в международную политику были: завершение Второй мировой войны, рост экономики США, монопольное положение профсоюзов на рынке труда, повышение заработной платы трудящихся и сопровождавший его рост профсоюзного членства, которые обеспечили наполнение профсоюзных фондов, что открыло возможность распространения американского опыта консервативного «делового юнионизма» (англ. – «business unionism») в странах Европы, Азии, Африки и Латинской Америки.

До начала 1990-х годов, то есть на протяжении большей части послевоенного периода, важнейшим политическим и идеологическим фактором вовлечения профсоюзов во внешнюю политику США был тот, что международная деятельность американских профцентров осуществлялась в условиях холодной войны. Поэтому в формировании и реализации внешней политики американских профцентров на протяжении всего периода большую роль играл Государственный департамент США (англ. – United States Department of State, DOS), в составе которого в 1977 году было создано Бюро по правам человека и гуманитарным вопросам (англ. – Bureau of Human Rights and Humanitarian Affairs, BHRHA), переименованное в 1994 году в Бюро по демократии, правам человека и труду (англ. – Bureau of Democracy, Human Rights and Labor Affairs, DRL). В 2003 году бюджет Бюро составлял 38,5 млн долларов [3, p. 5]. В октябре 1947 года было создано Бюро международных трудовых отношений (англ. – Bureau of International Labor Affairs, ILAB), которое является операционным подразделением Министерства труда США (англ. – United States Department of Labor, DOL), годовой бюджет которого в 2014 году увеличился до 91 млн 125 тыс. долларов [4, p. 43]. В том же году начинает свою деятельность Центральное разведывательное управление, ЦРУ (англ. – Central Intelligence Agency, CIA), а с 1961 – Агентство США по международному развитию, АМР США (англ. – United States Agency for International Development, USAID).

После окончания Второй мировой войны АФТ тесно сотрудничала с ЦРУ. Федерация получала значительные финансовые средства от американского правительства через ЦРУ [5]. Так, одним из предназначений созданного АФТ в 1944 году Комитета свободных профсоюзов, КСП (англ. – Free Trade Union Committee, FTUC), становится помощь профсоюзам Греции, Италии и Турции в сохранении свободы от международного коммунистического влияния. АФТ также оказывала поддержку профсоюзам Испании и Аргентины в сохранении их независимости от собственных диктаторских режимов. К 1946 году Государственный департамент располагал 22 профсоюзными атташе, размещенных в посольствах США по всему миру [6].

АФТ и ЦРУ активно вмешивались в европейскую и международную политику в конце 1940-х – начале 1950-х годов, в том числе они помогали организации и росту влияния во Франции профсоюзной федерации Форс Увриер (фр. – Force Ouvrière, FO), которая была основана в 1948 году бывшими членами Всеобщей конфедерации труда, ВКТ (англ. – General Confederation of Labor, фр. – Confédération générale du travail, CGT), осудившими доминирование в последней Коммунистической партии Франции. В 1980 году выражавшая левые взгляды газета «Либерасьон» утверждала, что это разделение было инспирировано ЦРУ и Форс Увриер получила средства от ЦРУ через представителя АФТ Ирвинга Брауна, который вместе с Джемом Лавстоуном возглавлял Комитет свободных профсоюзов [5]. Оба из них одновременно являлись сотрудниками ЦРУ [7].

АФТ также сотрудничала с ЦРУ в созданной сотрудником ЦРУ Алленом Даллесом (с 1953 по 1961 год – директор ЦРУ) в 1949 году в Нью-Йорке американской антикоммунистической организации – Национальном комитете за свободную Европу, НКСЕ (англ. – National Committee for a Free Europe, NCFE), которая занималась распространением американского влияния в Европе «против советской оккупации и диктатуры» [5]. НКСЕ основала службу «Радио “Свободная Европа”» (англ. – Radio Free Europe/Radio Liberty) и контролировала ее антикоммунистическую деятельность.

В условиях холодной войны раздел внутри международного рабочего движения проходил по линии противостояния Всемирной федерации профсоюзов, ВФП (англ. – World Federation of Trade Unions, WFTU), в которую с 1945 по 1949 год входил и американский профцентр «Конгресс производственных профсоюзов», и основанной в 1949 году по его совместной с АФТ инициативе Международной конфедерацией свободных профсоюзов, МКСП (англ. – International Confederation of Free Trade Unions, ICFTU).

В 1955 году два крупнейших американских профцентра договорились о слиянии, и было создано профсоюзное объединение «Американская федерация труда и Конгресс производственных профсоюзов», АФТ – КПП (англ. – American Federation of Labor and Congress of Industrial Organizations, AFL–CIO). Его лидеры выступили с поддержкой плана Маршалла, Североатлантического союза и проводимой правительством США политики холодной войны, а также с поддержкой гонки вооружений [8, с. 166].

В дополнение к Комитету свободных профсоюзов для проведения внешней политики американского профцентра в Западном полушарии объединение «АФТ – КПП» в 1962 году учреждает Американский институт развития свободного профсоюзного движения АИРСПД (англ. – American Institute for Free Labor Development, AIFLD). АИРСПД выступал в качестве дополнения Союза ради прогресса, СРП (исп. – Alianza para el Progreso, APP), инициированного президентом США Джоном Кеннеди в 1961 году, целью которого было развитие экономического сотрудничества между США и странами Южной Америки. Руководство АФТ – КПП рассчитывало, что АИРСПД станет катализатором развития тред-юнионизма, условием достижения справедливой заработной платы и повышения жизненного уровня в бедных странах. В результате в декабре 1963 года президент АФТ – КПП Джордж Мини был награжден президентом США Линдоном Джонсоном Президентской медалью Свободы, которой награждаются лица, «внесшие существенный вклад в безопасность и защиту национальных интересов США, в поддержание мира во всем мире» [9].

Противники АИРСПД считают, что он является не чем иным, как инструментом американского большого бизнеса. Первыми директорами АИРСПД были Нельсон Рокфеллер – внук основателя «Standard Oil» Джона Рокфеллера, губернатор Нью-Йорка (с 1959 по 1973 год), будущий вице-президент США (с 1974 по 1977 год) и Джозеф Питер Грэйс, глава «Юнайтед Фрут компании» (англ. – United Fruit Company) – крупнейшего иностранного землевладельца в Латинской Америке.

В странах Центральной и Южной Америки Институт оказывал помощь авторитарным лидерам и военным диктаторам в подавлении тех профсоюзных организаций, которые не поддерживали политику холодной войны, проводимую США в регионе [10, p. 13]. В этих странах Институт имел 18 филиалов. До 1968 года он подготовил 100 тыс. профсоюзных активистов. Деятельность Института способствовала формированию профсоюзной бюрократии латиноамериканских республик в духе идей и практики «свободного профдвижения» [11]. Численность членов латиноамериканских профсоюзов, входивших в Межамериканскую региональную организацию трудящихся, ОРИТ (исп. – Organización Regional Interamericana de Trabajadores, OРИТ), увеличилась с 4 млн в конце 1950-х годов до 6 млн человек в середине 1960-х годов. Поддерживая «Союз ради прогресса», ОРИТ выступала за бойкот Кубы, против сотрудничества с коммунистами и левыми профсоюзами [11].

АИРСПД финансировался правительством, главным образом АМР – независимым агентством федерального правительства США, которое отвечает за невоенную помощь США другим странам, в том числе – содействие в предотвращении конфликтов и поддержку демократии. На финансирование программ этой организации ежегодно выделяется около 1 % федерального бюджета США. Агентство по международному развитию имеет свои представительства в большинстве стран мира. Создание АМР стало результатом работы по упорядочиванию разрозненных программ американской международной помощи, в основании которых лежал план Маршалла, по которому США оказывала помощь послевоенной Европе с 1948 по 1951 год. Деятельность АИРСПД в странах Латинской Америки также финансировалась Центральным разведывательным

управлением. Институт часто играл роль прикрытия операций ЦРУ в Латинской Америке [5].

Начиная с 1980-х годов АИРСПД финансируется американской неправительственной организацией – Национальным фондом в поддержку демократии, НФПД (англ. – National Endowment for Democracy, NED), основанной в 1983 году Конгрессом США. Своей миссией фонд называет «содействие становлению и развитию демократии и свободы во всем мире». Одним из методов является финансирование оппозиции недемократичным, недружественным по отношению к США режимам и перехода власти к демократически избранному правительству. Президент фонда (с апреля 1984 года) Карл Гершман объяснял создание фонда тем, что для «демократических кругов по всему миру» было бы нежелательно получение финансирования напрямую из ЦРУ, поэтому и был создан фонд. В 1991 году первый президент НФПД Аллен Вайнштейн отмечал, что многое из того, чем занимался фонд, на протяжении 25 лет было тайной работой ЦРУ [13].

АИРСПД является одним из четырех главных получателей финансовой помощи из фондов НФПД наряду с Международным республиканским институтом, МРИ (англ. – International Republican Institute, IRI); Национальным демократическим институтом по международным вопросам (англ. – National Democratic Institute for International Affairs, NDI или NDI) и филиалом Торговой палаты США (англ. – United States Chamber of Commerce, USCC) – Центром международного частного предпринимательства (англ. – Center for International Private Enterprise, CIPE). С 1994 по 1996 год Институт получил 15 грантов от Национального фонда поддержки демократии на общую сумму свыше 2,5 млн долларов [14].

Американским профцентром также были созданы сходные по своим задачам и структурно сестринские по отношению к АИРСПД организации в Африке: Африканско-американский профсоюзный центр, ААПЦ (англ. – African-American Labor Center, AALC), в 1964 году и в Азии – Азиатско-американский профсоюзный институт, ААПИ (англ. – Asian-American Free Labor Institute, AAFLI), в 1968 году [10, p. 14].

Кроме того, в 1977 году АФТ – КПП создает Институт свободных профсоюзов, ИСП (англ. – Free Trade Union Institute, FTUI). Институт свободных профсоюзов стал крупнейшим грантополучателем Национального фонда в поддержку демократии, который в 1985–1988 передал Институту 24,6 млн долларов [15]. ИСП осуществлял свою деятельность в Испании, Португалии в 1985–1988, на Филиппинах в 1983–1988 годах, во Франции, Мозамбике, Панаме в 1984, в ЮАР в 1985, а в 1985–1989 годах оказывал активную поддержку первому массовому антикоммунистическому движению в странах Советского блока – польскому профсоюзному объединению «Солидарность». ИСП направил крупные гранты на удовлетворение финансовых потребностей «Солидарности» и ее сторонников, используя помощь для того, чтобы установить тесные связи с Валенсой и другими лидерами.

Одна из стипендий, предоставляемых Польско-американским фондом Свободы и Польско-американской комиссией Фулбрайта гражданам Украины, Беларуси, России, а также Молдовы, Грузии, Армении, Азербайджана, Казахстана и Кыргызстана, заинтересованным в развитии демократии, экономики и гражданского общества в своих странах и в регионе, носит имя Лейна Киркланда, тогдашнего президента АФТ – КПП, который являлся членом Совета директоров Польско-американского фонда предпринимательства, одним из инициаторов создания

Польско-американского фонда Свободы. В 80-х годах XX века он своим участием и авторитетом оказывал поддержку польской «Солидарности», поддерживал «свободолюбивые и демократические устремления» других народов Центральной и Восточной Европы. Его деятельность была отмечена такими наградами, как американская «Медаль Свободы» и польский орден Белого орла [16].

Таким образом, высокая интенсивность вмешательства США во внутреннюю политику других стран и вовлечение профсоюзов во внешнюю политику определялись ее зависимостью от крупных корпораций и большими в сравнении с СССР возможностями, которые были обеспечены быстрым ростом американской экономики после Второй мировой войны. Показательно, что наряду с профсоюзами в холодную войну были втянуты частные компании, университеты, благотворительные организации, политические партии, пресса, радио, телевидение и олимпийское движение в странах двух противоборствующих блоков.

Появление и утверждение со второй половины 1980-х годов однородных с США политических систем и идеологий в странах бывшего Советского блока привело к снижению роли политического и особенно идеологического фактора в международной политике американских профсоюзов. С конца 1980-х годов профсоюзное объединение АФТ – КПП активно осуществляло свою деятельность в России и Украине и принимало участие в создании новых так называемых «свободных» профсоюзов.

В 1997 году новое руководство АФТ – КПП во главе с Джоном Суини предприняло попытку откеститься от негативного прошлого – истории совместной с ЦРУ деятельности АИРСПД в Латинской Америке, осуществило слияние АИРСПД с тремя подобными институтами и создало организацию «Американский центр международной солидарности профсоюзов», АЦМСП (англ. – American Center for International Labor Solidarity, ACILS). Политика АЦМПС была направлена на «создание глобального профсоюзного движения, укрепление экономической и политической власти трудящихся во всем мире посредством эффективных, независимых и демократических профсоюзов». Центр солидарности получал финансирование из государственных и частных некоммерческих источников. Источники финансирования включали Агентство США по международному развитию, Национальный фонд в поддержку демократии, Государственный департамент США, Министерство труда США, АФТ – КПП, частные фонды, а также национальные и международные профсоюзные организации [17].

В начале 2000-х годов правительство США финансировало АЦМСП на общую сумму около 15 млн долларов в год. В 2001 году, по свидетельству директора Международной школы округа Колумбия Саймона Родберга, 28 зарубежных офисов Американского центра международной солидарности профсоюзов – так называемые Центры солидарности – вели работу по продвижению профсоюзных свобод и помощи работающим в странах третьего мира по организации совместной с американскими профсоюзами борьбы против транснациональных корпораций [17]. В начале 2010-х годов правительство увеличило финансирование до 28 млн долларов, что составляло 87,5 процентов расходов АЦМПС (32 млн долларов) [14]. Одним из результатов такой политики в условиях глобализации стало появление в теории и практике внешней политики Соединенных Штатов и деятельности американских

профсоюзов терминов «профсоюзный транснационализм» и «профсоюзная дипломатия».

Крупнейшее в США объединение профсоюзов «Американская федерация труда – Конгресс производственных профсоюзов» принимало активное участие в формировании профсоюзного движения в Украине. Сотрудник Центра солидарности АФТ – КПП Роберт Филдинг, с начала 1980-х годов распространявший опыт работы американских и европейских профсоюзов в Польше, с 1997 в Грузии, в 2001 году был выдворен из Беларуси с запретом въезда на 5 лет за деятельность, которая «являлась вмешательством во внутренние дела Республики Беларусь». В октябре 2002 года он был назначен Директором украинской программы Центра международной профсоюзной солидарности АФТ – КПП [18].

При этом руководство традиционных профсоюзов в Украине было настроено против АФТ – КПП. Второй (внеочередной) съезд Федерации независимых профсоюзов Украины (предшественницы нынешней ФПУ) заявил, что «федерация подвергалась сумасшедшему давлению со стороны тех политических сил, которые преследуют единственную цель – разрушить существующие структуры, ослабить профсоюзное движение и создать свои корпоративные профсоюзы. Иностранцы эмиссары активно действуют в Украине, в частности Американская федерация труда – Конгресс производственных профсоюзов, представители которого, используя средства массовой информации, добиваются раскола Федерации», что «Совет Федерации рассматривает такие действия как прямое вмешательство в дела профсоюзов Украины и выражает решительный протест» [19, с. 25].

В 2010-м, в год проведения президентских выборов на Украине, Национальный фонд в поддержку демократии предоставил финансирование украинскому отделению Американского центра международной солидарности профсоюзов в размере 540 тыс. долларов с целью содействия росту и укреплению «независимых» профсоюзов на Украине с тем, чтобы они «могли более эффективно участвовать в социальном диалоге и разработке государственной политики» [20]. АЦМСП «поддерживает ... организационные усилия в стратегически важных регионах и секторах экономики. Центр солидарности также оказывает поддержку программам развития лидерских навыков у профсоюзного руководства, повышения роли женщин в деятельности профсоюзов, а также содействует международному признанию прав членов профсоюзов» [20].

Несмотря на содействие свободным профсоюзам со стороны АФТ – КПП, часть профсоюзного руководства в странах СНГ оказалось дискредитированной присвоением профсоюзного имущества. Существующая профсоюзная элита сохраняла наследие коммунистического прошлого – бюрократические тенденции в профсоюзах. При этом численность членов Федерации независимых профсоюзов России (ФНПР) сократилась с 54 млн человек в 1990-м [21] до 20,7 млн человек в 2016 году [22]. Положительное влияние американского профцентра на профсоюзную демократию в странах СНГ было ограничено, в результате чего был задержан переход к демократии в национальных профцентрах. Ежегодные бюджеты Федерации профсоюзов Украины и Федерации независимых профсоюзов России, в отличие от

ежегодного бюджета АФТ – КПП, не публиковались на официальных сайтах названных профсоюзных объединений.

Вместе с тем следует отметить, что, наряду с признанием негативных последствий встраивания американских профсоюзов во внешнеполитический механизм США, распространенное среди ученых, придерживающихся левых взглядов, акцентирование внимания на участии американских профсоюзов лишь в качестве прикрытия деятельности ЦРУ и Государственного департамента США в годы холодной войны лило воду на мельницу недемократичных элит, которые в своей массе были настроены антиамерикански и в целом рассматривали США в качестве угрозы сохранению ими недемократичных политических систем, поскольку остановленные на полпути к рынку экономические реформы позволяли элитам в первые десятилетия независимости реализовывать коррупционные схемы получения прибыли посредством «покупки законов, указов, судебных решений, нормативных актов Национального банка, незаконных взносов политическим партиям» [23, с. 352].

Учитывая напряженность вследствие негативного опыта в отношениях между СССР и Соединенными Штатами в годы холодной войны, у западных профсоюзов в отношении Федерации независимых профсоюзов России было много подозрений. АФТ – КПП через свой Институт свободных профсоюзов работал в России, осуществляя программы поддержки так называемых «независимых» профсоюзов, которые выступали против ФНПР.

К середине 90-х годов XX века году финансирование деятельности американского профцентра в России достигло примерно 30 млн долларов. В то время как объединение АФТ – КПП неоднократно отказывалось финансировать национальную радиостанцию для американских рабочих (или ежедневную рабочую газету), оно передало 660 тыс. долларов для четырех радиостанций в России только в течение 1994 года. Национальный фонд поддержки демократии в 1995 году выделил 248 тыс. долларов на издание газеты «Дело», контролируемой АФТ – КПП [24].

Эти программы были свернуты со сменой руководства в АФТ – КПП в 1995 году, а в 1997 году председателю ФНПР Михаилу Викторовичу Шмакову было предложено принять участие в конгрессе АФТ – КПП. В апреле 2000 года ФНПР получила статус наблюдателя в Международной конфедерации свободных профсоюзов (в настоящее время – в Международной конфедерации профсоюзов) и была принята в качестве аффилированного члена в ноябре того же года. С момента присоединения ФНПР активно поддерживала МКП, предоставляя возможности для регионального отделения МКП. Председатель ФНПР М. В. Шмаков является вице-президентом и членом исполкома МКП.

В то же время 30 декабря 2002 года был запрещен въезд в Россию директору Московского представительства Центра солидарности АФТ – КПП Айрин Стивенсон. Тогда российское правительство объяснило свои действия тем, что пребывание госпожи Стивенсон представляет угрозу государственной безопасности РФ [24]. 29 июля 2015 года Национальный фонд в поддержку демократии был включен в перечень иностранных и международных неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации [25].

В 2005 году членом МКП (тогда МКСП) становится самое крупное профсоюзное объединение Украины – Федерация профсоюзов Украины (ФПУ). В конце 2005 года в Гонконге 124-м заседании Исполнительного совета Международной конфедерации свободных профсоюзов было решено одобрить рекомендации Координационного комитета по Центральной и Восточной Европе и принять ФПУ в члены МКСП.

Новые, свободные профсоюзы, в том числе Национальная конфедерация профсоюзов, Конфедерация свободных профсоюзов Украины, насчитывают всего около 1 млн членов, и их влияние остается незначительным. Независимое профсоюзное объединение «Конфедерация свободных профсоюзов Украины», КСПУ (1997–1998 – Объединение свободных профсоюзов Украины), является членом МКП (до 1 ноября 2006 года – МКСП) и носит имя, сходное с названием МКСП в термине «свободные профсоюзы».

Профсоюзы в странах бывшего Советского блока заимствовали опыт мирового профсоюзного движения, вступая в международные, так называемые глобальные союзы. Членские организации общероссийского профсоюзного объединения «Конфедерация труда России» (КТР), занимающей по численности членов второе место в России после ФНПР, входят в состав Международной федерации транспортных рабочих (ITF), Международного союза пишевиков (IUF), Глобального союза IndustriALL, Глобального союза UNI. Подобная практика была принята Профессиональным союзом работников морского транспорта Украины, Профсоюзом железнодорожников и транспортных строителей Украины, Свободным профсоюзом машинистов Украины, которые вступили в Международную федерацию транспортников, МФТ (англ. – International Transport Workers' Federation, ITF) – международную профсоюзную федерацию, объединяющую 624 профсоюза, представляющую 4 млн 400 тыс. работников транспорта в 142 странах, которая входила в Международную конфедерацию свободных профсоюзов (МКСП).

В 2006 году произошло слияние МКСП и Всемирной конфедерации труда, ВКТ (англ. – World Confederation of Labour, WCL), в результате которого было создано крупнейшее мировое профсоюзное объединение – Международная конфедерация профсоюзов, МКП (англ. – International Trade Union Confederation, ITUC). Объединение ВКТ с МКСП отражает сохранение влияния США в международных отношениях и роли АФТ – КПП в международном профсоюзном движении.

Список использованных источников и литературы

1. Labor unions: AFL–CIO. [Electronic resource]. – Total War History. – Mode of access: <https://www.opensecrets.org/orgs/summary.php?id=d000000088>.
2. AFL–CIO [Electronic resource]. – Influence & Lobbying. Organizations. – Mode of access: <http://totalwar-ar.wikia.com/wiki/AFL-CIO>.
3. Inspection of the Bureau of Democracy, Human Rights, and Labor. [Electronic resource]. – Inspector General of the Department of State. September 2003. – 74 p. – Mode of access: <https://oig.state.gov/system/files/146416.pdf>.
4. FY 2015 Congressional Budget Justification Departmental Management [Electronic resource]. – United States Department of Labor. 2015. – 113 p. – Mode of access: <https://www.dol.gov/dol/budget/2015/PDF/CBJ-2015-V3-02.pdf>.
5. Scipes K. «In the Interest of Democracy»: The Rise and Fall of the Early Cold War Alliance between the American Federation of Labor and the Central Intelligence Agency – By Quenby Olmsted Hughes. [Electronic resource]. – Working USA. Volume 14, Issue 4, December 2011. – P. 634–638. – Mode of access: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/j.1743->

4580.2011.00367.x/abstract?systemMessage=Wiley+Online+Library+will+be+disrupted+4+Feb+from+10-12+GMT+for+monthly+maintenance.

6. Kelber H. AFL-CIO's Dark Past: Meany Hired a Former Top Communist To Run AFL-CIO's International Affairs. [Electronic resource]. The Labor Educator. – November 8, 2004. – Mode of access: <http://www.laboreducator.org/darkpast1.htm>.

7. Restoring the Bonds with «Old Europe». [Electronic resource]. Survive the Jive Alive. – February 16, 2009. – Mode of access: <http://survivehthivealive.blogspot.com/2009/02/restoring-ties-with-old-europe.html>.

8. Соединенные Штаты Америки: словарь-справочник / Под ред. А. Иойрыш, И. Колосовой, И. Лебедевой и др. М.: Госполитиздат, 1960. – 611 с.

Soedinennyye Shtaty Ameriki: slovar-spravochnik / Pod red. A. Ioiryish, I. Kolosovoy, I. Lebedevoy i dr. M.: Gospolitizdat, 1960. – 611 s.

9. Lyndon B. Johnson: Remarks with Under Secretary of State George W. Ball at the Presentation of the Medal of Freedom Awards, December 6, 1963. [Electronic resource]. – The American Presidency Project, University of California, Santa Barbara. – Mode of access: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=26165#axzz1eDrDQmUx>

10. Murray R. E. The lexicon of labor: more than 500 key terms, biographical sketches, and historical insights concerning labor in America – New York: New Press, 1998. – 207 p.

11. Строганов А. И. Обстановка в Латинской Америке во второй половине 60-х годов. [Электронный ресурс]. Строганов А. И. Новейшая история стран Латинской Америки. – М.: Высшая школа, 1995. – 415 с. – Режим доступа: http://mesoamerica.narod.ru/Latin/latamerica_history_str15.html.

Stroganov A. I. Obstanovka v Latinskoj Amerike vo vtoroj polovine 60-h godov. [Elektronnyj resurs]. Strogonov A. I. Novejshaya istoriya stran Latinskoj Ameriki. – M.: Vysshaya shkola, 1995. – 415 s. – Rezhim dostupa: http://mesoamerica.narod.ru/Latin/latamerica_history_str15.html.

12. The New York Times, June 1, 1986.

13. The Washington Post, 22 September 1991.

14. Blum W. Trojan Horse: The National Endowment for Democracy. [Electronic resource]. International Endowment for Democracy. – Mode of access: http://www.iefd.org/articles/trojan_horse.php.

15. Free Trade Union Institute. – [Electronic resource]. – Right Web. – January 08, 1989. – Mode of access: http://www.rightweb.irc-online.org/articles/display/Free_Trade_Union_Institute.

16. Литвинов П. Стипендія ім. Лейна Кіркланда для молодих лідерів. [Электронный ресурс]. Ресурсний центр Гурт. – 17.12.2010. – Режим доступа: <http://gurt.org.ua/news/competitions/8791/>.

Litvinov P. Stipendiya im. Lejna Kirklanda dlya molodih lideriv. [Elektronnyj resurs]. Resursnij centr Gurt. – 17.12.2010. – Rezhim dostupa: <http://gurt.org.ua/news/competitions/8791/>.

17. Rodberg S. The CIO without the CIA: Inside the AFL-CIO's Solidarity Center. [Electronic resource]. The American Prospect magazine, Summer 2001. – Mode of access: http://www.thirdworldtraveler.com/CIA/CIO_without_CIA.html.

18. Лозунько С. Пролетарии всех стран, присоединяйтесь... к борьбе за американские интересы... [Электронный ресурс]. 2000, № 7 (208), 13–19 февраля 2004 г. – Режим доступа: <http://2000.net.ua/2000/forum/3713>.

Lozun'ko S. Proletarii vsekh stran, prisoedinyajtes'... k bor'be za amerikanske interesy... [Elektronnyj resurs]. («2000», №7 (208) 13–19 fevralya 2004 g. – Rezhim dostupa: <http://2000.net.ua/2000/forum/3713>

19. Trade Union Movement in Ukraine: The State, Problems and Prospects // National Security & Defense, # 8 (20), 2001, P. 2–61.

20. Ukraine. [Electronic resource]. National Endowment for Democracy. 2010 Annual Report. – August 2011. – Mode of access: <http://www.ned.org/where-we-work/eurasia/ukraine>.

21. Воропаев И. В. Основные лоббистские группы неправительственных организаций в современной России // Среднерусский вестник общественных наук. – 2011. – № 1. – С. 81.

Voropaev I. V. Osnovnyie lobbistskie grupyi nepravitelstvennyih organizatsiy v sovremennoy Rossii // Srednerusskiy vestnik obschestvennyih nauk. – 2011. – № 1. – S. 81.

22. Козлов В. Расследование РБК: на что живут российские профсоюзы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/investigation/society/29/04/2016/572214189a79477116812c57>.

Kozlov V. Rassledovanie RBK: na chto zhivut rossiyskie profsoyuzyi. [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.rbc.ru/investigation/society/29/04/2016/572214189a79477116812c57>.

23. Бова. А. А. Корупція у суспільстві, що трансформується: соціологічний аналіз // Розвиток демократії та демократична освіта в Україні: Збірник матеріалів IV міжнародної наукової конференції 28–30 вересня 2006. – К.: Вид-во НПУ імені М. П. Драгоманова, 2007. – С. 350–356.

Bova. A. A. Korupciya u suspil'stvi, shcho transformuet'sya: sociologichnij analiz // Rozvitok demokratiї ta demokratichna osvita v Ukraїni: Zbirnik materialiv IV mizhnarodnoї naukovoї konferenciї 28–30 veresnya 2006. – K.: Vid-vo NPU imeni M. P. Dragomanova, 2007. – S. 350–356.

24. Заявление Президента АФТ – КПП Джона Суини относительно запрета на въезд в Россию Директора Московского представительства Центра солидарности АФТ – КПП Айрин Стивенсон 17 января 2003 г. [Электронный ресурс]. Консультативный совет региональных профсоюзных объединений. Свердловская региональная общественная организация. – 2003-01-21. – Режим доступа: <http://uraltradeunion.ru/news/241>.

Zayavlenie Prezidenta AFT-KPP Dzhona Suini otноситel'no zapreta na v"ezd v Rossiyu Direktora Moskovskogo predstavitel'stva Centra solidarnosti AFT-KPP Ajrin Stivenson 17 yanvarya 2003 g. [E'lektronnyj resurs]. Konsul'tativnyj sovet regional'nyx profsoyuzny'x ob"edinenij. Sverdlovskaya regional'naya obshhestvennaya organizaciya. – 2003-01-21. – Rezhim dostupa: <http://uraltradeunion.ru/news/241>.

25. «Национальный фонд в поддержку демократии» включен в перечень иностранных и международных неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации [Электронный ресурс]. Министерство юстиции Российской Федерации. 19 октября 2015 года. – Режим доступа: <http://minjust.ru/ru/press/news/nacionalnyy-fond-v-podderzhku-demokratii-vklyuchen-v-perechen-inostrannyh-i>.

«Nacional'nyj fond v podderzhku demokratiї» vklyuchen v perechen' inostrannyh i mezhdunarodnyh nepravitel'stvennyh organizacij, deyatel'nost' kotoryh priznana nezhelatel'noj na territorii Rossijskoj Federacii. [Elektronnyj resurs]. Ministerstvo yusticii Rossijskoj Federacii. 19 oktyabrya 2015 goda. – Rezhim dostupa: <http://minjust.ru/ru/press/news/nacionalnyy-fond-v-podderzhku-demokratii-vklyuchen-v-perechen-inostrannyh-i>.

Gorlyansky S. P. International activity of the American Federation of labor and congress of industrial organizations after the Second World war

The article examines the factors, structure, evolution and results of the participation of the American Federation of Labor and Congress of Industrial Organizations in the implementation of US foreign policy after World War II in cooperation with national trade union centers, international non-governmental organizations and US state institutions. Based on the analysis of sources, it was concluded that the emergence and adoption in the second half of the 1980s and the first half of the 1990s of homogeneous Western political systems and ideologies in the countries of the former Soviet bloc and the entry of national federations into the International Trade Union Confederation led to a diminishing role of ideological factor in the international policy of American labor unions, but at the same time, the AFL-CIO national trade union center tried to exert political influence in post-Soviet countries through international trade unions organization. In the context of globalization, the terms «trade union transnationalism» and «trade union diplomacy» appear in the theory and practice of US foreign policy and the activities of American trade unions. The positive influence of the American trade union center on trade union democracy in the CIS countries was limited, as a result of which the transition to democracy in the national trade union centers was delayed. The annual budgets of the Federation of Independent Trade Unions of Russia and the Federation of Trade Unions of Ukraine, unlike the annual budget of the AFL-CIO, were not published on official websites of the Federation of Independent Trade Unions of Russia and the Federation of Trade Unions of Ukraine. The creation in 2006 of the world's largest trade union association, the International Trade Union Confederation, reflects the continuing US influence in international relations and the role of the American Federation of Labor and Congress of Industrial Organizations in the international trade union movement.

Keywords: The American Federation of Labor and Congress of Industrial Organizations, AFL-CIO, American labor unions, US foreign policy, Cold War.

УДК 94(73)“1775/1789”

ГЕНЕЗИС ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ США ДО 1776 Г.: ВЕСТФАЛЬСКАЯ СИСТЕМА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Дорофеев Д. В.

*Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского
г. Симферополь, Российская Федерация
Email: dorof-denis@yandex.ru*

Анализируется генезис внешней политики США до провозглашения независимости 4 июля 1776 г. в рамках развития Вестфальской системы международных отношений. В ходе исследования было установлено, что «европейская модель» заложила системные основы внешней политики Соединенных Штатов: европоцентричность внешней политики; препятствие установления доминирования любой державы в Северной Америке; монополия государства на владение внешнеполитическими инструментами; неприятие иерархического контроля европейских держав; механизм ратификации международных договоров представительными органами власти; обезличенность при заключении международных соглашений; детализация сроков заключения договоров с иностранными государствами; уменьшение влияния религиозного фактора на формирование и реализацию внешней политики как следствие процесса развития светского государства; признание нелегитимности иностранного влияния на внутренние процессы; развитие постоянной дипломатии; принцип территориальности во внешней политике; участие в многосторонних конгрессах как механизме реализации интересов; формирование и соблюдение государственных интересов; использование альянсов; создание и поддержание положительного образа государства в международной среде; использование принципа баланса сил в реализации внешней политики; поддержание международного права; понимание важности границ в защите государственных интересов и в создании абсолютного суверенитета внутри государства; участие в конкуренции за экономические рынки и контроль над морскими и сухопутными коммуникациями; развитие морской мощи.

Ключевые слова: генезис внешней политики США, Вестфальская система международных отношений, Европа, XVI–XVIII вв.

Генезис внешней политики США проходил в период развития Вестфальской системы международных отношений после 1648 г. Соединенные Штаты как в колониальный период, так и после провозглашения независимости в 1776 г., были связаны с международными процессами в Европе.

В отличие от Азии, на протяжении 1500–1800 гг. на европейском континенте субъекты международных отношений предпринимали попытки установить доминирование, что вызывало сильнейшее противодействие. Эти процессы обусловили конкуренцию между европейскими государствами, которая была ключевой движущей силой международного развития [3, с. 176–177]. Еще до завершения Тридцатилетней войны и заключения Вестфальских договоренностей в Европе не было международной системы государств. Вместо нее шло соперничество за универсальное правление: термины «*monarchia universalis*», «*imperium*», «*Christianitas*» проявляют иерархическую модель, изображающую Европу в качестве универсального устройства, в котором правитель или династия брали на себя обязательства повысить свое положение в универсалистской системе власти [15, р. 30–62]. «К созданию своих собственных империй стремилось большинство европейских монархов. На протяжении тысячелетия

империи были доминирующей во всем мире формой правления. Однако в Европе они были вынуждены уступить поднимающейся после заключения в 1648 г. Вестфальского мира волне создания национальных государств» [4, с. 121]. В свою очередь, начало Войны за испанское наследство в 1702 г. ознаменовало доминирование национальных государств в Европе [4, с. 123]. В Мюнстере и Оснабрюке стала ясна невозможность далее придерживаться прежнего взгляда на Европу: она перестала быть универсально-иерархической единицей, поскольку ни одна из претендующих на доминирование держав не обладала возможностью установить свой контроль над европейским пространством [19, р. 26]. Рассматриваемые процессы имели прямое отношение к генезису внешней политики США: до 1776 г. закладывалось 1) становление государства-нации в североамериканском государстве и 2) неприятие стремления установить гегемонию иностранных держав в Западном полушарии.

В литературе дискуссию вызывает точка зрения, согласно которой договоренности 1648 г. являлись точкой отсчета функционирования современной системы международных отношений [32, р. 20–21; 46, р. 328–330]. Выдвинутая идея вызвала волну критики, которая в историографии получила название «Вестфальский миф» [13; 18; 22; 26; 33; 36; 39; 47; 49; 55; 56; 61; 66; 67].

Всплеск интеллектуальной дискуссии выдвинул альтернативный взгляд на начало международных отношений Нового времени. В частности, к таковой дате относят 1500 г. как: 1) рубеж между Средними веками и Новым временем в западноевропейской историографии [41, р. 2–3; 52, р. 264], 2) возникновение мир-системы [1, с. 3–7], 3) образование глобальной международной системы [20, р. 14], 4) нарушение баланса между цивилизациями и возвышение Западной Европы [45, р. 253], 5) начало развития капитализма [60, р. 95], 6) развитие отдаленных морских торговых коммуникаций между Европой, Америкой, Южной и Восточной Азией, за доминированием над которыми начали вести борьбу европейские державы: Испания, Португалия, Голландия, Великобритания и Франция [14, р. 23]. Также существуют предложения определить еще более ранние сроки качественных изменений: Ч. Тилли приводит 1490 г. [63, р. 38–45], а М. Уайт – 1494 г. как начало эры модерности, в которой преобладали государства-нации [65, р. 134].

Несмотря на дискуссионность темы, в историографии прослеживается тенденция к достижению консенсуса: рассматривать 1648 г. в качестве перехода к современной (современной) системе международных отношений. В частности, О. Асбах, Дж. Ларкинс, Х. Шиллинг, П. Шродер настаивали на том, что Вестфальские договоренности символизировали трансформацию: осуществлялся переход от системы политического устройства, основанной на иерархической структуре средневекового Христианства, к системе независимых суверенных территориальных государств. Средневековая иерархия сменялась современной анархией: преобладала не вертикальная, а горизонтальная структура международных отношений [3, р. 11; 11, р. 4–5; 37, р. 5–6; 53, р. 3–7].

Фактически 1648 г. выступает удобной датой для формального отсчета современной системы международных отношений, в то время как более точная дата остается дискуссионной. Д. Баучер посчитал целесообразным различать историческое и символическое понимание 1648 г. [16, р. 560–562]. Тем не менее попытки совместить

процессы и даты рубежа XV–XVI вв. и середины XVII в. имеют место. М. Манн и А. Г. Франк – 1477 г. [28, р. 165; 42, р. 56]. М. Уайт относил корни современной системы международных отношений ко времени Констанцкого собора в 1494 г., а Вестфальские договоренности – как зрелость этого процесса [65, р. 134–135]. Близкую позицию занимают Б. Бузан и Р. Литтл, предложившие комбинированный подход: 1500 г. рассматривается в качестве первичного поворота, который характеризуется как появление нового доминирующего блока – Западной Европы, современного государства и возникновение почти глобальной международной системы, связывавшей Евразию и Америки, а также вероятное начало капитализма и индустриализации; в свою очередь, 1648 г. выступает началом появления новой международной социальной структуры, в которой преобладает современное государство [20, р. 405–406]. Х. Шиллинг предложил рассматривать период с 1250 г. по 1750 г. временем, когда возникает государство-нация как основной субъект международных отношений Нового времени [54, р. 2–5]. Б. Тешке рассматривал Вестфальский мир (1648 г.) в неразрывной связи с Пиренейским миром (1659 г.), которые изменили международную систему: биполярное противостояние Габсбург-Валуа и Бурбонов трансформировалось в многополярную систему «пентархии», которая окончательно оформилась к середине XVIII в. [7, с. 129].

Рассматриваемая дискуссия важна для изучения генезиса внешней политики США, поскольку она показывает, что колониальный период североамериканского государства совпал со временем возникновения и развития Вестфальской системы международных отношений. Британская Северная Америка не была изолирована от политических процессов через Атлантику: постепенно к концу XVII в. регион стал частью европейского баланса сил. Противостояние держав Старого Света отражалось на политических и геополитических процессах в британских колониях Северной Америки. «Пристегнутость» североамериканского региона к Европе была неоспоримой и в международных процессах: миграция, торговля, договора. В свою очередь, процесс развития государства-нации в Великобритании осуществлялся и на ее периферии: империя, как «кузница мира», распространяла модерный тип государства как модель развития в своих колониях. В результате становление государства-нации в США было предопределено.

Также оживленную дискуссию в историографии вызывает идея, согласно которой в 1648 г. была установлена и система международных отношений, в частности и международный порядок в целом [46, р. 328–330]. По результатам исследований Х. Дитчхард сделал вывод о том, что и до, и после 1648 г. существовала «государственная система» – множество государств, поддерживающих постоянные отношения в различных областях взаимодействия: политика, дипломатия, культура и экономика. Как до, так и после Вестфальских договоренностей в государственной системе ее акторы не ставили перед собой конечную цель в виде уничтожения самой системы или ликвидации друг друга [24, р. 2–3]. В реальности «Вестфальский мир» не создал международный порядок, обладавший эффективным механизмом и нормами по разрешению конфликта и управлению порядком, став, таким образом, частным (центрально-европейским), но не всеобщим (континентальным) порядком [23, р. 313–

314]. В 1648 г. были созданы лишь отдельные механизмы стабильного международного порядка: право Франции и Швеции вмешиваться для поддержания соблюдения положений мирных договоров и ассимиляция Габсбургов к мировому порядку во избежание новых войн. Не были созданы межгосударственные и надгосударственные институты. Вестфальские договоренности не создали общий мир на основе взаимных обязательств, ограничивавших применение силы. Не был выработан правовой механизм, регулирующий отношения между державами Европы с разным состоянием мощи. Династические притязания как основная причина войн XVI–XVII вв. не были рассмотрены в качестве общей проблемы системы. Колониальные и морские темы остались без путей их разрешения. Не был создан ни консультативный механизм, ни система постоянных конференций, ни основа для международного сотрудничества. В итоговых соглашениях 1648 г. были зерна конфликта: Испания не приняла участие в окончательной подготовке Вестфальского мира, что сделало ее враждебной по отношению к Швеции и Франции, многие территориальные вопросы не фиксировались в тексте договора, закладывался геополитический реваншизм. На остальной части Европы практика Вестфальских договоренностей носила ограниченный характер: Балтийский и Балканский регион не стали зонами распространения вестфальских принципов. Они эволюционировали в автономные системы международных отношений, где анархия не была сдержана [35, р. 39–45].

Не создав комплексного, всеохватывающего международного порядка и системы, «Вестфальский мир» заложил элементы гипотетического международного порядка: примитивная система управления (гарантии Франции и Швеции), ассимиляция Священной римской империи, некоторые территориальные изменения служили примером решения спорных проблем легитимным путем. В целом, договоренности 1648 г. служили параметром для определения ограничений внешней политики государства, а также определения основ и контуров мирных переговоров на протяжении 1648–1713 гг. Также были легитимизированы принципы суверенитета и династической автономии от иерархического контроля и в то же время делегитимизированы все формы гегемонии и признаки иерархического контроля [35, р. 39, 44–45]. Вестфальские договоренности, несмотря на критику, поставили проблему ратификации международных договоров представительными органами власти и определение носителя суверенитета в государстве, обозначили отход от практики символических «вечных» сроков действия договоров и введение в практику более конкретных дат, международные соглашения стали обезличенными и не связанными с жизнедеятельностью первых лиц государств [25, р. 47–50]. Фактически Вестфальская система стабилизировала ключевые государства в Европе, позволив им создать новый правовой порядок [38, р. 43].

Расхождения взглядов не означает отсутствие консенсуса в историографии: исследователи сходятся во мнении о том, что Вестфальские договоренности 1648 г. стали поворотным пунктом в развитии международных отношений и формировании внешней политики, зафиксировав светское государство в качестве основного актора международных отношений [27, р. 444–445; 34; 51, р. 150; 53, р. 262; 59, р. 529–531; 64, р. 278–279], а также сигналом консолидации, но не созданием современной системы международных отношений, которая стала складываться в XV–XVI вв. [48, р. 206–

246; 65, р. 161–183]. Фактически после 1648 г. осуществлялась замена: на смену перекрестным отношениям, легитимность которых обуславливалась имперскими и церковными институтами, приходили формализованные отношения суверенных государств. В результате только государство приобрело монополию на контроль за такими инструментами внешней политики, как армия, дипломатия, договорная система [7, с. 24]. Фактически «Модель описывает структуру мирового порядка, состоящего из территориальных, суверенных государств, над которыми нет никакой высшей власти; государства самостоятельно улаживают возникающие в них конфликты, в том числе и силой, если это необходимо; они участвуют в системе дипломатических отношений, в противном случае сотрудничество с ними сводится к минимуму; они стремятся поставить свой собственный (национальный) интерес выше всех других; они признают справедливость принципа эффективности, т. е. принципа, который, в конечном счете, только и признается в сфере международных отношений; приобретенное становится законным» [2, с. 43].

В целом, Вестфальским миром закреплялись принципы международных отношений Нового времени: государственный суверенитет; исключительная территориальность; правовое равенство, секулярная политика; невмешательство; постоянная дипломатия; международное право; многосторонние конгрессы [7, с. 311]. Также правила, предпосылки и практика международных отношений в XVIII в. включали в себя: компенсации; выплаты; альянсы; *raison d'état* (государственные интересы. – Д. Д.); честь и престиж (формирование внешней политики было в большей степени подчинено династическим интересам и личности монарха, чем интересам народа той или иной европейской страны); Европа как семейство государств; принцип баланса сил [57, р. 7].

Несмотря на то, что Вестфальские договоренности не носили глобальный характер, на протяжении последующих двух столетий принципы действия и организации международной системы были распространены в Европе, а затем были перенесены в другие регионы мира и внедрены в международную практику [12, р. 264–267; 31, р. 3–7; 40, р. 8–12; 58, р. 4–8; 62, р. 24–30]. «Последующие мирные урегулирования заключались по образцу 1648 г. с одним важным отличием: на сцену выходят неевропейские империи. При этом хотя положение победителя или проигравшего при окончании войны определяло положение государства при начале переговоров, но границы и правители решительно менялись в момент самого урегулирования. На деле государства часто отдавали завоеванные ими территории в обмен на другие, более нужные им» [8, с. 244]. В контексте распространения Вестфальской системы британские колонии Северной Америки не были в стороне от этого процесса.

Структура международных отношений XVIII в., в частности, ставит перед исследователями проблему определения фундаментальных механизмов ее развития. Существует несколько вариантов интерпретации таковых механизмов: отрицание принципа гегемонизма, который преобладал и определял международные отношения до 1648 г. (Р. Гилпин) [30, р. 29]; международная анархия, баланс сил и силовая политика (Б. Тешке) [7, с. 311]; баланс сил, космополитическая дипломатия и ограниченные войны (А. Касселс) [21, р. 13]; противостояние ведущих государств Европы, особенно англо-французское соперничество (К. Понтинг, М. Шихан) [6, с. 656; 58, р. 97–

120]. Рассматриваемые оценки подчеркивают специфическую среду зарождения и становления внешней политики США, протекавшую в рамках Вестфальской системы международных отношений.

Производным развития государств-наций в XVIII в. стало обостренное ощущение раздельности мира на отдельные субъекты и важности роли границы в защите государственных интересов [5, с. 45], а также необходимость в меркантилизме, столь свойственном для развития Европы XVIII в. [9, с. 434]. Современные государства все чаще культивировали не размытые, а точные, жесткие границы и в пределах таковых они утверждали свой абсолютный суверенитет [20, р. 244–245]. И это имело отношение не только к сухопутным границам: государства стремились к исключительному контролю над морями за пределами береговых линий. Трансатлантические пути в период раннего Нового времени стали «территориализованными», то есть они должны были охраняться военными силами: разделение океанов не вело к установлению смежных морских пространств, а следовало пересекающимся линиям морской торговли. Вооруженные силы расчерчивали границы морского суверенитета. В этих условиях экономическая конкуренция приобретала форму военно-политического соперничества государств за рыночные монополии, колонии и торговые направления. Конкуренция становилась катализатором международных процессов и генезиса внешней политики государств раннего Нового времени. В XVI–XVII вв. понятие «суверенитет моря» обусловило противостояние «*mare clausum*» и «*mare liberum*», в процессе которого Англия, Голландия и Франция оспаривали морское преимущество Испании. Свобода морей не означала их деполитизацию и интернационализацию, а предполагала их разделение между ведущими морскими державами: практика «*mare liberum*» была привязана к системе конкурентного национального меркантилизма [7, с. 291]. Этот процесс во многом ужесточил внутреннее и внешнее строительство и функционирование международных отношений [20, р. 244–245]. Во многом рассмотренные процессы предопределили становление США в качестве морской державы.

На протяжении XVIII в. международные отношения, как и внешняя политика государств Европы, сохраняли династический характер, поскольку они по-прежнему оставались прерогативой монархических дворов [10, р. 80–94, 100–102, 119–123; 20, р. 252]. При этом следует отметить: «Международные отношения находились в руках элит, которые имели гораздо больше общего друг с другом, чем с населением собственной страны. Все они проходили классическое образование, которое могло быть, завершено Большим Туром по европейским культурным центрам; они говорили и писали на лингва франка, в восемнадцатом веке более на французском языке; монархи и аристократы свободно вступали в брак через государственные границы» [21, р. 11]. Этот нюанс дает возможность полагать, что международное соперничество протекало в рамках т. н. «солидаризма» европейских государств: международные процессы проходили в атмосфере общих ценностей и идеологический раскол практически был сведен к минимуму [17, р. 238–239]. Принимая во внимание дискуссионность этого тезиса, следует отметить, что знание дипломатического языка, общность социального статуса создавали предпосылки для того, чтобы был выработан механизм для решения международных проблем: начиная с подписания Вестфальского мира, в практику международных

отношений вошел механизм созыва конгрессов по окончании войн, на которых отрабатывался принцип всеобщих обязательств [43, р. 113; 44, р. 1]. В английских колониях Северной Америки между 1643 г. и 1774 г. состоялось порядка пятнадцати колониальных «ассамблей» и «конвентов», на которых обсуждались общие вопросы для колоний Северной Америки, включая внешнеполитические проблемы [29, р. 118–120]. Формально рассматриваемая практика созыва собраний стала источником опыта для колоний по вопросам изучения основ дипломатического процесса, который влиял на развитие отношений с европейскими державами и североамериканскими индейцами [50, р. 4–5].

Еще до провозглашения независимости в 1776 г. Соединенные Штаты Америки, будучи колониями Великобритании, развивались в рамках функционирования Вестфальской системы международных отношений. Именно «европейская модель» заложила фундамент генезиса внешней политики североамериканского государства в последней четверти XVIII в. Она обусловила системные и структурные компоненты, принципы и восприятие американскими элитами международных процессов и внешнюю политику.

В целом, Вестфальская система предопределила развитие внешней политики США. В колониальный период были заложены следующие базовые принципы, механизмы и элементы внешней политики Соединенных Штатов: европоцентричность внешней политики; препятствие установлению доминирования любой державы в Северной Америке; монополия государства на владение внешнеполитическими инструментами; непринятие иерархического контроля европейских держав; механизм ратификации международных договоров представительными органами власти; обезличенность при заключении международных соглашений; детализация сроков заключения договоров с иностранными государствами; уменьшение влияния религиозного фактора на формирование и реализацию внешней политики как следствие процесса развития светского государства; признание нелегитимности иностранного влияния на внутренние процессы; развитие постоянной дипломатии; принцип территориальности во внешней политике; участие в многосторонних конгрессах как механизме реализации интересов; формирование и соблюдение государственных интересов; использование альянсов; создание и поддержание положительного образа государства в международной среде; использование принципа баланса сил в реализации внешней политики; поддержание международного права; понимание важности границ в защите государственных интересов и в создании абсолютного суверенитета внутри государства; участие в конкуренции за экономические рынки и контроль над морскими и сухопутными коммуникациями; развитие морской мощи.

Пребывая в составе Британской империи, североамериканские колонии были частью Вестфальской системы международных отношений, что и заложило системные основы внешней политики США после провозглашения их независимости 4 июля 1776 г.

Список использованных источников и литературы

1. Валлерстайн И. Мир-система Модерна: в 4 т. Т. 2: Меркантилизм и консолидация европейского мира-экономики. 1600-1750 / Иммануил Валлерстайн. – М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. – 528 с.
Vallerstain I. Mir-sistema Moderna: v 4 t. T. 2: Merkantilizm i konsolidatsiya evropeiskogo mira-ekonomiki. 1600-1750 / Immanuil Vallerstain. – М.: Russkii Fond Sodeistviya Obrazovaniyu i Nauke, 2016. – 528 s.
2. Глобальные трансформации: Политика, экономика, культура / Д. Хелд [и др.]. – М.: Праксис, 2004. – 576 с.
Global'nye transformatsii: Politika, ekonomika, kul'tura / D. Kheld [i dr.]. – М.: Praksis, 2004. – 576 s.
3. Голдстоун Дж. Почему Европа? Возвышение Запада в мировой истории, 1500–1850 / Джек Голдстоун. – М.: Издательство Института Гайдара, 2014. – 224 с.
Goldstoun Dzh. Pochemu Evropa? Vozvyshenie Zapada v mirovoi istorii, 1500 – 1850 / Dzhek Goldstoun. – М.: Izdatel'stvo Instituta Gaidara, 2014. – 224 s.
4. Государственные и частные институты / Дэн Богарт, Маурисио Дрелихман, Оскар Гельдерблом, Жан-Лоран Розенталь // Кембриджская экономическая история Европы Нового и Новейшего времени: в 2-х томах. Том 1: 1700–1870 / Под ред. С. Бродберри, К. О'Рурк. – М.: Издательство Института Гайдара, 2013. – С. 118–160.
Gosudarstvennye i chastnye instituty / Den Bogart, Maurisio Drelikhman, Oskar Gel'derblom, Zhan-Loran Rozental' // Kembriidzhskaya ekonomicheskaya istoriya Evropy Novogo i Noveishego vremeni: v 2-kh tomakh. Tom 1: 1700–1870 / Pod red. S. Brodberri, K. O'Rurk. – М.: Izdatel'stvo Instituta Gaidara, 2013. – S. 118–160.
5. Калхун К. Национализм / Крэйг Калхун. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. – 288 с.
Kalkhun K. Natsionalizm / Kreig Kalkhun. – М.: Izdatel'skii dom «Territoriya budushchego», 2006. – 288 s.
6. Понтинг К. Всемирная история. Новый взгляд / Клайв Понтинг. – М.: АСТ: Астрель, 2010. – 958 с.
Ponting K. Vsemirnaya istoriya. Novyi vzglyad / Klaiv Ponting. – М.: АСТ: Astrel', 2010. – 958 s.
7. Тешке Б. Миф о 1648 годе: класс, геополитика и создание современных международных отношений / Бено Тешке. – М.: Изд. дом ун-та – Высшей школы экономики, 2011. – 416 с.
Teshke B. Mif o 1648 gode: klass, geopolitika i sozdanie sovremennykh mezhhdunarodnykh otnoshenii / Beno Teshke. – М.: Izd. dom un-ta – Vysshei shkoly ekonomiki, 2011. – 416 s.
8. Тилли Ч. Принуждение, капитал и европейские государства. 990–1992 гг. / Чарльз Тилли. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2009. – 328 с.
Tilli Ch. Prinuzhdenie, kapital i evropeiskie gosudarstva. 990–1992 gg. / Charl'z Tilli. – М.: Izdatel'skii dom «Territoriya budushchego», 2009. – 328 s.
9. Черняк Е. Б. Система международных отношений в Европе в XVIII веке (до 1789 г.) / Ефим Борисович Черняк // История Европы: в 8 т. – Т. 4: Европа нового времени (XVII–XVIII века). – М.: Наука, 1994. – С. 430–456.
Chernyak E. B. Sistema mezhhdunarodnykh otnoshenii v Evrope v XVIII veke (do 1789 g.) / Efim Borisovich Chernyak // Istoriya Evropy: v 8 t. – T. 4: Evropa novogo vremeni (XVII – XVIII veka). – М.: Nauka, 1994. – S. 430–456.
10. Anderson M. S. Rise of modern diplomacy / M. S. Anderson. – London: Hoboken: Taylor and Francis, 2014. – 331 p.
11. Asbach O., Schröder P. War, the State and International law in Seventeenth-Century Europe / Olaf Asbach, Peter Schröder // War, the state, and international law in seventeenth-century Europe / Ed. by Olaf Asbach, Peter Schröder. – Burlington: Ashgate, 2010. – P. 3–13.
12. Axtmann R. The State of the State: The Model of the Modern Nation State and its Contemporary Transformation / Roland Axtmann // International Political Science Review. – 2004. – Vol. 25, № 3. – P. 264–281.
13. Beaulac S. The Westphalian Legal Orthodoxy – Myth or Reality? / Stephane Beaulac // Journal of the History of International Law. – 2000. – Vol. 2. – P. 148–177.

14. Black J. Great powers and the quest for hegemony: the world order since 1500 / Jeremy Black. – New York: Routledge, 2008. – 273 p.
15. Bosbach F. Monarchia Universalis. Ein politischer Leitbegriff der frühen Neuzeit / Franz Bosbach. – Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1988. – 183 s.
16. Boucher D. Resurrecting Pufendorf and capturing the Westphalian Moment / David Boucher // Review of International Studies. – 2001. – Vol. 27. – P. 557–578.
17. Bull H. Anarchical Society: a study of order in world politics / Hedley Bull. – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2012. – 329 p.
18. Burkhardt J. Der Dreißigjährige Krieg / Johannes Burkhardt. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2015. – 307 s.
19. Burkhardt J. Wars of States or Wars of State-formation? / Johannes Burkhardt // War, the state, and international law in seventeenth-century Europe / Ed. by Olaf Asbach, Peter Schröder. – Burlington: Ashgate, 2010. – P. 17–34.
20. Buzan B., Little R. International Systems in World History: Remaking the Study of International Relations / Barry Buzan, Richard Little. – New York: Oxford University Press, 2000. – 452 p.
21. Cassels A. Ideology and international relations in the modern world / Alan Cassels. – New York: Routledge, 1996. – 320 p.
22. Croxton D. The Peace of Westphalia of 1648 and the Origins of Sovereignty / Derek Croxton // International History Review. – 1999. – Vol. 21, № 3. – P. 569–591.
23. Duchhardt H. «Westphalian System». Zur Problematik einer Denkfigur / Heinz Duchhardt // Historische Zeitschrift. – 1999. – Bd. 269, h. 2. – S. 305–315.
24. Duchhardt H. Das Reich in der Mitte des Staatensystems. Zum Verhältnis von innerer Verfassung und internationaler Funktion in den Wandlungen des 17. und 18. Jahrhunderts / Heinz Duchhardt // Das europäische Staatensystem im Wandel: strukturelle Bedingungen und bewegende Kräfte seit der frühen Neuzeit / Hrsg. von Peter Krüger. – Munich: Oldenbourg, 1996. – P. 1–9.
25. Duchhardt H. Peace treaties from Westphalia to the Revolutionary Era / Heinz Duchhardt // Peace treaties and international law in European history: from the late Middle Ages to World War One / Ed. by Randall Lesaffer. – Cambridge: Cambridge University Press, 2004. – P. 45–58.
26. Eyffinger A. Europe in the Balance: An Appraisal of the Westphalian System / Arthur Eyffinger // Netherlands International Law Review. – 1998. – Vol. 45. – P. 161–187.
27. Fischer M. Feudal Europe, 800–1300: communal discourse and conflictual practices / Markus Fischer // International Organization. – 1992. – Vol. 46, № 2. – P. 427–466.
28. Frank A. G. A Theoretical Introduction to 5000 Years of World System History / Andre Gunder Frank // Review. – 1990. – Vol. 13, № 2. – P. 155–248.
29. Frothingham R. The rise of the republic of the United States / Richard Frothingham. – Boston: Little, Brown and Company, 1910. – 640 p.
30. Gilpin R. War and Change in World Politics / Robert Gilpin. – Cambridge: Cambridge University Press, 1981. – 272 p.
31. Grewe W. G. The Epochs of international law / Wilhelm G. Grewe. – Berlin, New York: W. de Gruyter, 2000. – 780 p.
32. Gross L. The Peace of Westphalia, 1648–1948 / Leo Gross // American Journal of International Law. 1948. – Vol. 42, № 1. – P. 20–41.
33. Haggemacher P. La paix dans la pensée de Grotius / Peter Haggemacher // L'Europe des Traités de Westphalie : esprit de la diplomatie et diplomatie de l'esprit / Sous la dir. de Lucien Bély. – Paris: Presses universitaires de France, 2000. – P. 67–79.
34. Hall R. B., Kratochwil F. V. Medieval tales: neorealist «science» and the abuse of history / R. B. Hall; F. V. Kratochwil // International Organization. – 1993. – Vol. 47, № 3. – P. 479.
35. Holsti K. J. Peace and war: armed conflicts and international order 1648–1989 / Kalevi J. Holsti. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2000. – 379 p.
36. Krasner S. D. International regimes / Stephen D. Krasner. – Ithaca: Cornell Univ. Press, 1993. – 372 p.
37. Larkins J. From hierarchy to anarchy: territory and politics before Westphalia / Jeremy Larkins. – New York: Palgrave Macmillan, 2010. – 269 p.

38. Lesaffer R. Peace treaties from Lodi to Westphalia / Randall Lesaffer // Peace treaties and international law in European history: from the late Middle Ages to World War One / Ed. by Randall Lesaffer. – Cambridge: Cambridge University Press, 2004. – P. 9–44.
39. Lesaffer R. The Westphalian Peace Treaties and the Development of the Tradition of Great European Peace Settlements prior to 1648 / Randall Lesaffer. – 1997. – Vol. 18. – P. 71–95.
40. L'Europe des traités de Westphalie: esprit de la diplomatie et diplomatie de l'esprit / Sous la direction de Lucien Bély. – Paris: Presses Universitaires de France, 2000. – 615 p.
41. Levy J. S., Thompson W. R. Hegemonic threats and great-power balancing in Europe, 1495–1999 / Jack S. Levy, William R. Thompson // Security Studies. – 2005. – Vol. 14, Iss. 1. – P. 1–33.
42. Mann M. The Sources of Social Power: in 3 vols. Vol. 1: A History of Power from the Beginning to AD 1760 / Michael Mann. – Cambridge: Cambridge University Press, 1986. – 549 p.
43. Manuel F. E. Age of Reason / Frank Edward Manuel. – Westwood: PaperBook Press, 1993. – 199 p.
44. McKay D., Scott H. M. Rise of the Great Powers 1648–1815 / D. McKay, H. M. Scott. – London: Routledge, 2014. – 392 p.
45. McNeill W. H. The rise of the West: a history of the human community / William Hardy McNeill. – Chicago: University of Chicago Press, 1963. – 8298 p.
46. Morgenthau H. Politics among Nations: The Struggle for Power and Peace / Hans Morgenthau. – New York: Alfred A. Knopf, 1985. – 688 p.
47. Osiander A. Sovereignty, International Relations and the Westphalian Myth / Andreas Osiander // International Organization. – 2001. – Vol. 55. – P. 251–287.
48. Philpott D. The religious roots of modern international relations / Daniel Philpott // World Politics. – 2000. – Vol. 52. – P. 206–246.
49. Piirimäe P. The Westphalian myth and the idea of external sovereignty / Pärtel Piirimäe // Sovereignty in fragments: the past, present and future of a contested concept / Ed. by Hent Kalmo, Quentin Skinner. – Cambridge: Cambridge University Press, 2010. – P. 64–80.
50. Plischke E. U.S. Department of State: a reference history / Elmer Plischke. – Westport: Greenwood press, 1999. – 763 p.
51. Ruggie J. G. Constructing the world polity: essays on international institutionalization / John Gerard Ruggie. – London; New York: Routledge, 1998. – 312 p.
52. Ruggie J. G. Continuity and Transformation in the World Polity: Toward a Neorealist Synthesis / John Gerard Ruggie // World Politic. – 1983. – Vol. 35, № 2. – P. 261–285.
53. Schilling H. Der Westfälische Friede und das neuzeitliche Profil Europas / Heinz Schilling, // Der Westfälische Friede : Diplomatie – politische Zäsur – kulturelles Umfeld – Rezeptionsgeschichte / Hrsg. von Heinz Duchhardt. – München: De Gruyter, 1998. – S. 3–32.
54. Schilling H. Die neue Zeit. Vom Christenheitseuropa zum Europa der Staaten / Heinz Schilling. – Berlin: Siedler, 1999. – 558 s.
55. Schmidt S. To Order the Minds of Scholars: The Discourse of the Peace of Westphalia in International Relations Literature / Sebastian Schmidt // International Studies Quarterly. – 2011. – Vol. 55, № 3. – P. 601–623.
56. Schröder M. Der Westfälische Friede: eine Epochengrenze in der Völkerrechtsentwicklung? / Meinhard Schröder // 350 Jahre Westfälischer Friede: Verfassungsgeschichte, Staatskirchenrecht, Völkerrechtsgeschichte / Hrsg. von Meinhard Schröder. – Berlin: Duncker & Humblot, 1999. – S. 119–132.
57. Schroeder P. W. The Transformation of European Politics, 1763–1848 / Paul W. Schroeder. – Oxford: Clarendon Press, 1996. – 894 p.
58. Sheehan M. The Balance of power. History and theory / Michael Sheehan. – London, New York: Routledge, 2007. – 226 p.
59. Spruyt H. Institutional Selection in International Relations: State Anarchy as Order / Hendrik Spruyt // International Organization. – 1994. – Vol. 48. – P. 527–557.
60. Stavrianos L. S. Lifelines from our Past: a new world history / Leften Stavros Stavrianos. – New York: Routledge, 2015. – 290 p.
61. Steiger H. Der westfälischen Frieden – Grundgesetz für Europa? / Heinhard Steiger // Der Westfälische Friede : Diplomatie – politische Zäsur – kulturelles Umfeld – Rezeptionsgeschichte / Hrsg. von Heinz Duchhardt. – München: De Gruyter, 1998. – S. 33–80.

62. Strohmeier A. Theorie der Interaktion. Das europäische Gleichgewicht der Kräfte in der frühen Neuzeit / Arno Strohmeier. – Wien: Böhlau, 1994. – 276 s.
63. Tilly C. Coercion, Capital and European States AD 990-1990 / Charles Tilly. – Cambridge: Blackwell, 1990. – 269 p.
64. Watson A. The Evolution of International Society: A Comparative Historical Analysis / Adam Watson. – London: Routledge, 1992. – 337 p.
65. Wight M. Systems of States / Martin Wight. – Leicester: Leicester University Press, 1977. – 232 p.
66. Ziegler K.-H. Der Westfälische Frieden von 1648 in der Geschichte des Völkerrechts / Karl-Heinz Ziegler // 350 Jahre Westfälischer Friede: Verfassungsgeschichte, Staatskirchenrecht, Völkerrechtsgeschichte / Hrsg. von Meinhard Schröder. – Berlin: Duncker & Humblot, 1999. – S. 99–117.
67. Ziegler K.-H. Die Bedeutung des Westfälischen Friedens von 1648 für das europäische Völkerrecht / Karl-Heinz Ziegler // Archiv des Völkerrechts. – 1999. – Vol. 37. – S. 129–151.

Dorofiev D. V. The genesis of the Usa Foreign Policy before 1776: the Westphalian system of International relations

The article analyzes the genesis of the USA foreign policy before to the independence on the July 4, 1776 in the frame of the Westphalian system of international relations. It was found that the «European model» created the foundations of the United States foreign policy system: the foreign policy europocentrism; obstruction of the establishment of dominance of any state in North America; the state monopoly on ownership of the foreign policy instruments; the failure of hierarchical control of European powers; the mechanism of ratification of international treaties by representative bodies; anonymity at the conclusion of international agreements; detalization of the deadlines in conclusion of treaties with foreign countries; reducing the influence of the religious factor on the formation and implementation of foreign policy, as a consequence of the process of the secular state development; the recognition of the illegitimacy of the foreign influence on the internal processes; development of permanent diplomacy; the principle of territoriality in foreign policy; participation in multilateral conferences as the mechanism of realization of interests; the formation and observance of state interests; the use of alliances; the creation and maintenance of a positive image of the state in the international environment; the use of the principle of the balance of power in foreign policy; maintenance of international law; understanding the importance of boundaries in the protection of state interests and the creation of an absolute sovereignty within the state; participation in the competition for economic markets and controlling over land and sea communications; the development of sea power.

Keywords: the Genesis of U.S. foreign policy, the Westphalian system of international relations, Europe, XVI – XVIII centuries.

УДК 327.82

**ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКИ «ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ»
НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ: СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ЦЕЛИ,
ТАКТИЧЕСКИЕ ДЕЙСТВИЯ**

Колобов О. А.

*Нижегородский госуниверситет им. Н. И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород, Российская Федерация
E-mail: kolobov@imomi.unn.ru*

Хохлышева О. О.

*Нижегородский госуниверситет им. Н. И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород, Российская Федерация
E-mail: khokhlysheva@imomi.unn.ru, pravo@imomi.unn.ru*

Анализируются особенности положения Ближнего Востока в современном мире. Специальный акцент сделан на изучении особенностей восприятия региона представителями великих держав в исторической ретроспективе. Для рассмотрения данного вопроса используются сравнительный и историко-описательный методы. Выявляются конкретные причины и последствия устойчивого стратегического интереса великих держав к Ближнему Востоку. Объясняются возможности нового подхода к региону со стороны современной России. Дается анализ архивных материалов, проливающих свет на действия великих держав по отношению к Ближнему Востоку в ретроспективе и ближайшей перспективе. Рассматриваются новая концепция внешней политики России и возможности ее реализации на Большом Ближнем Востоке в обозримом будущем. Характеризуются новые технологии политических действий Российской Федерации в ближневосточном регионе с учетом фактора миротворчества и создания нормальных условий жизнедеятельности стран и народов Большого Ближнего Востока. Анализируются всевозможные обстоятельства ближневосточного конфликтогенеза. Сопоставляются конкретные усилия Российской Федерации по обеспечению международного мира и безопасности с политикой других великих держав в регионе. Дается оценка расширительного толкования Большого Ближнего Востока в современной мировой политике. Делается попытка четко определить стратегические цели и охарактеризовать закономерности тактических действий российского правительства в рамках всей ближневосточной территории. Определяется необходимость расширения русского присутствия не только на Большом Ближнем Востоке, но и в других турбулентных зонах. Максимально учитывается необходимость последовательности действий эффективной кризисной дипломатии и многостороннего сотрудничества Российской Федерации не только в регионе, но и во всем мире.

Ключевые слова: внешняя политика, стратегия, тактика, великие державы, ближневосточный конфликт.

Политика России на Ближнем Востоке в широком историческом континууме требует особого внимания. От правильного анализа ее закономерностей и особенностей во многом зависит конкретное развитие региональной ситуации, затрагивающей судьбы миллионов людей, долгое время испытывающих бедствие. При этом чрезвычайно важно четкое смысловое обоснование современных российских политических действий по собственной шкале геополитических ориентиров и цивилизационных ценностей. К сожалению, именно данного качества

собственного, оригинального российского восприятия стратегического значения Ближнего Востока нет. Оно представлено лишь англосаксонской доминантой. Об этом свидетельствуют многие обстоятельства, которые необходимо максимально учитывать на уровне планирования современной российской внешней политики. В основу настоящего объяснения специфики действия великих держав, и прежде всего США, с максимальным учетом фактора России, разумеется, положен сопоставительный анализ. Использовано множество оригинальных архивных документов, четко объясняющих многие причины всевозможных кризисных коллизий в далеком прошлом и настоящем. Термином «Ближний» или «Средний» (англ. middle) Восток в западноевропейских и американских официальных документах, дипломатической переписке, научной литературе, публицистике обычно обозначается географический регион, расположенный на стыке Европы, Азии и Африки и включающий сейчас территории Израиля, Ливана, Сирии, Иордании, Ирака, Ирана, Турции, Египта, Йемена, Саудовской Аравии, Судана, а также других стран. Данное понятие часто имеет расширительное толкование, что чаще всего связывается с изменениями геостратегических задач США и их союзников. «Не существует какого-либо стандартного пограничного размежевания, – отмечается в одном из официальных документов госдепартамента, – по которому Ближний Восток мог бы быть точно обозначен географически. Все его страны, а не только окраинные земли оказываются включенными или исключенными из общности произвольно, причем с удивительной легкостью. Значение термина зависит от его конкретного употребления и может быть отнесено к любой части планеты в манере, схожей с тем, когда кто-либо просто тычет пальцем в карту» [3, с. 21]. Своим происхождением словосочетание «Ближний Восток» обязано американскому адмиралу А. Мэхэну. Будучи известным военно-морским историком, А. Мэхэн в 1900–1902 гг. разработал теорию «сдерживания» России как «великой континентальной державы» путем создания блока «морских держав» под эгидой США и выступил за включение обширной области с центром близ Персидского залива, специально обозначенной им в качестве «Near East» (то есть, собственно, Ближнего Востока), в число регионов, «жизненно необходимых» для Запада. Эта идея легла в основу американского глобального моделирования, до сих пор имеющего целью утверждение безраздельного господства США на планете в рамках т. н. Pax Americana (мировой американской империи). Она в первую очередь предусматривала установление контроля Соединенных Штатов над кратчайшими коммуникациями между Европой, Азией и Африкой [11; 13]. «Ближний Восток, – пишет известный американский военный аналитик Б. Палмер, – относится к наиболее стратегическим регионам в мире не только из-за его геополитической позиции. Важнейшие мировые воздушные и морские маршруты проходят через территорию, составляющую мост между евразийским массивом и африканским континентом. Высока значимость Ближнего Востока и в культурном, историческом, религиозном отношениях. Он является родиной западной цивилизации, здесь находятся Иерусалим и Мекка – символические центры трех основных религий – христианства, иудаизма, ислама. Регион, обладая большим энергетическим потенциалом, является жизненным для большинства индустриально развитых держав мира и решающим для амбициозных

устремлений многих развивающихся наций» [3, с. 22]. Приведенная шкала оценок достоинств и возможностей Ближнего Востока в мировой политике приобрела стереотипные черты, характерные для западноевропейской и американской историографии. В последних экспертно-аналитических публикациях США она дополняется лишь констатациями консолидации усилий нации по защите безопасности Запада, предотвращению реальной угрозы Соединенным Штатам со стороны радикальных антизападных идеологий и регионов, а также обеспечению США свободного доступа к ресурсам где бы то ни было [9; 14]. Это отражает все возрастающее желание американских правящих классов как-то оправдать широкомасштабную экспансию в различных областях планеты, удаленных от берегов Северной Америки на многие тысячи миль, и обеспечить для США долгосрочное функционирование на мировой арене в качестве единственной супердержавы, что стало возможным после демонтажа Советского Союза, который долгие годы сдерживал имперские амбиции Вашингтона. Неслучайно Ближний Восток включен пунктом № 2 в шкалу жизненных американских геополитических интересов на современном этапе, предполагающих: «1) защиту сухопутных, морских и воздушных границ нации; 2) предотвращение доминирования в Европе, Азии или Персидском заливе какой-либо враждебной державы; 3) протекцию доступа к рынкам и свободной торговли; 4) свободный доступ к ресурсам; 5) защиту американцев от таких личных (персональных) угроз их жизням и благополучию, как терроризм и распространение наркотиков» [3, с. 22]. Начало интенсивной коммерческой и дипломатической деятельности Соединенных Штатов в ближневосточном регионе восходит ко второй половине XVIII в. Оно ничем не отличалось от той агрессивной политики, которую США предприняли в Западном полушарии сразу же после своего образования в 1776 г. Предприимчивые купцы из Бостона и Нью-Йорка торговали со странами Ближнего Востока начиная с 1767 г. В 1774 г. Континентальный конгресс установил дипломатические отношения со Священной Портой. Администрация президента США Джорджа Вашингтона в 1792 г., подписав соответствующий договор и предусмотрев интенсивные торговые мероприятия, признала независимость Марокко. В 1801–1805 гг. США уже всерьез конфликтовали с т. н. «варварскими» государствами северо-африканского побережья Средиземного моря: Алжиром, Тунисом, Триполи, попытавшимися воспрепятствовать расширению сферы влияния американских купцов на Ближнем Востоке. С того времени для «защиты» своих интересов, они стали постоянно держать в Средиземноморье эскадру из четырех кораблей, ставшую предшественницей нынешнего Шестого американского флота. Через десять лет госсекретарь США Генри Клей организовал обучение группы молодых людей из числа американских моряков турецкому, арабскому и другим восточным языкам при американских консульствах в Тунисе, Триполи, Алжире, что свидетельствовало об усилении внимания США к ближневосточному региону, который стал рассматриваться американскими правящими кругами в качестве особо перспективного. Тогда же на Ближнем Востоке появились первые американские протестантские проповедники. В 1820 г. в Смирне обосновались Л. Парсонс и П. Финк с целью «дружественных действий во имя господина и счастья на земле» [3,

с. 23]. Их деятельность удачно дополняли американские путешественники. В 1834–35 гг. Д. Стивенс первым из своих соотечественников проплыл по Нилу от Асуана до Луксора, а затем совершил поездку по Синаю, оставив после себя увлекательные записки, опубликованные в двух томах и доставившие немалое удовольствие западным читателям. Протестантские миссии из США действовали на Ближнем Востоке посредством специально созданных учебных заведений, и прежде всего, таких, как колледж Роберта (осн. в 1863 г.), Американский университет в Бейруте (осн. в 1886 г.), Стамбульский женский колледж (осн. в 1871 г.), Американский университет в Каире (осн. в 1919 г.). Впрочем, их гуманитарные и просветительские усилия были полны противоречий. Таким образом, с одной стороны, на Ближнем Востоке происходило распространение знаний, поддерживалась и вновь утверждалась христианская мораль, с другой же – постепенно готовился новый узкий круг проамериканской, прозападной элиты, сразу же ставшей пренебрежительно относиться к традициям арабской культуры и постепенно противопоставившей себя коренному населению, что было весьма выгодно США для последующего успешного осуществления в ближневосточном регионе своих далеко идущих планов. Последние, впрочем, не были еще определены отчетливо, хотя стремление к превосходству ощущалось в каждом конкретном шаге любого американца на земле Ближнего Востока, будь то представитель торговых кругов, миссионер, дипломат или представитель спецслужб. Среди многочисленных представителей США, оказавшихся в странах Ближнего Востока в первой половине XIX в. и в последующие годы, были, конечно, и те, кто вдумчиво относился к особенностям местной культуры, прекрасно знал арабский язык и смог донести правду об обычаях аборигенов общественному мнению Запада, как, например, В. Тейлор или Г. Блисс, но они явно оказались в меньшинстве. Данное обстоятельство впоследствии во многом предопределило искаженное восприятие реалий Ближнего Востока политическими и государственными деятелями, бизнесменами и журналистами стран Запада, соответствующим образом сказавшись на формировании региональной политики и дипломатии США. «Американское миссионерство, – пишет по этому поводу индийский исследователь М. Джансен, – подчеркивало те социальные и материальные выгоды, которые может обеспечить протестантская этика. Позже либералы назвали данный конверсионный процесс вестернизацией. Вестернизованный местный житель был хорошим арабом и был тепло встречен и защищен, но ему было уготовано свое место. Невестернизованный житель Ближнего Востока был плохим арабом, или просто арабом, и третиговался с жестокостью. В своем подавляющем большинстве американская враждебность была направлена против независимых лидеров арабского мира» [3, с. 24]. Таким образом осуществлялась предварительная обработка коренного населения стран Ближнего Востока и готовилась почва для последующих эффективных правительственных и общественных мероприятий США в регионе с учетом экономического роста американского государства и расширения сферы американского политического влияния в мире. Со второй половины XIX в. такие крупные монополии Соединенных Штатов, как Нью-Йоркская «Стандард Ойл Компани», стали торговать керосином в различных провинциях Османской империи. Американская торговая палата, открыв

главный филиал в Константинополе и отделения в Салониках, Смирне, Бейруте и Каире, активно содействовала экспортерам и импортерам из США в расширении связей с ближневосточными государствами. Через многочисленных торговых агентов бизнесмены из Соединенных Штатов скупали в Малой Азии высококачественный турецкий табак, солодковый корень и другие товары. В начале XX в. избыточный капитал из Соединенных Штатов устремился в самые различные отрасли хозяйства Турции, Ирана, Ирака, конкурируя с капиталом Германии, Англии, Франции. Одна из первых попыток США вложить значительные денежные средства в экономику Османской империи была связана с поездкой адмирала К. Честера в Турцию в 1908 г. в качестве представителя Нью-Йоркской торговой палаты для переговоров с султаном о железнодорожной и нефтяной концессиях. Султан дал принципиальное согласие на предоставление американцам железнодорожной концессии. Осуществление проекта, однако, затянулось. Вокруг строительства развернулась ожесточенная борьба капиталистов Англии, России, Франции и Германии. Европейские державы оказали на турецкое правительство сильное давление, и Соединенные Штаты вынуждены были отступить. Через три года США, однако, получили от турецких властей семь концессий на разработку нефти в пустыне Негев в Палестине. «С того времени, – пишет советский историк П. Осипова, – правительство США стало играть видную роль в международной борьбе за нефть, в первую очередь за нефть Ирака, а позднее во всех дипломатических контроверзах по поводу ближневосточных мандатов».

Повышение деловой активности Соединенных Штатов на Ближнем Востоке явилось закономерным следствием превращения их к началу Первой мировой войны в державу, не имевшую себе равного соперника в темпах развития и уровне капитализма. После англо-франко-израильской агрессии против Египта осенью 1956 г. формально было объявлено, что главное для 6-го флота – быть в боевой готовности в случае трансформации событий в большую конфронтацию защитить и эвакуировать американских граждан из Египта и других активных стран Ближнего Востока, избегать вовлечения в локальные столкновения, но пытаться умиротворить враждующие стороны. Фактически же американские корабли до сих пор выполняют функции гибкого инструмента дипломатии Соединенных Штатов, предназначенного для шантажа народов ближневосточного и средиземноморского регионов и обеспечения широкомасштабной деятельности транснациональных монополий, сильно влияющих на правительственную экономическую политику США в сторону сближения и взаимной интеграции на Ближнем Востоке западноевропейских стран, США и Японии. «Наша взаимозависимость, – говорил в 1975 г. госсекретарь США Г. Киссинджер, – является фактом, и Ближний Восток имеет большие возможности в глобальной экономике. Односторонние действия по продвижению вперед национальных интересов не будут служить интересам ни одной нации, если результатом будет ослабление мировой экономики. Все мы должны осуществлять нашу политику таким образом, чтобы направить ее на усиление глобальной мощи и стабильности» [3, с. 27]. Таким образом, национальные экономические интересы США на Ближнем Востоке объявлены неотъемлемой частью глобальных экономических интересов ведущих индустриальных держав, если под этими

интересами понимать полную готовность обеспечивать максимальные льготы и привилегии транснациональным корпорациям, трестам и банкам, зачастую требующим осуществления правительством США акций, отнюдь не выгодных большей части населения этой страны. При этом взаимозависимость западноевропейских стран, Японии и США усиливается, но действия американских правящих кругов по отношению к странам Ближнего Востока по-прежнему рассчитаны, прежде всего, на применение грубой военной силы и экономический диктат. Это сопровождается распространением западной идеологии в форме протестантизма и иудео-христианских моральных ценностей, что ведет к неуклонному росту антиамериканских и антиизраильских настроений, запутывая положение в регионе еще больше [7; 12]. «На Ближнем Востоке, – подчеркивал в 1979 г. бывший заместитель начальника генерального штаба армии США генерал М. Тейлор, – нам необходима прочная военная основа, которая включала бы силы общего целевого назначения, способные обеспечить военное превосходство, уверенный контроль морских путей, связывающих США с главными союзниками и основными морскими рынками, силы быстрого реагирования, состоящие как минимум из четырех дивизий, готовых к немедленной отправке за рубеж и способных без особых усилий предотвратить распространение здесь международного терроризма» [3, с. 28]. Экспансионистские устремления США в регионе, обеспечиваемые столь жесткими несущими конструкциями, предопределили преимущественную ориентацию на государства, готовые к выполнению функций «младших партнеров» и «стратегических союзников». Одним из таковых для американских правящих кругов на Ближнем Востоке стало государство Израиль, образованное 14 мая 1948 г. на территории Палестины. В одном из секретных документов госдепартамента от 1 июля 1948 г. об интересах США в этой стране говорилось следующим образом: «С политической точки зрения мы допускаем, что Палестина совместно с соседними странами будет главным фактором в любом будущем конфликте в регионе и потому должна стать территорией жизненной важности для США в качестве потенциальной базы по отношению к нашим линиям коммуникаций. С экономической точки зрения наша торговля здесь, если исключить торговлю нефтью на Ближнем Востоке, не так уж важна» [3, с. 28]. Таким образом, США сразу же решили использовать Палестину в той ее части, где был создан Израиль, прежде всего как плацдарм стратегического порядка. Данный аспект целевого назначения «единственно верного союзника» Соединенных Штатов в регионе оказался наиболее стабильным. «При наличии большой угрозы установления коммунистической тирании где-нибудь на Ближнем Востоке, – отмечалось в меморандуме администрации президента США, подготовленном для конгресса по случаю включения Израиля в программу «Американской помощи по взаимной безопасности» в 1951 г., – Израиль является бастионом мировой демократии». Аналогичное подтверждается данными многочисленных правительственных документов США по Ближнему Востоку периода 50-х – начала 90-х гг. «Продолжающаяся поддержка Израиля, – заявил член палаты представителей от штата Нью-Йорк в конгрессе 96-го созыва Г. Фиш в 1980 г., – а также признание его значения интересам стратегии и безопасности нашей собственной страны в этом

терпящем бедствие регионе мира, являются константой всей нашей внешней политики» [3, с. 28–29]. Данное обстоятельство оказалось настолько важным для избранного осенью 1992 г. президентом США демократа Б. Клинтона, что тот сразу же счел необходимым публично объявить о своем стремлении следовать в отношении Израиля традиционным для американских правящих кругов курсом, поставив во главу угла обеспечение качественного военного превосходства Израиля над потенциальными противниками. Следует отметить, что США всегда стремились использовать Израиль в качестве «местной» силы, способной играть роль «передовой линии защиты» своих интересов на Ближнем Востоке. Данное желание непременно находило положительный отклик правящей израильской верхушки, внешнеполитический курс которой был направлен на захват новых арабских земель. Отсюда тенденция к координации действий двух держав в регионе, прежде всего в тех конкретных случаях, когда, по словам бывшего израильского министра иностранных дел А. Эбана, «...первостепенную важность приобретает мощь Израиля, его способность сдерживать враждебных соседей с помощью военной силы» [3, с. 29]. Неслучайно государство Израиль зачастую рассматривается американскими правящими кругами в качестве основного союзника и «центрального элемента противодействия» любому противнику Запада на Ближнем Востоке. «Сильные израильские военно-морские и военно-воздушные силы, – свидетельствовал в 1977 г. бывший начальник разведки ВВС США генерал Дж. Киган, – создают наиболее важное зонтичное прикрытие для Соединенных Штатов в этой части мира. Разведданные, предупреждения и сведения контрразведки, сообщенные Израилем США, столь необходимы, что не могут быть даже оценены в долларах... Израильские спецслужбы составляют, на мой взгляд, основной элемент безопасности Запада в ближневосточном регионе» [3, с. 29]. Поэтому военно-стратегические расчеты США на Ближнем Востоке до сих пор не исключают интеграции Израиля в систему НАТО. Ранее допуск «младшего партнера» США в ведущий западный военно-политический блок на правах действительного члена аргументировался тем, что это сильно ускорит выработку объединенной политики стран Западной Европы и США в связи с «...перемещением центра американско-советского противоборства из Европы в ближневосточный регион» [3, с. 29]. Сейчас, когда Советский Союз исчез с политической карты мира, вступление Израиля в НАТО объясняют острой потребностью жесткого блокирования оставшихся тоталитарных антизападных режимов на Ближнем Востоке и в сопредельных стратегически важных и богатых природными ресурсами областях. Израиль к тому же продолжает считаться правящими кругами США основным пропагандистом западной идеологии в ближневосточных странах. «Хочет кто этого или не хочет, – пишет по данному поводу американский исследователь А. Вильдавски, – но Израиль существует для Запада и благодаря ему. В своем развитии он чувствует себя, пахнет и выглядит как западная страна... В отличие от Вьетнама, Кореи или Анголы Израиль составляет не часть периферии, а сердцевину Запада. К лучшему или к худшему, он является нашим. Американский национальный интерес в Израиле, безопасность и процветание Израиля заключаются в том, что любой моральный аргумент, осуждающий Израиль, относится в равной степени и к Соединенным Штатам, а

любой культурный аргумент против Израиля имеет отношение ко всей западной цивилизации» [3, с. 30]. Бывший директор международного совета еврейской общественной организации «Б'най Б'рит» Г. Эдельберг полагал, в свою очередь, что выживание Израиля затрагивает каждый нерв американской исторической цепи и жизненно воздействует на нахождение Америки в семье наций (государств). «Если американское умение и мощь в защите такой страны против советских империалистических намерений на Ближнем Востоке окажутся недостаточными, – предостерегал он в 1977 г., – то это будет началом конца для свободного мира» [3, с. 30]. Данные утверждения, конечно же, не лишены максимализма, но остается фактом постоянная особая роль Израиля в любых планах «вестернизации» ближневосточного региона, предлагаемых Соединенными Штатами мировому сообществу. Она заключается в том, чтобы скоординировать подрывную работу идеологических центров Запада, спецслужб США и разведподразделений реакционных международных организаций, обслуживающих транснациональные корпорации, тресты и банки по размытию арабских национальных традиций в регионе, недопущению арабского антиимпериалистического единства, установлению барьеров на пути проникновения в регион обновляющейся России после демонтажа Советского Союза. «Израиль, – утверждалось в одном внешнеполитическом документе конгресса США 1977 г., – сегодня выступает не только в качестве наилучшего гаранта против советской безответственности на Ближнем Востоке. По иронии судьбы он является единственным гарантом арабских прав индивидуальной безопасности на Ближнем Востоке. Арабские граждане многих стран региона, не имеющие прав голоса и позиций в правительстве, убеждены в том, что они не будут вовлечены в войну вновь до тех пор, пока Израиль поддерживает достаточно высокий уровень своей мощи» [3, с. 30]. Вообще значение Израиля и израильского лобби в США сложно переоценить: большинство шагов по урегулированию палестинской проблемы согласовываются с Тель-Авивом [5; 15]. Только в недавнее время американские президенты стали требовать от Израиля соразмерных уступок: в случае с Дж. Бушем-младшим предварительным условием этих уступок стала демократизация Палестины (заведомо невыполнимая цель с учетом условий жизни в провозглашенном и частично признанном государстве), а при Б. Обаме Вашингтон не слишком настойчиво продвигал свои требования, действуя с оглядкой на произраильское республиканское большинство в обеих палатах Конгресса [2; 8]. Американские правящие круги по-прежнему намерены использовать «сильный в военном отношении» Израиль для принуждения «инертных» арабов к положительному восприятию западного опыта в экономике, государственном строительстве, образовании, культуре. Залогом успеха совместных специальных операций объявлена политическая стабильность развития израильского государства в контрасте с трудноуправляемыми процессами во многих других ближневосточных странах. «Если будущее политических структур и ориентации в политике Омана, Сомали, Кении, Египта и Турции, – отмечается в аналитическом докладе Комитета по американо-израильским отношениям «Стратегическая ценность Израиля», подготовленном С. Розеном в 1982 г., – являются субъектом радикальных изменений, то основные политические структуры и политика Израиля являются стабильными и

предсказуемыми и воздействуют к тому же на региональную безопасность. Практически все израильские руководители в основных политических партиях поддерживают укрепление роли Соединенных Штатов в регионе, усиление способности отразить советскую агрессию и обретение возможностей применения Соединенными Штатами силы в поддержку данных целей. Лидеры обеих ведущих израильских партий подписались под документом, определяющим стратегический допуск США к соответствующим соглашениям на определенных условиях» [3, с. 31]. Вовлеченность Израиля во многие аспекты внешнеполитической деятельности и дипломатии США на Ближнем Востоке после Второй мировой войны в качестве своеобразного младшего, но равного партнера, а затем и превращение его в важного стратегического союзника дают веское основание утверждать о наличии «оси Тель-Авив – Вашингтон», которая объединяет в единое целое всю совокупность разнообразных интересов Соединенных Штатов и их сателлитов на обширной территории к востоку и западу от Суэца. Совместные действия Израиля и США поэтому выглядят вполне естественно в контексте т. н. *islamopolitik*, первые шаги в осуществлении которой были сделаны американскими правящими кругами во время кризиса в Иране в 1979–1980 гг. и связанного с заложниками из числа граждан США. Тогда США, полагаясь на «бронированный кулак» Израиля, стали действовать активно, чтобы даже географически страны прогрессивной ориентации в регионе оказались зажатыми в плотные тиски прозападных «умеренных» государств. Предполагалось, что союз Соединенных Штатов, Египта, Израиля, Саудовской Аравии, Судана и некоторых других стран может привести к рабочему миру, гарантирующему, в свою очередь, сохранность нефтепромыслов и определенные цены на нефть. Желаемого, однако, достичь не удалось. Истинные интересы США на Ближнем Востоке всеобъемлюще раскрыла операция «Буря в пустыне», осуществленная администрацией Дж. Буша против Ирака в 1991 г. Парадоксом событий тех дней явилось лишь сотрудничество с США Советского Союза на грани своего краха, который усугубила не только перестройка, начатая М. Горбачевым, но и «забота» новых «партнеров» некогда великой державы, способной проводить самостоятельную политику в регионе и имевшей много друзей в арабском мире. Оценивая кризис в Персидском заливе осенью 1990 г., госсекретарь США Дж. Бейкер подчеркнул, что «ключевым элементом стратегии является американское лидерство над глобальным альянсом, который изолирует Ирак – политически, экономически и в военном отношении» [3, с. 31]. Таким образом, американские правящие круги пытаются максимально выгодно для себя использовать объективно сложившиеся предпосылки формирования взаимосвязанного, во многом противоречивого, но единого мира. Коалиция наций при руководстве США под эгидой ООН образовалась, но ее цель при этом нивелировалась лишь по шкале узкокорыстных имперских интересов американских правящих кругов, добивающихся «свободного доступа» к любому источнику сырья на планете. Средство оказалось довольно примитивным: использование грубой военной силы Соединенными Штатами в конфликте с Ираком лишь усложнило и без того непростую ситуацию в регионе [6; 10]. «Американская ближневосточная политика, – пишет в этой связи заместитель директора отдела исследований внешней политики Фонда наследия Дж. Филлипс, – стала

анахронизмом. Так же, как и в других частях света, традиционный подход к Ближнему Востоку завершается с окончанием холодной войны и дезинтеграцией Советского Союза. Сдерживание экспансии советской мощи и влияния на Ближнем Востоке было с 1947 г. главным приоритетом ближневосточной политики Соединенных Штатов одновременно с гарантированием допуска Запада к нефти Персидского залива, упрочением безопасности Израиля, наиболее преданного американского друга, а также установлением хороших рабочих отношений с умеренными арабскими государствами. В долгосрочной перспективе первая линия обороны США против недостатка нефти будет находиться именно на свободном рынке, а не полях военных сражений» [3, с. 32–33]. Вполне может случиться, что так оно и будет. Но пока Вашингтон стремится опереться в ближневосточном регионе исключительно на грубую военную силу, о чем свидетельствуют ставшие постоянными налеты на Ирак. США взвалили на себя нелегкое бремя единственной супердержавы в мире, сохранив практически все традиции экспансионизма, агрессии, глобализма. Более того, они усилили опасные тенденции силового реагирования на любое препятствие своим национальным интересам как в целом во всем мире, так и на Ближнем Востоке в особенности. Пример с Ираком наглядно демонстрирует, какие действия будут предпочтительны для США в случае очевидной антиамериканской и антизападной позиции любой отдельной страны, в том числе и России. Факты свидетельствуют, что на протяжении всего периода нового и новейшего времени динамика интересов США в ближневосточном регионе всецело соответствовала экономическому росту американского империализма и усилению политического влияния США в глобальном масштабе. Соединенные Штаты проникли на Ближний Восток позже Великобритании и Франции. Они утвердились здесь, максимально выгодно используя сложившуюся экономическую и политическую конъюнктуру, затем долго следовали в фарватере колониальной дипломатии Великобритании. После Второй мировой войны Соединенные Штаты смогли вытеснить с Ближнего Востока практически всех своих конкурентов. Но победа оказалась пирровой. США увязли в разрешении всевозможных региональных споров, из которых наиболее существенными явились арабо-израильский конфликт и палестинская проблема, замкнувшие на себе наиболее сложные региональные и глобальные противоречия [1; 4]. Неслучайно с 1980 г. словосочетанием «Большой Ближний Восток» обозначается огромное политико-географическое пространство, включающее в себя помимо традиционных арабских стран такие государства как Иран, Турция, Афганистан, Пакистан, Туркменистан, страны Кавказа, а также мусульманские государства центрально-восточного региона и Магриба (Северной Африки). Данная дефиниция нередко коррелирует с термином «Новый Ближний Восток», введенным в оборот госсекретарем США К. Райс в 2006 г. для смыслового уточнения понятия «Большой Ближний Восток» с максимальным учетом национальных интересов и приоритетов Соединенных Штатов и Израиля. Изменение цитируемой политической фразеологии хронологически совпало с церемонией ввода в действие нефтяного терминала Баку – Тбилиси – Джейхан в Восточном Средиземноморье. Дефиниции не установились окончательно ввиду того, что, по мнению бывшего советника по национальной безопасности США Збигнева

Бжезинского, странами Нового Ближнего Востока должны стать Евразийские Балканы, Южный Кавказ (Азербайджан, Армения, Грузия) и Центральная Азия (Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан, Туркменистан, Афганистан, Таджикистан).

Для Соединенных Штатов всегда было важным расширительное толкование обширной, стратегически важной и богатой природными ресурсами территории, в пределах которой необходимо во что бы то ни стало установить именно здесь контроль за всем и вся, вытеснив непременно за границы региона (нарочито невнятно обозначенные) любого конкурента. К наиболее значительным из таковых относится, разумеется, Россия. Главное американцами на Ближнем Востоке сделано: управляемый хаос в действии. Необходимый США антропоток в глобальном масштабе сформирован и нацелен, прежде всего, на Европу. Война распространилась повсеместно. Однако окончательному решению ближневосточного вопроса в глобальной политике по американской модели мешает Россия, стратегические интересы которой сформированы четко, а тактические действия по их реализации являются весьма эффективными. Россия, действуя в качестве глобального игрока, добилась признания своего авторитета многими странами мира. В связи с этим в утвержденной Указом Президента Российской Федерации № 640 от 30 ноября 2016 г. Концепции внешней политики Российской Федерации особо подчеркивается необходимость обеспечения настоящего верховенства права в международных отношениях. «Современный мир, – отмечается в этом важном документе, – характеризуется стремительным ростом уровня, расширением характера и географии таких имеющих трансграничную природу вызовов и угроз, как незаконное распространение оружия массового уничтожения и средств его доставки, неконтролируемый трафик оружия, нелегальная миграция, торговля людьми, незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, коррупция, морское пиратство, киберпреступность, глобальная бедность, изменение климата, а также угрозы в области продовольственной, экологической и санитарно-эпидемиологической безопасности». В Концепции подчеркивается необходимость коллективного ответа на существующие и новые вызовы, который должен осуществляться на основе конвергенции ценностей различных обществ и при сохранении координирующей роли ООН терроризма В частности, согласно тексту документа, для Российской Федерации чрезвычайно важны укрепление международной безопасности, коллективная борьба с терроризмом, осуждение терроризма во всех его формах и проявлениях. Россия выступает категорически против любого использования государством террористических организаций для достижения политических, идеологических или иных целей, применяя в соответствии с международным правом и российским законодательством все необходимые меры по предупреждению терроризма и противодействию ему, защите государства и своих граждан от террористических актов, борьбе с распространением идеологии терроризма, а также настойчиво стремясь к объединению всех государств, всего международного сообщества в целях борьбы с терроризмом без политизации и предварительных усилий в соответствии с уставом ООН, нормами и принципами международного права, исходя из того, что необходимо максимально консолидировать коллективные усилия под эгидой ООН в целях борьбы с

иностранными террористами-боевиками посредством блокирования любых форм материальной поддержки террористических организаций. На Большом Ближнем Востоке основной стратегической целью России вновь стало масштабное многопрофильное и повсеместное присутствие в регионе. При этом задача повышения статуса России как значимой внешней силы для основных региональных государств оказалась выполненной. Кроме данного обстоятельства, необходимо учитывать появившиеся у России новые возможности сдерживания и ослабления исламского экстремизма и радикализма, способных вдруг распространиться на стратегически важные земли по периметру юго-восточных границ бывшего СССР. Активизация современной российской политики на Большом Ближнем Востоке способна существенным образом изменить обстановку в регионе. Императивом непременно окажется всесторонняя поддержка тех сил, которые способны установить долгосрочные связи геополитического, экономического, культурного назначения со всеми умеренными ближневосточными представителями делового сообщества, а также многими государственными образованиями и политическими организациями, позитивно настроенными по отношению к РФ, которая уже вернулась в регион с четко обозначенной, концептуально выверенной долгосрочной стратегией, направленной на непереносимое достижение стабильности и процветания не только на региональном, но и глобальном уровнях. Главным является последовательность действий, эффективная антикризисная дипломатия и многостороннее сотрудничество в интересах всех людей доброй воли на планете. Российское лидерство, таким образом, приобретает весьма четкую обоснованность и логичность во всех аспектах жизнедеятельности не только Большого Ближнего Востока как стратегически важного и богатого природными ресурсами региона. Таким образом, вовлеченность РФ в события на Большом Ближнем Востоке становится не только фактором традиции, но и обстоятельством наиболее значительной геополитической инновации.

Список использованных источников и литературы

1. Бирюков Е. С. Этапы и инструменты внешней политики США на Ближнем Востоке // Международная жизнь. 2016. № 11. С. 85–104.
Biriukov E. S. Etapy i instrumenty vneshnei politiki SShA na Blizhnem Vostoke [Stages and tools of US foreign policy in the Middle East]. *Mezhdunarodnaia zhizn'*. 2016. № 11. С. 85–104.
2. Касаткин П. И., Ивкина Н. В. Личность президента как фактор формирования внешнеполитической повестки дня США (некоторые итоги президентства Б. Обамы) // Полис. Политические исследования. 2017. № 1. С. 125–135.
Kasatkin P. I., Ivkina N. V. Lichnost' prezidenta kak faktor formirovaniia vneshnepoliticheskoi povestki dnia SShA (nekotorye itogi prezidentstva B. Obamy) [President's personality as factor of US foreign policy formation (some results of B. Obama presidency)]. *Polis. Politicheskie issledovaniia*, 2017, № 1, pp. 125–135. (In Russian)
3. Колобов О. А. Соединенные Штаты Америки и проблема Палестины. Нижний Новгород: Издательство Нижегородского университета, 1993. 223 с.
Kolobov O. A. Soedinennye Shtaty Ameriki i problema Palestiny [The United States of America and the problem of Palestine]. *Nizhnij Novgorod, Izdatel'stvo Nizhegorodskogo universiteta Publ.*, 1993. 223 p. (In Russian)
4. Курбанов М. А. США и Ближний Восток: маскировка старых идей или новый курс? // США и Канада: экономика, политика, культура. 2013. № 10 (526). С. 67–78.

Kurbanov M. A. SShA i Blizhnii Vostok: maskirovka starykh idei ili novyi kurs? [The USA and the Middle East: masking of old ideas or new course]. SShA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura, 2013, № 10 (526), pp. 67–78. (In Russian).

5. Лошкарев И. Д. Ресурсы этнического лоббизма во внешней политике США: теоретические аспекты // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61. № 3. С. 76–83.

Loshkarev I. D. Resursy etnicheskogo lobbizma vo vneshnei politike SShA: teoreticheskie aspekty [Resources of ethnic lobbying in the US foreign policy: theoretical aspects]. Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia, 2017, vol. 61, № 3, pp. 76–83. (In Russian).

6. Примаков Е. М. Ближний Восток: дальнейшая милитаризация политики США // Свободная мысль. 2010. № 6 (1613). С. 137–150.

Primakov E. M. Blizhnii Vostok: dal'neishaia militarizatsiia politiki SShA [The Middle East: further militarization of US policy]. Svobodnaia mysl', 2010, № 6 (1613), pp. 137–150. (In Russian).

7. Суслов Д. В. Политика США по управлению «расширенным» Ближним Востоком // США и Канада: экономика, политика, культура. 2005. № 4. С. 72–89.

Suslov D. V. Politika SShA po upravleniiu «rasshirennym» Blizhnim Vostokom [US policy on governing the enlarged Middle East]. SShA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura, 2005, № 4, pp. 72–89. (In Russian).

8. Тарбаев С. А. Политика США на Ближнем Востоке при Джордже Буше // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Международные отношения». 2009. № 2. С. 71–78.

Tarbaev S. A. Politika SShA na Blizhnem Vostoke pri Dzhordzhe Bushe [US policy towards the Middle East under George Bush] // Vestnik Rossiiskogo universiteta Druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniia [PFUR Review. International relations], 2009, № 2, pp. 71–78. (In Russian).

9. Шумилин А. И. Политика США на Ближнем Востоке в контексте «Арабской весны». М.: Международные отношения, 2015. 336 с.

Shumilin A. I. Politika SShA na Blizhnem Vostoke v kontekste «Arabskoi vesny» [US policy towards the Middle East in the context of the Arab spring]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 2015. 336 p. (In Russian).

10. Hunter R. E. US Interests and the Use of Force in the Middle East // The International Spectator. 2015. Vol. 50. № 4. Pp. 95–112.

11. Karim W. J. Stratagems and Spoils in US Policy in the Middle East // Globalizations. 2011. Vol. 8. Pp. 601–607.

12. Mady A. F. American foreign policy and peace in the Middle East // Contemporary Arab Affairs. 2010. Vol. 3. № 3. Pp. 271–296.

13. Simón L. Seapower and US Forward Presence in the Middle East: Retrenchment in Perspective // Geopolitics. 2016. Vol. 21. No. 1. Pp. 115–147.

14. Telhami S. The Stakes: America in the Middle East: The Consequences of Power and the Choice for Peace. Boulder CO, Westview Press, 2004. 214 p.

15. Terry J. J. US Foreign Policy in the Middle East: The Role of Lobbies and Special Interest Groups. London, Pluto Press, 2005. 176 p.

Kolobov O. A., Khokhlysheva O. O. Contemporary policy of the «Great Powers» in the Middle East: strategic goals and tactic actions

The article analyzes the features of the situation in the Middle East in the modern world. Special emphasis is placed on consideration of the peculiarities of the perception of the region by representatives of the great powers in historical retrospect. To put these peculiarities objectively, the author uses comparative and historical-descriptive methods. The article also reveals specific causes and consequences of the strategic interest of the great powers towards the Middle East. Later the author explains the possibilities of a new approach to the region on the part of modern Russia and presents the analysis of archival materials shedding light on the actions of the great powers in relation to the Middle East in retrospect and in the near future. This allows to consider a new Concept of Russia's foreign policy and the possibility of its implementation in the Greater Middle East in the foreseeable future. The article describes new technologies of political actions of the Russian Federation in the Middle East region, taking into account the factor of peacemaking and the creation of normal living conditions for the countries and peoples of the Greater Middle East. The specific peacekeeping efforts of the Russian Federation are compared – with the policies of other great powers in the region. This allow to forge the assessment of the broad interpretation of the Greater Middle East in contemporary world politics. Furthermore, an attempt is made to clearly define strategic goals and characterize the patterns of tactical actions of the Russian government within the entire Middle East territory. This preconditions the need to expand the Russian presence not only in the Greater Middle East as well as in other turbulent zones. The article underlines the importance of consistency in the actions of effective crisis diplomacy and multilateral cooperation of the Russian Federation in the region and throughout the world.

Keywords: foreign policy, strategies, geopolitics, tactics, Russian presence, conflict, Great Near East, «Great Powers»

УДК 94 (620:569.4-054.73):327

ПОЗИЦИЯ ЕГИПТА В РЕШЕНИИ ВОПРОСА ПАЛЕСТИНСКИХ БЕЖЕНЦЕВ В КОНЦЕ 1950-Х – НАЧАЛЕ 1960-х гг.

Крыжко Л. А.

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: lidochka12345@mail.ru*

Проанализирована позиция Египта в решении вопроса палестинских беженцев в период после Суэцкого кризиса 1956 г. до начала 1960-х гг. Проблема палестинских беженцев вышла на международный уровень после окончания первой арабо-израильской войны 1948–1949 гг. и получила обострение в египетско-израильском противостоянии после Суэцкого кризиса. Автор приходит к выводу о том, что основу противоречий Египта и Израиля в этом вопросе составлял подход к объяснению понятия «репатриация». Понимая необходимость сохранения проблемы палестинских беженцев как механизма решения территориальных споров с Израилем, Египет настойчиво придерживался позиции отказа от их абсорбции на подконтрольной ему территории. Вместе с тем египетское руководство осознавало необходимость осторожного подхода к проблеме беженцев из Палестины, стремясь, с одной стороны, сохранить и повысить свой авторитет среди палестинцев и арабских государств, а с другой – создать условия для максимально возможного контроля зарождающегося палестинского движения сопротивления (ПДС). Данная позиция египетского руководства вступала в противоречия с видением решения проблемы в Иордании, что объясняется различием восприятия роли палестинского фактора во внешнеполитических стратегиях каждой из сторон. Внешнее отстранение египетского руководства от деятельности палестинских военизированных формирований на границе с Израилем, характерное для второй половины 1950-х гг., к концу 950-х – началу 960-х гг. XX в. сменилось официальной поддержкой военной формы борьбы за самоопределение палестинского народа в виде отдельного государства. Это было направлено на подъем авторитета ОАР среди арабских государств как консолидирующего центра в борьбе против Израиля, а также на получение роли «наставника» ПДС. Поставленная задача была осуществлена к середине 1960-х гг. посредством инициативного участия Египта в создании и деятельности Организации Освобождения Палестины (ООП), призванной возглавить ПДС в борьбе за освобождение палестинских территорий.

Ключевые слова: Египет, Палестина, Израиль, СССР, США, беженцы, БАПОР, Г. А. Насер.

В результате арабо-израильской войны 1948–1949 гг. и Суэцкого кризиса 1956 г. территория бывшей Палестины подверглась существенным изменениям. Арабское население стало национальным меньшинством в новом государственном образовании, оказалось под властью военного режима, утратило былой статус и имущество. После создания государства Израиль свыше 90 % бывших палестинских земель стало частной или общественной еврейской собственностью [6, с. 98–99]. В начале 1950-х гг. между Египтом и Израилем состоялись переговоры по урегулированию положения на Ближнем Востоке. Помимо вопросов о принадлежности южной части пустыни Негев, свободы судоходства по Суэцкому каналу, они касались также проблемы палестинских беженцев [13, с. 158], однако не привели стороны к единому решению.

В декабре 1949 г. Генеральной Ассамблеей ООН было учреждено Ближневосточное агентство Организации Объединенных Наций для помощи

палестинским беженцам и организации работ (БАПОР), инициатором создания которого выступили США с целью осуществления крупномасштабных проектов развития в рамках оказания помощи палестинским беженцам. Арабские государства дали свое согласие на учреждение БАПОР только после получения заверения о том, что оно не будет угрожать праву беженцев на возвращение на родину согласно резолюции ГА ООН № 194 (III) от 11 декабря 1948 г. [11, с. 57].

Согласно данным БАПОР, по состоянию на середину 1950 г. число палестинских беженцев составляло 950 тыс. человек [11, с. 57]. По официальным данным БАПОР, численность палестинских беженцев на территории подконтрольного Египту сектора Газа выросла с 198 227 человек в 1950 г. до 296 953 человек в 1965 г. [11, с. 59]. Увеличению количества палестинских беженцев способствовала политика израильской стороны по закреплению за собой захваченных в ходе арабо-израильской войны 1948–1949 гг. территорий, что сопровождалось принудительной депортацией арабского населения.

На площадке ООН в конце 50-х – начале 60-х гг. XX в. развернулись острые дискуссии по вопросу решения проблемы палестинских беженцев. Ситуация противостояния арабской и еврейской стороны в этом вопросе усугублялась нежеланием идти на взаимные уступки, перекадыванием ответственности друг на друга, взаимными обвинениями. В этот период центральное место в проблеме арабских беженцев занимала их «палестинская национальность», появилось видение решения палестинского вопроса путем нейтрализации проблемы беженцев. Глубоко укоренившиеся настроения с обеих сторон приводили к тому, что все усилия, направленные на разрешение палестинского вопроса и проблемы беженцев не увенчались успехом [3, с. 304].

Осуществление практической помощи беженцам оставалось в компетенции БАПОР, финансирование которого состояло из добровольных вложений США, Европейского сообщества, Великобритании, Швеции, арабских стран Персидского залива, скандинавских стран, Японии и Канады. В 1963 г. гуманитарная деятельность обошлась Агентству в 25,5 млн долл в год; около 25 долл в год приходилось на одного беженца [3, с. 304–305].

Согласно обращению президента Египта Г. А. Насера к президенту США Д. Эйзенхауэру от 22 января 1956 г., египетское руководство в отношении палестинских беженцев придерживалось позиции, в соответствии с которой соглашение о переселении или репатриации арабских беженцев может быть легко достигнуто после достижения справедливого и разумного решения территориальной проблемы: «Вместе с тем я считаю крайне важным, чтобы беженцам была предоставлена свобода выбора репатриации или компенсации за утрату их бывших домов и имущества в Палестине. Мне представляется разумным предоставить всем беженцам возможность сразу же получить компенсацию, если они этого захотят; для тех, кто выбирает репатриацию, следует учитывать способность абсорбировать Израиль, также фактическая репатриация должна проходить поэтапно в течение соответствующего количества лет» [23, р. 233].

В полемике с арабскими лидерами чрезвычайный и полномочный посол Израиля в ООН, впоследствии – министр иностранных дел Израиля А. Эвен выступал против

идеи репатриации палестинских беженцев в Израиль, основываясь на том, что прибытие арабских беженцев из арабских земель на неарабские не является возвращением на родину: «Расселение беженцев в Израиле будет не репатриацией, а отчуждением из арабского общества; только процесс объединения с людьми, которые разделяют национальные чувства, культурное наследие и языковое своеобразие стало бы настоящей репатриацией арабского беженца» [14, с. 79].

В то же время администрацией США была разработана тактическая схема действий, в соответствии с которой определяющее значение для решения проблемы палестинских беженцев имело признание Израилем принципа репатриации и его готовность публично заявить об этом: «Без такой готовности со стороны Израиля нет никаких шансов на какое-либо значительное сотрудничество со стороны любых арабских правительств» [16, с. 114]. После этого планировалось переходить к переговорам с Ираком и Иорданией по переселению на их территории палестинских беженцев. Согласование этих вопросов с указанными государствами предполагалось при соблюдении максимальной степени секретности, чтобы избежать сирийского и египетского противодействия, поскольку Сирия и Египет связывали решение проблемы палестинских беженцев с проблемой существования Израиля.

Египет, как и большинство арабских государств, не был заинтересован в решении вопроса арабских беженцев подобным образом, исходя из политических соображений. По словам Д. Бен-Гуриона, арабские страны относились к палестинцам лишь как к оружию, с помощью которого можно нанести удар по Израилю. Представитель Управления ООН по делам беженцев в Иордании Р. Галловэй разделял эту позицию, утверждая, что арабские государства хотят сохранить проблему беженцев «как открытую рану, в качестве вызова ООН и оружия против Израиля» [14, с. 79]. Неготовность арабских стран к какому-либо конструктивному сотрудничеству с целью решения вопроса арабских беженцев привела к провалу инициатив, выдвинутых Генеральным секретарем ООН, шведским дипломатом Д. Хаммаршельдом, основывающихся на интеграции палестинских беженцев в экономическую жизнь Ближнего Востока [14, с. 79].

Потеряв возможность пользоваться защитой государства-мандатария, палестинцы не приобрели на статуса апатрида, ни статуса граждан/подданных государства-убежища, ни полноценного статуса беженца [1, с. 71]. Позиция арабской стороны основывалась на том, что проблема палестинцев связана с правом самоопределения палестинского народа и его правом на территорию всей Палестины, что делало необходимым предоставление отличного от статуса беженца юридического статуса. Палестинцы по требованию арабских государств были выведены из-под юрисдикции Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ ООН) в связи с тем, что его деятельность носила преимущественно гуманитарный характер, а палестинская проблема рассматривалась арабской стороной исключительно как политическая. В этой связи, а также по причине того, что палестинцы пользовались защитой и помощью других организаций, помимо УВКБ ООН, им было отказано в статусе беженцев на основе Конвенции о статусе беженца 1951 г. [1, с. 70–71].

Государственный министр по делам президентства А. Сабри во время беседы с временным поверенным в делах СССР в Египте П. И. Герасимовым так характеризовал значимость для президента Г. А. Насера палестинского вопроса: «палестинский вопрос является очень сложным вопросом и в то же время – весьма деликатным. Президент Насер, когда его спрашивают по этому поводу, проявляет большую осторожность, так как малейший неосторожный шаг в этом деле может привести к нежелательным серьезным последствиям» [7, с. 102], что говорит о важном, особом значении для Г. А. Насера формирования адекватной и правильной с точки зрения целесообразности внешнеполитического курса позиции в палестинском вопросе. Позже А. Сабри разъяснял соображения египетского правительства относительно вопроса о палестинских беженцах следующим образом: «палестинские беженцы должны сами решить свою судьбу» [8, с. 109]. Позиция египетского правительства в отношении палестинских беженцев основывалась на необходимости предоставления палестинцам возможности самостоятельно решать важнейшие задачи возвращения своих прав и территорий.

Руководство СССР поддерживало позицию египетской стороны относительно решения проблемы беженцев из Палестины посредством их возвращения на прежние места проживания или получения компенсации: «Если Насер затронет вопрос о палестинских беженцах, то можно сказать, что Советский Союз придерживается той точки зрения, что судьбу этих обездоленных людей нельзя решить подачками, которые делаются некоторыми государствами через Ближневосточное агентство, без удовлетворения их законных прав вернуться на старые места или получить справедливую компенсацию за понесенный ущерб» [15, с. 253].

Из справки посольства СССР в ОАР по палестинской проблеме от 29 мая 1959 г. следует, что правительство Египта считало в сложившейся внешнеполитической ситуации нецелесообразным создание условий для абсорбции палестинских беженцев на своей территории, в частности, это касалось района Газы, где сосредоточено 245 тыс. палестинских беженцев и позиции ОАР были не прочны. Для Египта имело принципиальное значение возвращение беженцев на свои территории. «В этой связи в печати и выступлениях руководителей ОАР неоднократно отмечалось о необходимости приостановления иммиграции евреев в Израиль, т.к. увеличение численности еврейского населения в Израиле делает невозможным возвращение в Израиль палестинских беженцев» [18, с. 276]. Таким образом, руководство ОАР оказалось в сложной ситуации, когда, с одной стороны, стояла задача возвращения беженцев на палестинскую территорию, а с другой, – не создавая условий для облегчения политического и материального положения палестинцев в Газе необходимо было сохранить здесь позиции египетской администрации.

Помимо противостояния арабской и еврейской сторон в решении проблемы арабских беженцев, ситуацию существенно осложняли и межарабские противоречия, связанные с различной социально-политической ориентацией и соответствующим расхождением взглядов на пути решения палестинской проблемы.

Иордания являлась единственным государством, предоставившим свое подданство палестинцам. Так, в 1950 г. между Иорданией и оккупированным ею в результате арабо-израильской войны 1948–1949 гг. Западным берегом р. Иордан

была подписана Декларация о единстве, по которой население Западного берега получило иорданское подданство. В 1954 г. был принят закон об иорданском подданстве, в соответствии с которым палестинцы, имевшие на 14 мая 1948 г. палестинское гражданство и постоянно проживающие в Иордании в период с 20 декабря 1949 г. по 16 февраля 1954 г., имели право получить иорданское подданство [2, с. 35]. Идея иордано-палестинского единства была позже поддержана традиционными лидерами палестинских беженцев в Иордании, о чем свидетельствует письмо главам арабских государств от 2 апреля 1971 г. [21, с. 213].

Позиции Египта и Иордании в отношении решения проблемы палестинских беженцев расходились, что было обусловлено различием функций, отведенных этими государствами палестинскому фактору. Так, в телеграмме в МИД посол СССР в ОАР В. Я. Ерофеев разъяснял, что в ответ на выдвинутый египтянами проект создания палестинского государства и организации на контролируемой ими территории правительства будущего государства представитель Иордании выступил против этого проекта: «правительство сохраняет за собой свободу действий в вопросе об устройстве палестинских беженцев, дабы облегчить их тяжелое положение. С этой целью оно, в частности, и предоставило им право принять иорданское подданство независимо от их места нахождения. Здесь высказывают предположение, что за этой носящей характер ультиматума позицией иорданского правительства скрывается его негласный сговор с Западом и даже Израилем. Последний, стремясь снять проблему палестинских беженцев, будто бы не только пообещал выделять Иордании соответствующую долю вод р. Иордан после завершения израильского проекта орошения пустыни Негев, но и переводит на счета Иордании за границей средства для устройства палестинских беженцев» [20, с. 296]. Этим, собственно, и объяснялось нежелание иорданской стороны поддерживать Египет в рамках решений ООН по Палестине.

Король Иордании Хусейн был «вполне удовлетворен нынешним положением, поскольку значительная часть Палестины к западу от реки Иордан практически поглощена Иорданией, и, заявив о праве всех палестинских беженцев на иорданское подданство, Хусейн как бы снимает проблему беженцев. Насер контролирует кусок палестинской территории у Газы и лишь в пропагандистских целях будирует вопрос о создании палестинского государства» [10, с. 317].

Однако здесь необходимо отметить, что положение арабских беженцев на территории Иордании, несмотря на получение гражданства, оставалось тяжелым. «Уделом для многих оставались те же палаточные лагеря и безработица. Король Абдалла приблизил к себе крупных палестинских феодалов-помещиков, шейхов племен, даже ввел их в правительство, но разогнал все общественные организации, запретил любую политическую деятельность», – вспоминает журналист-международник П. Е. Демченко [5, с. 37]. В то же время территория Египта, наряду с территориями таких арабских государств, как Сирия, Ливан и Иордания, постепенно становилась плацдармом для сосредоточения палестинских тайных групп и ячеек, провозгласивших борьбу за независимость палестинского народа и пытающихся найти контакт с политическими организациями.

Секретность деятельности военных и политических организаций палестинцев во второй половине 1950-х – начале 1960-х гг. объяснялась преобладанием в арабских странах враждебного к ним отношения. Тем не менее подпольные группы палестинских студентов, получающих образование в Каире, а также палестинские ячейки в секторе Газа, стали основой будущей наиболее влиятельной палестинской организации – «Движение палестинского национального освобождения» (ФАТХ) [24, р. 155].

Деятельность палестинских фидаинов до начала 1960-х гг. не поддерживалась официальным Египтом, поскольку здесь существовали опасения ответного удара со стороны Израиля, к чему египетская сторона не была готова. В январе 1956 г. Г. А. Насер утверждал, что проникновения арабских боевиков из сектора Газы в Израиль не связаны с заинтересованностью египетского руководства в накаливании обстановки на границе, а являются результатом враждебности к Израилю со стороны проживающих в Газе палестинских беженцев [12, с. 99]. Таким образом, апеллируя к экстремистской настроенности лишенных земли и крова палестинцев, египетская сторона стремилась снять с себя ответственность за террористические акты и инциденты на границе с Израилем, а также актуализировать среди мировой общественности необходимость решения проблемы палестинских беженцев.

Однако к началу 1960-х гг. ситуация существенно изменилась в силу пересмотра египетской стороной значимости палестинского движения сопротивления в решении важнейших внешнеполитических задач. Новый взгляд на палестинскую проблему египетской стороны был обозначен Г. А. Насером в марте 1959 г. на 31-й сессии Лиги арабских государств (ЛАГ), в соответствии с которым центральное место в проблеме беженцев заняла борьба не только за право возвращения на родину, но и за самоопределение палестинского народа: «Проблема беженцев – это, по сути дела, проблема существования Израиля», – заявило каирское радио в 1963 г. [4, с. 228]. Заявление на официальном уровне об изменении подхода египетской стороны к палестинской проблеме было связано с тем, что «Насер правильно рассчитал, что палестинский вопрос будет сплачивать арабов, поможет претворению в жизнь его сокровенной мечты об арабском единстве. Призыв египетского президента был услышан. Палестинский вопрос выдвигался на острие межарабской политики, и каждый глава государства старался занять почетную и вместе с тем выгодную для себя позицию» [5, с. 40]. Президент Египта «положил начало регулярным встречам в верхах, которые должны были сплачивать пеструю семью арабских стран, и стал кумиром палестинцев» [5, с. 41]. Именно патриотические призывы и активная деятельность египетского лидера способствовали актуализации палестинского вопроса к середине 1960-х гг., привели к идейному подъему в палестинском движении сопротивления и направили его на решение вопроса беженцев как проблемы национального самоопределения в рамках отдельного государства.

На конференции министров иностранных дел государств – членов Лиги арабских государств, проходившей 22–28 августа 1960 г. в г. Шторе, недалеко от ливано-сирийской границы, делегация ОАР, возглавляемая министром иностранных дел М. Фавзи, предложила создать «палестинскую сущность» с палестинской армией и палестинским правительством, которая возьмет в свои руки все дела, касающиеся

палестинских беженцев [17, с. 342]. Обозначенная идея создания «палестинской сущности» без привязки к определенной территории соответствовала позиции Иордании, которая выступала против создания палестинского государства.

28 мая 1964 г. решением ЛАГ была основана Организация освобождения Палестины (ООП). Решение о создании ООП было одобрено главами государств и правительств 13 арабских стран на совещании в Александрии, созванном по инициативе Г. А. Насера. Он же предложил кандидатуру главы организации, учитывая проегипетские взгляды А. Шукейри и стремясь упрочить свое влияние на палестинцев [22, с. 84]. Главной задачей ООП провозглашалось объединение всех палестинцев, независимо от места их проживания, для борьбы за освобождение Палестины, оккупированной Израилем. Созданы также исполнительный совет из 15 членов во главе с А. Шукейри, который будет являться своего рода исполнительным органом, и временная Национальная ассамблея – законодательный орган [9, с. 430]. Обосновывая целесообразность сформированной политической организации палестинцев, египетское руководство отмечало: «До создания ООП делом освобождения Палестины занимались все арабские государства. Теперь это будет находиться в руках самих палестинцев. Роль арабских государств будет сводиться к оказанию помощи последним» [9, с. 431]. Посредством участия в организации и контроля деятельности ООП египетское руководство стремилось достичь желаемого влияния на функционирование палестинского движения сопротивления.

В телеграмме посла СССР в ОАР В. Я. Ерофеева в МИД СССР отмечалось: «После довольно острых дебатов конференция в Александрии одобрила учреждение ООП и создание при этой Организации палестинской освободительной армии. Создание ООП и палестинской армии при ней имеет, по-видимому, своей целью, с одной стороны, придать этой организации международный статус, а с другой – снять с арабских государств непосредственную ответственность за действия палестинской армии, хотя последняя и будет целиком на иждивении арабских государств. Для этого в качестве добровольных пожертвований выделено 6 млн ф.: Кувейт – 2 млн, Ирак и Саудовская Аравия по 1 млн и другие. Поскольку король Хусейн не в восторге от планов создания палестинской освободительной армии на территории Иордании, в которую включена значительная часть бывшей Палестины, Насер сделал великодушный жест, предоставив для обучения частей палестинской армии территорию Синайского полуострова и сектор Газы» [19, с. 440]. Таким образом, к середине 1960-х гг. проблема палестинских беженцев находит свое выражение в виде политической организации и формировании палестинской армии, что в полной мере соответствовало внешнеполитической стратегии египетской стороны.

В конце 50-х – начале 960-х гг. XX века проблема палестинских беженцев продолжала занимать центральное место в арабо-израильском противостоянии. Неразрешенность проблемы палестинских беженцев способствовала возрастанию социальных противоречий, подъему радикальных настроений среди палестинцев. Несмотря на расхождения во взглядах на пути ее решения внутри арабских государств, Египет стойко придерживался позиции о необходимости сохранения проблемы беженцев как механизма влияния на израильскую сторону.

Основа противостояния в вопросе о беженцах сводилась к объяснению понятия «репатриация» различными сторонами конфликта. В отличие от израильской позиции, которая ставила во главу угла возможность национального, культурного, языкового сосуществования арабов с евреями, египетская позиция основывалась исключительно на географическом понятии «репатриация», то есть возвращении палестинцев на прежние места проживания. Таким образом, для египетской стороны важно было сохранение проблемы палестинских беженцев как основного элемента решения территориальных споров с Израилем.

В отличие от позиции Иордании, аргументы Египта сводились к тому, что содействие абсорбции палестинцев в арабских государствах будет способствовать ликвидации условий, необходимых для борьбы за их независимость.

Деятельность египетской стороны в отстаивании своей позиции относительно решения проблемы палестинских беженцев можно назвать достаточно успешной, что проявилось к середине 1960-х гг. и выражалось в организационном оформлении палестинского движения сопротивления. Инициативное участие в создании и деятельности ООП явилось осуществлением египетского проекта по контролю и влиянию на ПДС. В результате Египет на официальном уровне заявил о поддержке деятельности палестинских организаций по созданию независимого палестинского государства путем освобождения территорий, занятых Израилем. Открытая поддержка и участие Египта в деятельности палестинских организаций против Израиля способствовала обострению конфронтации, что в конечном итоге привело к новому масштабному военному конфликту на Ближнем Востоке.

Список использованных источников и литературы

1. Абилов К. А. Международно-правовое положение палестинцев // Ближний Восток и современность: сб. статей. – М., 2003. – Вып. 20. – С. 70–76.
Abilov K. A. Mezhdunarodno-pravovoe polozhenie palestincev // Blizhnij Vostok i sovremennost'. sb. statej. – М., 2003. – Вып. 20. – С. 70–76.
2. Абилов К. А. Позиция Иордании по вопросу правового статуса палестинцев // Востоковедный сборник. – М.: ИВ РАН, 2007. – Вып. 8. – С. 34–40.
Abilov K. A. Pozicija Iordanii po voprosu pravovogo statusa palestincev // Vostokovednyj sbornik. – М.: IV РАН, 2007. – Вып. 8. – С. 34–40.
3. Батенко А. В., Близняков Р. А., Малышев Д. А., Щевелев С. С. История Палестины (1897–2009 гг.) / Под. ред. С. С. Щевелева. – Симферополь – Киев: Доля, 2011. – 512 с.
Batenko A. V., Bliznjakov R. A., Malyshev D. A., Shhevelev S. S. Istorija Palestiny (1897–2009 gg.) / Pod. red. S. S. Shheveleva. – Simferopol' – Kiev: Izdatel'stvo «Dolja», 2011. – 512 s.
4. Генеральная ассамблея ООН. Официальные отчеты. 18-я сессия. Специальный политический комитет. Краткие отчеты заседаний 17.09 – 16.12.1963. Заседание 410. – Нью-Йорк: ООН, 1963. – X. – 361 с.
General'naja assambleja OON. Oficial'nye otchety. 18-ja sessija. Special'nyj politicheskij komitet. Kratkie otchety zasedanij 17.09 – 16.12.1963 g. Zasedanie 410. – N'ju-Jork: OON, 1963. – X. – 361 s.
5. Демченко П. Е. Там, за рекой, – Палестина. – М.: [б. и.], 1989. – 128 с.
Demchenko P. E. Tam, za rekoj, – Palestina. – М.: [b.i.], 1989. – 128 s.
6. Елистратова А. В. Арабское меньшинство в израильском обществе: прошлое и настоящее // Востоковедный сборник. – М., 2002. – Вып. 4. – С. 93–112.
Elistratova A. V. Arabskoe men'shinstvo v izrail'skom obshhestve: proshloe i nastojashhee // Vostokovednyj sbornik. – М., 2002. – Вып. 4. – С. 93–112.

7. Запись беседы временного поверенного в делах СССР в Египте П. И. Герасимова с государственным министром по делам президентства Али Сабри. 7 августа 1957 г. // Ближневосточный конфликт: из документов архива внешней политики РФ. 1947–1967. В 2-х т. Том 2: 1957–1967 / Отв. ред. В. В. Наумкин. – М.: МФД, 2003. – С. 102–104.

Zapis' besedy vremennogo poverennogo v delah SSSR v Egipte P. I. Gerasimova s gosudarstvennym ministrom po delam prezidentstva Ali Sabri. 7 avgusta 1957 g. // Blizhnevostochnyj konflikt: Iz dokumentov arhiva vneshnej politiki RF. 1947–1967. V 2-h t. Tom 2: 1957–1967 / Otv. red. V. V. Naumkin. – M.: MFD, 2003. – S. 102–104.

8. Запись беседы временного поверенного в делах СССР в Египте П. И. Герасимова с государственным министром по делам президентства Али Сабри. 24 августа 1957 г. // Ближневосточный конфликт: из документов архива внешней политики РФ, 1947–1967: В 2-х т. Т. 2: 1957–1967 / Отв. ред. В. В. Наумкин. – М.: МФД, 2003. – С. 109–110.

Zapis' besedy vremennogo poverennogo v delah SSSR v Egipte P. I. Gerasimova s gosudarstvennym ministrom po delam prezidentstva Ali Sabri. 24 avgusta 1957 g. // Blizhnevostochnyj konflikt: iz dokumentov arhiva vneshnej politiki RF, 1947–1967: V 2-h t. T. 2: 1957–1967 / Otv. red. V. V. Naumkin. – M.: MFD, 2003. – S. 109–110.

9. Запись беседы посла СССР в Иордании П. К. Слюсаренко с послом ОАР Мухаммедом Камаль Эд-Дин Халилем. 4 июня 1964 г. // Ближневосточный конфликт: из документов архива внешней политики РФ. 1947–1967. В 2-х т. Т. 2: 1957–1967 / Отв. ред. В. В. Наумкин. – М.: МФД, 2003. – С. 430–432.

Zapis' besedy posla SSSR v Iordanii P. K. Sljusarenko s poslom OAR Muhammedom Kamal' Jed-Din Halilem. 4 ijunja 1964 g. // Blizhnevostochnyj konflikt: Iz dokumentov arhiva vneshnej politiki RF, 1947–1967. V 2-h t. T. 2: 1957–1967 / Otv. red. V. V. Naumkin. – M.: MFD, 2003. – S. 430–432.

10. Запись беседы посла СССР в ОАР В. Я. Ерофеева с председателем Египетского Национального Комитета Мира Биндари. 22 марта 1960 г. // Ближневосточный конфликт: из документов архива внешней политики РФ, 1947–1967. В 2-х т. Т. 2: 1957–1967 / Отв. ред. В. В. Наумкин. – М.: МФД, 2003. – С. 315–318.

Zapis' besedy posla SSSR v OAR V. Ja. Erofeeva s predsedelem Egipetskogo Nacional'nogo Komiteta Mira Bindari. 22 marta 1960 g. // Blizhnevostochnyj konflikt: Iz dokumentov arhiva vneshnej politiki RF. 1947–1967. V 2-h t. T. 2: 1957–1967 / Otv. red. V. V. Naumkin. – M.: MFD, 2003. – S. 315–318.

11. Казакова Н. Гуманитарная деятельность ООН и решение проблемы палестинских беженцев // Востоковедный сборник. – М., 2003. – Вып. 5. – С. 56–73.

Kazakova N. Gumanitarnaja dejatel'nost' OON i reshenie problemy palestinskih bezhencev // Vostokovednyj sbornik. – M., 2003. – Vyp. 5. – S. 56–73.

12. Крыжко Л. А. Египетско-израильские пограничные вооруженные столкновения в первой половине 1950-х гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение: вопросы теории и практики. – 2017. – № 10–1 (84). – С. 97–100.

Kryzhko L. A. Egipetsko-izrail'skie pogranichnye vooruzhennye stolknovenija v pervoj polovine 1950-h gg. // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. – 2017. – № 10-1 (84). – S. 97–100.

13. Крыжко Л. А. Трансформация внешнеполитического курса Египта в начале 1950-х гг. и проблема египетско-израильских взаимоотношений // Международные отношения. – 2017. – № 1. – С. 155–163.

Kryzhko L. A. Transformacija vneshnepoliticheskogo kursa Egipta v nachale 1950-h gg. i problema egipetsko-izrail'skih vzaimootnoshenij // Mezhdunarodnye otnoshenija. – 2017. – № 1. – S. 155–163.

14. Листопадова А. В. В поисках путей решения проблемы палестинских беженцев // Востоковедный сборник. – М., 2003. – Вып. 5. – С. 76–92.

Listopadova A. V. V poiskah putej reshenija problemy palestinskih bezhencev // Vostokovednyj sbornik. – M., 2003. – Vyp. 5. – S. 76–92.

15. Материал для бесед члена президиума ЦК КПСС Н. А. Мухитдинова с руководящими деятелями ОАР [1958 г.] // Ближневосточный конфликт: из документов архива внешней политики РФ. 1947–1967. В 2-х т. Том 2: 1957–1967 / Отв. ред. В. В. Наумкин. – М.: МФД, 2003. – С. 250–254.

Material dlja besed chlena prezidiuma SK KPSS N. A. Muhitdinova s rukovodjashhimi dejateljami OAR [1958 g.] // Blizhnevostochnyj konflikt: iz dokumentov arhiva vneshnej politiki RF. 1947–1967. V 2-h t. Tom 2: 1957–1967 / Отв. ред. V. V. Naumkin. – М.: MFD, 2003. – S. 250–254.

16. Памятная записка помощника госсекретаря США по делам с международными организациями Уилкокса государственному секретарю Дж. Ф. Даллесу о проблеме палестинских беженцев. Вашингтон, 2 июля 1957 г. // Румянцев В. П. Арабо-израильские отношения в 1950-е гг.: взгляд из Вашингтона и Москвы. Учебно-методическое пособие. – Томск: Томский государственный университет, 2007. – С. 114–115.

Pamjatnaja zapiska pomoshhnika gossekretarja SShA po delam s mezhdunarodnymi organizacijami Uilkoksa gosudarstvennomu sekretarju Dzh. F. Dallesu o probleme palestinskih bezhencev. Vashington, 2 ijulja 1957 g. // Rumjancev V. P. Arabo-izrail'skie otnoshenija v 1950-e gg.: vzgljad iz Vashingtona i Moskvu. Uchebno-metodicheskoe posobie. – Tomsk: Tomskij gosudarstvennyj universitet, 2007. – S. 114–115.

17. Справка посольства СССР в Ливане о конференции министров иностранных дел арабских государств. 7 октября 1960 г. // Ближневосточный конфликт: из документов архива внешней политики РФ. 1947–1967. В 2-х т. Том 2: 1957–1967 / Отв. ред. В. В. Наумкин. – М.: МФД, 2003. – С. 341–342.

Spravka posol'stva SSSR v Livane o konferencii ministrov inostrannyh del arabskih gosudarstv. 7 oktjabrja 1960 g. // Blizhnevostochnyj konflikt: Iz dokumentov arhiva vneshnej politiki RF. 1947–1967. V 2-h t. Tom 2: 1957–1967 / Отв. ред. V. V. Naumkin. – М.: MFD, 2003. – S. 341–342.

18. Справка посольства СССР в ОАР по палестинской проблеме. 29 мая 1959 г. // Ближневосточный конфликт: из документов архива внешней политики РФ. 1947–1967. В 2-х т. Т. 2: 1957–1967 / Отв. ред. В. В. Наумкин. – М.: МФД, 2003. – С. 276–278.

Spravka posol'stva SSSR v OAR po palestinskoj probleme. 29 maja 1959 g. // Blizhnevostochnyj konflikt: Iz dokumentov arhiva vneshnej politiki RF. 1947–1967. V 2-h t. T. 2: 1957–1967 / Отв. ред. V. V. Naumkin. – М.: MFD, 2003. – S. 276–278.

19. Телеграмма посла СССР в ОАР В.Я. Ерофеева в МИД СССР. 13 сентября 1964 г. 7 октября 1960 г. // Ближневосточный конфликт: из документов архива внешней политики РФ. 1947–1967. В 2 х т. Т. 2: 1957–1967 / Отв. ред. В. В. Наумкин. – М.: МФД, 2003. – С. 438–441.

Telegramma posla SSSR v OAR V. Ja. Erofeeva v MID SSSR. 13 sentjabrja 1964 g. 7 oktjabrja 1960 g. // Blizhnevostochnyj konflikt: Iz dokumentov arhiva vneshnej politiki RF. 1947–1967. V 2-h t. T. 2: 1957–1967 / Отв. ред. V. V. Naumkin. – М.: MFD, 2003. – S. 438–441.

20. Телеграмма посла СССР в ОАР В. Я. Ерофеева в МИД СССР. 19 февраля 1960 г. // Ближневосточный конфликт: из документов архива внешней политики РФ. 1947–1967. В 2-х т. Т. 2: 1957–1967 / Отв. ред. В. В. Наумкин. – М.: МФД, 2003. – С. 296–297.

Telegramma posla SSSR v OAR V. Ja. Erofeeva v MID SSSR. 19 fevralja 1960 g. // Blizhnevostochnyj konflikt: Iz dokumentov arhiva vneshnej politiki RF. 1947–1967. V 2-h t. T. 2: 1957–1967 / Отв. ред. V. V. Naumkin. – М.: MFD, 2003. – S. 296–297.

21. Щевелев С. С., Крыжко Е. В. Планы короля Иордании Хусейна и палестинского движения сопротивления по решению палестинской проблемы в 1970–1972 годах // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 3–1 (77). – С. 212–216.

Shhevelev S. S., Kryzhko E. V. Plany korolja Jordanii Husejna i palestinskogo dvizhenija soprotivlenija po resheniju palestinskoj problemy v 1970–1972 godah // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. – 2017. – № 3-1(77). – S. 212–216.

22. Щевелев С. С., Крыжко Л. А. Египетско-иорданский фактор палестинского движения сопротивления (50-е – 60-е гг. XX в.). – Симферополь – М.: СОНАТ, 2017. – 246 с.

Shhevelev S. S., Kryzhko L. A. Egipetsko-iordanskij faktor palestinskogo dvizhenija soprotivlenija (50-e -60-e gg. XX v.). – Simferopol' – М.: SONAT, 2017. – 246 s.

23. Text of proposed message from Egyptian President Nasser to President Eisenhower, 22 January 1956 // Heikal M. H. Cutting The Lion's Tail: Suez through Egyptian eyes. – Wallingford, 1986. – P. 231–234.

24. Textes de la Revolution Palestinienne 1968 – 1974. – P.: Sindbad, 1975. – 355 p.

Kryzhko L. A. The position of Egypt in the decision of the question of palestinian refugees in the end of the 1950's - the beginning of the 1960's.

The article is devoted to the study of the position of Egypt in addressing the issue of Palestinian refugees in the period after the Suez crisis of 1956 until the early 1960's. The problem of Palestinian refugees came to the international level after the end of the first Arab-Israeli war of 1948–1949 and was aggravated in the Egyptian-Israeli confrontation after the Suez crisis. The author comes to the conclusion that the basis for the contradictions between Egypt and Israel in this matter was the approach to explaining the concept of «repatriation». Realizing the necessity of preserving the problem of the Palestinian refugees as a mechanism for settling territorial disputes with Israel, Egypt persistently adhered to the position of refusal to absorb them in the territory under its control. At the same time, the Egyptian leadership was aware of the need for a cautious approach to the problem of refugees from Palestine, seeking, on the one hand, to maintain and increase its authority among Palestinians and Arab states, and on the other, to create conditions for the maximum possible control of the emerging Palestinian resistance movement (PRM). This position of the Egyptian leadership conflicted with the vision of the solution of the problem in Jordan, which is explained by the difference in the perception of the role of the Palestinian factor in the foreign policy strategies of each side. The external removal of the Egyptian leadership from the activities of Palestinian militarized formations on the border with Israel, characteristic of the second half of the 1950's, towards the end of the 1950's – the beginning of the 1960's was replaced by official support for the military form of the struggle for the self-determination of the Palestinian people in the form of a separate state. This was aimed at raising the authority of the UAR among the Arab states as a consolidating center in the struggle against Israel, as well as getting the role of the «mentor» of the PRM. The task was accomplished by the mid-1960's. through the initiative participation of Egypt in the creation and activities of the Palestine Liberation Organization (PLO), which is to lead the PRM in the struggle for the liberation of the Palestinian territories.

Keywords: Egypt, Palestine, Israel, USSR, USA, refugees, UNRWA, G.A. Nasser.

УДК 94(47).084.9: 327.54+339.9

ВПЕЧАТЛЕНИЯ ИНОСТРАНЦЕВ О ПОСЕЩЕНИИ СССР В КОНТЕКСТЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ ПЕРИОДА ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

Попов А. Д.

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: rushistcfu@mail.ru*

Охарактеризованы отзывы иностранных граждан (в первую очередь туристов) о посещении СССР в контексте идеологического противостояния между Советским Союзом и странами Запада. Особое внимание уделено не комплементарным высказываниям, которые активно тиражировались советской стороной и должны были способствовать популяризации идей социализма среди зарубежной аудитории, а критическим отзывам, констатирующим недостатки сервиса и внутренние проблемы развития советского общества. Автор приходит к выводу, что в условиях холодной войны критика реальных дефектов советского сервиса на страницах зарубежных средств массовой информации практически всегда переходила в идеологическую плоскость и служила для обоснования общих выводов о неэффективности, негуманности, тоталитарности социалистического строя. В то же время в СССР существовали две основные стратегии работы с негативными отзывами иностранцев. Первая из них состояла в замалчивании такого рода информации, сокрытии ее от советской аудитории. Вторая стратегия реализовывалась в форме публичной полемики с авторами критических отзывов на страницах советских средств массовой информации, чаще всего в формате обличающих «клеветников» материалов или сатирических фельетонов, в которых их претензии высмеивались и доводились до абсурда.

Ключевые слова: иностранный туризм, идеология, пропаганда, кросс-культурный диалог, средства массовой информации, холодная война, СССР.

Иностранный (въездной) туризм в СССР всегда был ориентирован не только на получение экономической прибыли, но и на формирование в сознании граждан зарубежных стран позитивного образа «Страны Советов» и социалистического строительства. Для достижения этой цели активно использовался определенный набор демонстрационных практик, который вслед за американским политологом Полом Холландером принято называть «техниками гостеприимства». Их основу составляло повышенное внимание к обслуживанию зарубежных гостей, а также выборочное представление им советской действительности, когда лучшие и специально подготовленные к показу объекты презентовались как типичные [1–2]. Такая практика, формирование которой началось уже в 20-е гг. XX в., достаточно подробно описана в ряде работ отечественных [3–6] и зарубежных [7–10] исследователей, для которых характерно внимание к довоенному, а не послевоенному периоду. При этом ставилась задача не только обосновать все преимущества социализма на уровне рационального восприятия, но и повлиять на эмоциональное состояние и мировоззренческую картину мира каждого отдельно взятого интуриста. Неслучайно в одном из советских документов 1971 г. утверждалось, что иностранный туризм является одним из каналов идеологической борьбы, «фронт которой проходит через сердца и умы миллионов людей» [11, л. 53].

Авторы книги «Советское зазеркалье» также утверждают, что в годы холодной войны развернулась борьба за внутренний мир каждого отдельно взятого индивида [5, с. 91]. Вся система организации иностранного туризма была направлена на то, чтобы вояжеры из-за рубежа могли не только увидеть, узнать и понять, но и полюбить СССР [12]. Естественно, что важным являлось не только влияние на путевые впечатления и мировоззренческую картину мира самого гостя, но и расчет на то, что после возвращения из путешествия иностранцы станут транслировать свои позитивные впечатления в своем окружении, что будет способствовать формированию позитивного общественного мнения о Советском Союзе за рубежом. Впрочем, эти отзывы также широко тиражировались в советских средствах массовой информации, что должно было убеждать граждан СССР в успешности и высоком международном признании социалистического проекта. Данная статья является продолжением изучения роли трансграничных коммуникаций по линии международных туристских связей как поля информационно-идеологического противостояния между СССР и Западом, ранее рассмотренной автором на примере советского зарубежного (выездного) туризма [13–14].

Логическим завершением советских «техник гостеприимства» должна была являться фиксация итоговых позитивных отзывов, сделанных иностранцами на основании всего комплекса увиденного и услышанного в СССР. Приведем несколько типичных образцов таких текстов, опубликованных в различных советских изданиях. Так, в конце 70-х гг. XX в. посетившие СССР гости из Великобритании оставили такой отзыв: «Прекрасный отдых! У нас нет никаких жалоб. Нам оказан очень теплый прием. Мы восхищены достижениями СССР. Надеемся приехать еще раз. Спасибо!» [15, с. 397]. В интервью газете «Правда» глава одной из американских туристских фирм заявлял: «Главное впечатление, появляющееся у американцев после визита в СССР, было удивление. Слишком многие годы они питались лишь пустой пропагандой. Сейчас они удивлены и восхищены знакомством с глубокой историей, культурой, достижениями вашего народа. Подавляющее большинство туристов пишет, что это замечательная поездка, от которой они получили огромное удовольствие. Люди не только возвращаются с хорошим впечатлением от вашей страны, но и рекомендуют своим знакомым и друзьям съездить в СССР» [16].

Следуя логике советской информационно-пропагандистской работы, восхищение должны были вызывать не только достижения страны в целом, но и прекрасные личностные качества советских людей. Например, от туристов из Италии в 1973 г. был получен такой отзыв: «В нашем сердце останется воспоминание о красоте вашей страны, о воспитанности и доброте вашего народа, о той высокой морали, на принципах которой вы строите свою жизнь» [17]. Во многих позитивных отзывах отмечалось, что «самым впечатляющим для нас останутся в памяти приветливость и гостеприимство ваших людей, их добрые слова, адресованные нам» [3, с. 12]. Также весьма показательным было наличие комплементарных оценок советского сервиса, например: «Меня поразили высокий уровень обслуживания и дружелюбие персонала. Особенно меня радовал самовар с чаем каждый вечер. Я возвращаюсь домой, но все же я буду скучать о гостинице “Россия”» [18].

В то же время весьма распространенными были и критические отзывы, как правило, сделанные уже после возвращения из Советского Союза. Обычно они размещались в зарубежных средствах массовой информации или даже публиковались в виде отдельных книг и брошюр. Советская сторона получала информацию о таких «нежелательных» впечатлениях по различным каналам, чаще всего через сотрудников посольств и зарубежных представительств различных советских организаций, после чего реализовывался один из сценариев возможной реакции. Первый и более распространенный сценарий заключался в замалчивании критики, когда на полученное информационное сообщение с описанием критического материала накладывался гриф «секретно» или «для служебного пользования», после чего оно использовалась для внутри- или межведомственного анализа причин, обстоятельств и возможных последствий появления конкретного негативного отзыва. Реже применялась другая стратегия, когда претензии иностранцев выборочно цитировались, а затем комментировались и высмеивались в публичном информационном пространстве, нередко с доведением до абсурда изложенных в них тезисов. В таком случае даже совершенно здравые и справедливые положения публичной критики советских реалий полностью опровергались, а все сказанное объявлялось «наглой клеветой наших недругов», направленной на дискредитацию социалистической системы. Посетивший в 1936 г. Советский Союз французский писатель Андре Жид по этому поводу очень метко заметил (имея в виду советскую реакцию на свою критику после возвращения из СССР): «Червь прячется в глубине плода. Но когда я вам сказал: “Это яблоко червивое”, – вы обвинили меня в том, что я плохо вижу или в том, что я не люблю яблоки» [19, с. 146].

Критические отзывы о поездках в СССР появились на страницах зарубежной прессы уже на первом этапе организации иностранного туризма. Например, в марте 1931 г. на страницах «Бернской газеты» утверждалось следующее: «гостиницы Москвы – самые дорогие в мире. ... Комнаты, в связи с большим спросом, неизмеримо дороги, хотя и обставлены весьма просто и часто лишены необходимого комфорта. Пребывание в Москве обходится дороже отдыха на Ривьере. Бывали случаи, когда за ночевку в ванной комнате отеля иностранцы платили 13 франков...» [20, л. 88–90]. Что же касается уровня обслуживания на периферии, то он в представлении некоторых зарубежных комментаторов был недопустимо низким. В 1930 г. француженка Клауде Алейран высказывала возмущение тем, что в гостинице «Отель де Версаль» во Владивостоке «грязные полы, вытертые и дырявые ковры, темная лестница, грязные стены, нет занавесок на окнах и лифт не работает» [21, с. 135–136]. Процитированные критические отзывы вполне укладываются в универсальную логику поведения клиента, недовольного качеством оказанных ему услуг с точки зрения их несоответствия рекламным обещаниям или высокой стоимости. Однако международный контекст развития советского иностранного туризма приводил к тому, что «потребительская» критика очень часто трансформировалась в более или менее явную идеологическую критику. Для последней было характерно публичное разоблачение применявшихся по отношению к вояжерам из-за рубежа «техник гостеприимства», а также обвинения советской системы в неэффективности, негуманности, тоталитарности. Так, один из немецких туристов, посетивших СССР в

начале 30-х гг. XX в., констатировал: «Насколько особое положение занимает столица по отношению к деревне, иллюстрирует лучше всего тот гротескный факт, что рабочие, солдаты, чиновники, официанты собирают в Москве и высушивают остатки хлеба, чтобы послать родственникам-крестьянам в провинцию. В России, в первую очередь, не в городе, а именно в деревне голод становится непосредственной и всеобщей угрозой для жизни» [9, с. 276].

После начала холодной войны публичная критика, связанная с посещением СССР, еще чаще стала иметь политическое звучание как для западной, так и для советской стороны. Показательны в этом отношении путевые впечатления американского писателя-фантаста Роберта Хайнлайна, который посетил Советский Союз в 1959–1960 гг. и по итогам поездки написал откровенно антисоветское произведение «“Интурист” изнутри». В частности, на протяжении своего повествования он несколько раз возвращается к идее о том, что в советском обществе социальная стратификация более выражена, чем американском: «...это связано с социалистическим “равенством” – еще одним примером коммунистической семантики, – потому что в этом эгалитическом раю равенства нет. Вы нигде не найдете ничего похожего на непринужденное равенство между американским таксистом и его пассажиром. В СССР вы или наверху, или внизу – но никогда не равны. ... Разрыв между богатыми и бедными в России 1960 года был высок, возможно, даже больше, чем в США. Но разрыв этот проявляется в “привилегиях”, а не в деньгах: персональном автомобиле с шофером, летних домах, апартаментах» [22]. По меньшей мере спорными являются и другие его утверждения, например, что реальное количество жителей Москвы в 1960 г. якобы составляло не 5 млн, а 750 тыс. чел., или что «...в местах, не оккупированных нацистами, многие из самых больших и пышных зданий были построены как раз в то время, когда американцы погибали, приводя в Мурманск конвои с грузами по ленд-лизу» [22].

Критические высказывания Хайнлайна интересно сравнить с впечатлениями колумбийского писателя Габриеля Гарсиа Маркеса, посетившего СССР летом 1957 г. в качестве участника VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов. Если американский фантаст все же больше сосредоточен на разоблачении недостатков «интуристовской» системы и практических советах потенциальным туристам, то Маркес стремится сделать более широкие обобщения. Для него Советский Союз – страна драматических контрастов, но не между разными слоями населения, а между общим уровнем жизни в стране и ее геополитическими амбициями, когда «...трудящиеся ютятся в одной комнатухе и могут купить два платья в год, и в то же время их раздувает от гордости, что советский аппарат побывал на Луне» [23]. Пожалуй, главный вывод Маркеса, сделанный им на основе поездки в СССР, звучит так: «В тех случаях, когда мы оказывались втянутыми в гигантский механизм фестиваля, мы видели Советский Союз в его волнующей и колоссальной стихии. Но едва, подобно заблудшим овцам, попадали в круговорот чужой незнакомой жизни, обнаруживали страну, погрязшую в мелочном бюрократизме, растерянную, ошеломленную, с комплексом неполноценности перед Соединенными Штатами» [23].

Особенно острое звучание критика советской системы и советского сервиса для иностранцев приобрела накануне Олимпиады-80. В советских источниках эта критика характеризовалась как спланированная, «грязная» информационная кампания, не имеющая ничего общего с действительностью. Так, в аналитической записке от 21 марта 1979 г., подготовленной для ЦК КПСС Агентством печати «Новости» (АПН), сообщалось: «За последние месяцы западная пропаганда в целом сместила акцент антиолимпийской кампании с требования бойкота Олимпиады-80 на проблемы “трудностей Советского Союза в сфере обслуживания”. Распространяются измышления о том, что Советский Союз якобы не в состоянии обеспечить проведение Олимпийских игр на должном уровне из-за недостатка гостиниц, ресторанов, увеселительных заведений и продуктов питания». Далее приводились многочисленные цитаты из зарубежной прессы, в которых также утверждалось, что «подготовка специалистов к обслуживанию Игр осуществляется под контролем КГБ» и что «было бы предательством, если бы московские Игры состоялись при участии всех западных спортсменов, несмотря на то, что советские граждане лишены права высказывать свои мысли, создавать политические и культурные общества или эмигрировать из страны» [24, с. 210–211].

Для подтверждения тезиса АПН о сознательном нагнетании зарубежными СМИ ситуации вокруг качества советского сервиса накануне Олимпиады-80 приведем несколько примеров из других источников. Так, в конце 70-х гг. XX в. на страницах западногерманской газеты «Гандерсхаймер Крайсблат» вышла серия статей некоего Фишера «На собственной автомашине по Советскому Союзу», описывающая путешествие по автомобильному маршруту: Выборг – Ленинград – Новгород – Калинин – Москва – Орел – Курск – Белгород, которые отличались резкостью оценок и откровенной тенденциозностью. Приведем лишь отдельные выдержки: «Уже на первых километрах к Выборгу шоссе становится все хуже и хуже. По всему маршруту дороги от среднего до самого низкого уровня. ... Дома по обочинам дорог напоминают фотографии царских времен. Время как бы остановилось. Движение машин постоянно тормозится преграждающими путь босыми и оборванными детьми, просящими жевательную резинку и авторучки. ... Первый обед в ресторане вокзального типа в Выборге, где туалеты распространяют тошнотворный запах... Питание туристов в пути очень однообразное: порции мяса маленькие, картофель едва съедобен, кофе представляет особую проблему...» [25, л. 18–19].

Уже после составления процитированной выше аналитической записки АПН в августовском номере западногерманского журнала «Шпигель» за 1979 г. появилась еще одна характерная статья о путешествии в СССР, озаглавленная «Будь бдительным и готовым к прыжку. Коммунист с Запада посещает советский рейх». В ней содержались негативные отзывы побывавших в Советском Союзе участников интернационального поезда дружбы по маршруту Чоп – Киев – Москва – Ленинград – Брест. Помимо гостей из европейских социалистических стран, в этом вояже участвовала и группа из 94 австрийских туристов, которые затем и стали инициаторами критики на страницах «Шпигеля». При этом реально имевший место факт неудовлетворительных условий проживания в одном из мест размещения, где туристы отказались останавливаться из-за наличия тараканов и клопов, описывался

среди общих рассуждений о недостатках советской системы, тотальном дефиците и системе привилегированного снабжения партийных функционеров [26, л. 53–58].

Имеющиеся в нашем распоряжении источники не дают возможности оценить, была ли такая явная политизация дорожных впечатлений инициативой самих туристов или результатом редакционной политики западных средств массовой информации. Непосредственно во время пребывания в СССР иностранным гостям гораздо удобнее было давать позитивные отзывы, даже если они не были искренними. Например, по результатам проведенных в 1977–1978 гг. выборочных социологических исследований только 3 % туристов из соцстран и 7 % туристов из капстран ответили, что после посещения СССР в качестве туристов их отношение к этой стране изменилось в худшую сторону [27, с. 18]. Однако если они были гражданами капиталистических стран, то после их возвращения на родину, по всей видимости, включалась «обратная цензура». В случае публикации путевых заметок или интервью, а тем более при издании книги путевых очерков именно критические отзывы были востребованы редакторами и ожидаемы массовой аудиторией. Это хорошо видно на примере известного американского боксера Мохаммеда Али, который в 1978 г. после возвращения из поездки по СССР в США дал несколько интервью, в которых озвучил исключительно положительные оценки увиденного. После этого в американской прессе появилось большое количество материалов с резкой критикой спортсмена, в ходе которой он изображался как «слепой» человек, который, поддавшись иллюзии «потемкинских деревень», не смог увидеть весь ужас реальной советской действительности [28]. В качестве противоположного примера можно привести англоязычную книгу южноафриканского писателя и журналиста Лоуренса Ван дер Поста «Путешествие в Россию» (1964), где он писал о том, что «жизнь в [Советской] России безобразна и кажется даже невыносимой» [29]. В отличие от своего соотечественника, просоветски настроенного писателя Алекса Ла Гумы, Лоуренс Ван дер Пост был совершенно не известен в СССР. Но на Западе его критическая книга о поездке в СССР на английском языке неоднократно переиздавалась довольно значительными тиражами [подробнее см.: 30].

И все же в некоторых случаях советская сторона решалась на публичное комментирование критических отзывов о пребывании в СССР, причем местом для размещения такого рода комментариев чаще всего была советская пресса, вследствие чего их основными потребителями становилась внутренняя, а не зарубежная аудитория. Первоначально в связи с небольшими объемами иностранного туризма зарубежные «клеветники» в советской прессе персонифицировались в образе иностранных корреспондентов. Особо подчеркивалось, что поиск компрометирующих сведений о «Стране Советов» являлся их главным редакционным заданием. Например, в одном из номеров сатирического журнала «Крокодил» за 1936 г. был опубликован фельетон «В Потемкинской деревне». Его главным героем является немецкий журналист Юлиус Пфедфер, который был послан в СССР для сбора доказательств бутафорского характера успехов советской власти на селе, но в действительности «раздобыл на советском масле и икре» и увидел лишь реальные достижения [31]. В 1947 г. газета «Культура и жизнь» – печатный орган Управления пропаганды ЦК ВКП(б) – опубликовала статью «Клеветники»,

комментирующую высказывания иностранных журналистов, побывавших в Москве на сессии Совета Министров иностранных дел. Прежде всего, авторы статьи иронизируют над наблюдением корреспондента газеты «Чикаго трибьюн» Фултона, согласно которому «Москва населена не только оборванными, голодающими и напуганными людьми, но и опасно красивыми женщинами-шпионками, которые стремятся убедить неосторожных иностранцев выдать свои секреты». Дальнейшая логика статьи заставляет ее авторов поставить вопрос о том, в чем заключается «секрет бешеной ненависти, которую питают к Советскому Союзу все фашисты мира, какую бы демократическую маску они не носили», причем ответ они «находят» в высказывании другого иностранного журналиста Тревора Смита: «В России нет ни одного живого русского, который был бы готов продать свою страну, или послушаться приказаний извне» [32, с. 56–57].

Весьма противоречивое впечатление вызывает фельетон Марка Виленского «Папа без шляпы», где интуристы прямо сравниваются со свиньями, которые «гадят» там, где находятся, сознательно портят социалистическую собственность и «суют свой нос и объектив в замочные скважины тех немногих дверей, которые для них закрыты» [33]. В этом и других фельетонах, посвященных иностранному туризму, гости из-за рубежа с настойчиво ищут признаки бутафорского характера советской действительности – проверяют на прочность стекла в гостиничном номере (что и дает основание обвинять их в порче социалистической собственности), недоверчиво ощупывают мраморные колонны в московском метро, которое по их информации должны были быть сделаны «из раскрашенного картона» [34], и вообще выражают абсолютную уверенность, что все вокруг является специально созданной декорацией для введения их в заблуждение. В одном из советских фельетонов был приведен такой воображаемый диалог с интуристом-скептиком:

«Почему вы строите именно в этом месте? Для нас, туристов? Мне говорили, что специально из-за иностранцев северо-восток перенесли на юго-запад.

– Нет, это мы строим для себя ...

– А озеро Рицу вы тоже вырыли для себя? – не унимался молодой скептик. Может быть и университет на Ленинских горах вы тоже построили для себя? Хе-хе. Все это ваш “Интурист” делает для нас, иностранцев» [35].

Однако главным негативным качеством иностранных туристов по-прежнему назывался не их скепсис, не задаваемые ими под влиянием буржуазной пропаганды «тенденциозные» вопросы («Можно ли колхозникам-супругам поселиться на отдельной квартире или все обязаны жить коллективно?»), а сознательная клевета на советскую действительность после возвращения на Запад. Так, в одном из фельетонов «Крокодила» говорится уже не об абстрактных персонажах, а о конкретном госте из рубежа – английском писателе Питере Флеминге, который после своего автопутешествия по Европейской части СССР разместил цикл путевых очерков в лондонской газете «Таймс». Автор фельетона А. Вихрев приводит несколько фрагментов из публикаций Флеминга на основе которых обвиняет его в снобизме и предвзятости, в том, что британский гость не захотел увидеть реальные успехи социалистического строительства и черпал информацию из дореволюционного путеводителя по России 1914 года выпуска [36].

Еще один пример разоблачительных материалов на данную тему – статья «Анна Шарпли клеветает», опубликованная в «Литературной газете» 6 июля 1957 г. Она написана уже не в жанре фельетона, а в жанре открытого письма корреспонденту газеты «Ивнинг стандарт» Анне Шарпли, которая незадолго до этого посетила Советский Союз в составе одной из туристских групп. Автором открытого письма и заочным оппонентом Шарпли выступает гид-переводчик «Интуриста», работавший с этой группой. После своей туристской поездки британская журналистка разместила в газете, сотрудницей которой она являлась, цикл из пяти публикаций о своем путешествии в СССР, которые по оценкам советского источника представляли собой «смесь презрения, насмешек и недовольного брюзжания по отношению к нашей стране, к нашему народу». На чем же основаны эти обвинения? Обращаясь к Анне Шарпли, автор открытого письма пишет следующее:

«Вы ставите под сомнения наши завоевания в области культуры, образования, здравоохранения. По-вашему мнению все это – средство для “втирания очков” иностранцам. <...> Увидев и сфотографировав несколько старых неприглядных домов, вы ликуете по этому поводу. <...> “Темная толпа”, “угрюмое шествие русской толпы”, – вот ваши определения советских людей, которых вы видели на улице... даже праздничные [первомайские] колонны вы пытаетесь выдать в своих статьях за мрачное шествие угрюмых людей. Зато наибольшее впечатление, по вашим словам, произвело на вас то, что в Москве вы видели... всего лишь одну собаку» [37].

К периоду информационного противостояния с Западом вокруг подготовки и проведения Олимпиады-80 относится еще один интересный пример, который можно рассматривать в данном контексте. В 1981 г. московское издательство «Прогресс» выпустило в переводе на русском языке книгу «Триумф Олимпиады». Ее автором являлся спортивный редактор центральной газеты ГДР «Нойес Дойчланд» Клаус Ульрих, который выступает с позиций якобы независимого зарубежного медиаэксперта, разоблачающего ложь и клевету западногерманских, британских и американских СМИ в их публикациях на олимпийскую тематику. Конечно «беспристрастность» восточногерманского журналиста является очень сомнительной, но с некоторыми его аргументами сложно не согласиться. Едва ли новая Олимпийская деревня Москвы в июле действительно напоминала Дартмутскую каторжную тюрьму в начале ноября, как об этом писала британская пресса [38, с. 73–74].

В путевых очерках Габриэля Гарсиа Маркеса есть забавный, и вместе с тем очень характерный эпизод. Во время одной из неофициальных бесед с советскими людьми, происходящей прямо на аллее в Парке культуры и отдыха им. Горького, он решил пошутить и сказал (вспомнив, что за время пребывания в Москве, также как и Анна Шарпли, он практически не видел собак): «По-моему, жестоко, что здесь съели всех собак». Вот как он описывает реакцию аудитории на эту реплику: «Девушка [переводчик – А.П.] растерялась. Перевод моего ответа вызвал легкое замешательство. Перебивая друг друга, они переговорили между собой по-русски, а потом какой-то женский голос из толпы выкрикнул по-испански: “Это клевета, которую распространяет капиталистическая пресса”» [23]. Описанный эпизод произошел в 1957 г. Однако и до, и после этого в советском обществе существовал

устойчивый стереотип того, что любой позитивный отзыв иностранца является искренним и честным признанием заслуг «первого в мире социалистического государства», а все остальное – ложь и клевета, распространяемая врагами «Страны Советов» из-за ненависти и страха. Естественно, что этот стереотип у граждан СССР был сформирован именно материалами советской прессы, в то время как первоисточники «клеветнической» информации были им недоступны.

Таким образом, впечатления посетивших Советский Союз иностранцев стали расходным материалом в геополитическом противостоянии двух систем. Подобно тому, как в рекламно-информационной продукции «Интуриста» описание предлагаемых туристских услуг было неотделимо от пропаганды социализма, так и критика конкретных недостатков советского сервиса в западной прессе перемежалась с политическими антисоветскими выпадами. Каждая из сторон стремилась по-своему программировать оптику дорожных впечатлений зарубежных гостей СССР: принимающая сторона акцентировала их внимание только на позитиве, а отправляющая – исключительно на негативе. Это имело принципиальное значение, поскольку все достоинство/недостатки организации иностранного туризма в СССР экстраполировались на советскую систему в целом.

Список использованных источников и литературы

1. Hollander P. Political pilgrims: travels of Western intellectuals to the Soviet Union, China, and Cuba, 1928–1978. – New York : Oxford University Press, 1981. – 524 p.
2. Холландер П. Политические пилигримы: Путешествия западных интеллектуалов по Советскому Союзу, Китаю и Кубе, 1928–1978. – СПб.: Лань, 2001. – 592 с.
Hollander P. Politicheskie piligrimy: Puteshestviia zapadnykh intellektualov po Sovetskomu Soiozu, Kitaiu i Kube, 1928–1978. – SPb. : Lan', 2001. – 592 s.
3. Рыжкова Р., Грушко С. Развитие иностранного туризма в городе Сочи (1954–1987 годы). – Сочи: Б. и., 1997. – 270 с.
Ryzhkova R., Grushko S. Razvitie inostrannogo turizma v gorode Sochi (1954–1987 gody). – Sochi: B.i., 1997. – 270 s.
4. Голубев А. В. «...Взгляд на землю обетованную»: из истории советской культурной дипломатии 1920–1930-х гг. – М.: Издат. центр ИРИ РАН, 2004. – 276 с.
Golubev A. V. «... Vzgljad na zemliu obetovannuiu»: iz istorii sovetskoï kul'turnoi diplomatii 1920–1930-kh gg. – M. : Izdat. tsentr IRI RAN, 2004. – 276 s.
5. Советское зазеркалье: иностранный туризм в СССР в 1930–1980-е гг.: учеб. пособие / В. Э. Багдасарян, И. Б. Орлов, Й. Й. Шнайджен, А. А. Федупин, К. А. Мазин. – М.: ФОРУМ, 2007. – 256 с.
Sovetskoe zazerkal'e: inostrannyj turizm v SSSR v 1930-1980-e gg.: ucheb. posobie / V. Eh. Bagdasaryan, I. B. Orlov, J. J. Shnajdgen, A. A. Fedulin, K. A. Mazin. – M. : FORUM, 2007. – 256 s.
6. Куликова Г. Б. Новый мир глазами старого. Советская Россия 1920–1930-х годов глазами западных интеллектуалов / Институт российской истории РАН. – М., 2013. – 371 с.
Kulikova G.B. Novyi mir glazami starogo. Sovetskaia Rossiia 1920–1930-kh godov glazami zapadnykh intellektualov. – M. : Institut rossiiskoi istorii RAN, 2013. – 371 s.
7. Heeke M. Reisen zu den Sowjets: der ausländische Tourismus in Russland 1921–1941. – Münster : LIT Verlag, 2003. – 679 s.
8. Salmon S. Marketing Socialism: «Inturist» in the Late 1950s and 1960s // Turizm: The Russian and East European Tourist under Capitalism and Socialism / Eds. A. Gorsuch and D. Koenker. – Ithaca : Cornell University Press, 2006. – P. 186–204.
9. Хееке М. «Россия изнутри». Туристические поездки в СССР: между повседневностью и пропагандой // Россия и Германия в XX веке. В 3-х тт. – Т. 2: Бурные прорывы и разбитые надежды. Русские и немцы в межвоенные годы / Под ред. К. Аймермахера, Г. Бордюгова, А. Фольперт. – М.: АИРО-XXI, 2010. – С. 262–292.

- Heeke M. «Rossiia iznutri». Turisticheskie poezdki v SSSR: mezhdru povsednevnost'iu i propagandoi // Rossiia i Germaniia v XX veke. V 3-kh tt. – T. 2: Burnye proryvy i razbitye nadezhdy. Russkie i nemtsy v mezhoennnye gody / Pod red. K. Aimermakhera, G. Bordiugova, A. Fol'pert. – M. : AIRO-XXI, 2010. – S. 262–292.
10. Дэвид-Фокс М. Витрины великого эксперимента. Культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости, 1921–1941 годы / Пер. с англ. В. Макарова. – М.: Новое литературное обозрение, 2015. – 568 с.
- David-Fox M. Vitriiny velikogo eksperimenta. Kul'turnaia diplomatiia Sovetskogo Soiuza i ego zapadnye gosti, 1921–1941 gody / Per. s angl. V. Makarova. – M. : Novoe literaturnoe obozrenie, 2015. – 568 s.
11. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. Р-9547, оп. 1, д. 2022.
Gosudarstvennyj arkhiv Rossijskoj Federatsii (GARF), f. R-95247, op. 1, d. 2022.
12. Дымский С. Узнать и полюбить // Правда. – 1977. – 21 июня.
Dymskii S. Uznať i poliubit' // Pravda. – 1977. – 21 iunia.
13. Орлов И. Б., Попов А. Д. Сквозь «железный занавес». Руссо туристо: советский выездной туризм, 1955–1991. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. – 359 с.
Orlov I. B., Popov A. D. Skvoz' «zheleznyi zhanaves». Russo turisto: sovetiskii vyezdnoi turizm, 1955–1991. – M. : Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2016. – 359 s.
14. Попов А. Д. Советский турист за рубежом: миссия, иллюзии, открытия // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Серия: «Исторические науки». – 2016. – Т. 2(68). – № 4. – С. 34–46.
Popov A. D. Sovetskii turist za rubezhom: missiia, illiuzii, otkrytiia // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Serii: «Istoricheskie nauki». – 2016. – T. 2(68). – № 4. – S. 34–46.
15. Никитин С. С. Советский Союз и международный туризм после Хельсинки // По пути, проложенному в Хельсинки: документы и материалы. – М.: Прогресс, 1980. – С. 394–400.
Nikitin S.S. Sovetskii Soiuz i mezhdunarodnyi turizm posle Khel'sinki // Po puti, prolozhennomu v Khel'sinki: dokumenty i materialy. – M. : Progress, 1980. – S. 394–400.
16. «Поездка была замечательной...» // Правда. – 1974. – 10 февраля.
«Poezdka byla zamechatel'noi...» // Pravda. – 1974. – 10 fevralia.
17. Кудряшов Н. Гид должен знать все // Путешествие в СССР. – 1973. – № 5. – С. 27.
Kudriashov N. Gid dolzhen znat' vse // Puteshestvie v SSSR. – 1973. – № 5. – S. 27.
18. Добров А., Зайкина О. Олимпийская «Россия» у берегов Москвы-реки // Советский спорт. – 1980. – 14 августа.
Dobrov A., Zaikina O. Olimpiiskaia «Rossiia» u beregov Moskvyy-reki // Sovetskii sport. – 1980. – 14 avgusta.
19. Жид А. Возвращение в СССР и поправки к моему «Возвращению из СССР» // Звезда. – 1989. – № 8. – С. 122–168.
Dobrov A., Zaikina O. Olimpiiskaia «Rossiia» u beregov Moskvyy-reki // Sovetskii sport. – 1980. – 14 avgusta.
20. ГАРФ, ф. Р-9612, оп. 1, д. 8.
GARF, f. R-9612, op. 1, d. 8.
21. Корнеева Е. И. Организация иностранного туризма в СССР в 1920–1930-х годах // Российская история. – 2010. – № 3. – С. 134–141.
Korneeva E.I. Organizatsiia inostrannogo turizma v SSSR v 1920–1930-kh godakh // Rossiiskaia istoriia. – 2010. – № 3. – S. 134–141.
22. Хайнлайн Р. «Интурист» изнутри // http://modernlib.ru/books/haynlayn_robert_enson/inturist_iznutri/read/.
- Khainlain R. «Inturist» iznutri // http://modernlib.ru/books/haynlayn_robert_enson/inturist_iznutri/read/.
23. Маркес Г. Г. 22 400 000 квадратных километров без единой рекламы кока-колы // <http://www.marquez-lib.ru/works/sss-22400000-kvadratnih-kilometra-bez-reklamy-koka-koly.html>.
Markes G. G. 22 400 000 kvadratnykh kilometrov bez edinoi reklamy koka-koly // <http://www.marquez-lib.ru/works/sss-22400000-kvadratnih-kilometra-bez-reklamy-koka-koly.html>.

**ВПЕЧАТЛЕНИЯ ИНОСТРАНЦЕВ О ПОСЕЩЕНИИ СССР В КОНТЕКСТЕ
ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ ПЕРИОДА ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ**

24. Пять колец под кремлевскими звездами: Документальная хроника Олимпиады-80 в Москве / Главный редактор Н. Г. Томилина. Авт.-сост.: Конова Т. Ю., Прозуменщиков М. Ю. – М.: Международный фонд «Демократия», 2011. – 944 с.
Piat' kolets pod kremlevskimi zvezdami: Dokumental'naiia khronika Olimpiady-80 v Moskve / Glavnyi redaktor N.G. Tomilina. Avt.-sost.: Konova T.Iu., Prozumenshchikov M.Iu. – М. : Mezhdunarodnyi fond «Demokratiia», 2011. – 944 s.
25. ГАРФ, ф. 10004, оп. 1, д. 534.
GARF, f. 10004, op. 1, d. 534.
26. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. М-1, оп. 3, д. 37.
Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii (RGASPI), f. M-1, op. 3, d. 37.
27. Результаты социологических исследований в области иностранного туризма в 1977–1978 гг. – М.: Б.и., 1979. – 26 с.
Rezultaty sotsiologicheskikh issledovaniy v oblasti inostrannogo turizma v 1977–1978 gg. – М.: B.i., 1979. – 26 s.
28. Боровик Г. Мохаммед Али вернулся домой // Известия. – 1978. – 26 июня.
Borovik G. Mokhammed Ali vernulsia domoi // Izvestiia. – 1978. – 26 iunია.
29. Van der Post L. Journey into Russia. – London : Penguin Books, 1964. – 352 p.
30. Курбак М. С. Советские путешествия южноафриканских писателей: Алекс Ла Гума, Лоуренс ван дер Пост, Кристофер Хоуп // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2016. Т. 7. Вып. 3 (47) // <http://history.jes.su/s207987840001459-3-1>.
- Kurbak M.S. Sovetskie puteshestviia iuzhnoafrikanskikh pisatelei: Aleks La Guma, Lourens van der Post, Kristofer Khoup // Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal «Istoriia». 2016. T. 7. Vyp. 3 (47) // <http://history.jes.su/s207987840001459-3-1>.
31. Денисов М. В Потемкинской деревне // Крокодил. – 1936. – № 35. – С. 2.
Denisov M. V Potemkinskoi derevne // Krokodil. – 1936. – № 35. – S. 2.
32. Силина Л. В. Внешнеполитическая пропаганда в СССР в 1945–1985 гг. (по материалам отдела пропаганды и агитации ЦК ВКП(б)–КПСС. – М.: РОССПЭН, 2011. – 207 с.
Silina L.V. Vneshnepoliticheskaia propaganda v SSSR v 1945–1985 gg. (po materialam otdela propagandy i agitatsii TsK VKP(b)–KPSS. – М. : ROSSPEN, 2011. – 207 s.
33. Виленский М. Папа без шляпы // Крокодил. – 1960. – № 20. – С. 7.
Vilenskii M. Papa bez shliapy // Krokodil. – 1960. – № 20. – S. 7.
34. Бодрова И. Трудные вопросы // Там же. – 1955. – № 30. – С. 4.
Vodrova I. Trudnye voprosy // Tam zhe. – 1955. – № 30. – S. 4.
35. Новоскольцев В. Неофициальный скептик // Там же. – 1958. – № 10. – С. 11.
Novoskol'tsev V. Neofitsial'nyi skeptik // Tam zhe. – 1958. – № 10. – S. 11.
36. Вихрев А. Владелец «Зефира» брюзжит // Там же. – 1957. – № 27. – С. 11.
Vikhrev A. Vladelets «Zefira» briuzzhit // Tam zhe. – 1957. – № 27. – S. 11.
37. Муромцев В. Анна Шарпли клеветает // Литературная газета. – 1957. – 6 июля.
Muromtsev V. Anna Sharpli kleveshchet // Literaturnaia gazeta. – 1957. – 6 iuliia.
38. Ульрих К. Триумф Олимпиады: о крушении еще одной крупной антикоммунистической кампании / Пер. с нем. В. Милютина. – М.: Прогресс, 1981. – 88 с.
Ul'rikh K. Triumf Olimpiady: o krushenii eshche odnoi krupnoi antikommunisticheskoi kampanii / Per. s nem. V. Miliutina. – М.: Progress, 1981. – 88 s.

Popov A. D. Impressions of Foreigners about Travelling around the USSR in the Contest of Ideological Confrontation during the Period of the Cold War

In the article responses of foreign citizens (first of all – tourists) about visiting the USSR in the context of ideological confrontation between the Soviet Union and the countries of the West Country are characterized. Special attention is paid not to complementary statements which were actively duplicated by the Soviet party and had to promote public awareness of the ideas of socialism among foreign audience, and to the critical responses stating shortcomings of service and internal problems of development of the Soviet society. The author comes to the conclusion that in the conditions of Cold War the critic of real defects of the Soviet service

on pages of foreign mass media practically always passed into the ideological plane and served for justification of the general conclusions about inefficiency, inhumanity, totalitarianism of the socialist system.

At the same time in the USSR there were two main strategy of work with negative responses of foreigners. The first of them consisted in concealment of such information from wide Soviet audience by imposing of a signature stamp «confidentially» or «for office use» with the subsequent use for inside – or the interdepartmental analysis of the reasons, circumstances and possible consequences of emergence of a concrete negative response. The second strategy was implemented in the form of public dispute with authors of critical responses on pages of the leading Soviet mass media (Pravda, Izvestia, Literary Newspaper), most often in a format of convicting «slanderers» in materials or satirical feuilletons on pages of magazine Krokodil in which claims of foreigners were derided and led up to the point of absurdity.

Keywords: foreign tourism, ideology, promotion, cross-cultural dialogue, mass media, Cold War, USSR.

УДК 94(569.4):327(1991)

**НАЧАЛО ПАЛЕСТИНО-ИЗРАИЛЬСКОГО ПЕРЕГОВОРНОГО ПРОЦЕССА:
ПОДГОТОВКА МАДРИДСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ:
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНТЕКСТ**

Репецкий М. В.

*Крымский федеральный университета имени В. И. Вернадского
г. Симферополь, Российская Федерация
Email: max.repetsky@gmail.com*

Предпринята попытка комплексного изучения условий становления ближневосточной мирной инициативы. Анализируются позиции сторон, принимавших участие в подготовке переговорного процесса, предпосылки формирования современной международной обстановки в зоне палестино-израильского противостояния, а также факторы, оказавшие влияние на идеологическую трансформацию палестинского сопротивления в 90-е годы XX века. Крах системы международных отношений, вызванный падением Советского Союза, вызвал к жизни замороженные межнациональные конфликты, многие из которых прекратить не удалось по сей день. Происходящее в наши дни становление многополярной мировой системы порождает крайние формы межгосударственного соперничества в экономике и политике. Развитие современных средств ведения боевых действий является сдерживающим фактором для большинства правительств. В таких условиях особенно актуальными становятся методы диверсионной борьбы и террористические атаки. Сегодня одним из наиболее беспокойных регионов является Ближний Восток. Палестино-израильские противоречия как один из узлов Ближневосточного конфликта представляются нам наиболее показательным примером вооруженного межнационального противостояния. Сквозь призму изучения Палестино-израильского конфликта мы познаем общие для всех современных конфликтов механизмы рождения, развития и трансформации, а также вырабатываем способы их решения.

Ключевые слова: Палестина, Израиль, Ближний Восток, переговорный процесс, Мадридская мирная конференция.

Арабо-израильский конфликт является одним из самых напряженных и затяжных в истории человечества. Более 60 лет стороны противостояния пытались решить его силовыми методами, что неизменно приводило к человеческим жертвам с обеих сторон. В начале 1990-х годов на фоне кризиса биполярной системы международных отношений, получила развитие идея об организации мирной конференции по примирению всех участников конфликта. В тот период начали формироваться современные условия палестино-израильского противоречия и подходы к его решению. Без понимания обстоятельств, в которых складывалась современная политическая картина Ближнего Востока, политикам и дипломатам будет сложно избежать ошибок при определении приоритетных направлений внешней политики Российской Федерации.

Арабо-израильское противостояние, как и другие конфликты времен холодной войны, было ареной соперничества двух сверхдержав. Однако со второй половины 80-х годов XX века советское руководство стало проявлять все большую лояльность к действиям США в мировой политике, в том числе на Ближнем Востоке. Одним из важных маркеров, отметивших собой рождение новой системы международных

отношений, стала операция «буря в пустыне». В конфликте США и его союзников по НАТО с Ираком Советский Союз занял сторону Соединенных Штатов. Прибывший в Москву 3 августа государственный секретарь США Д. Бейкер и министр иностранных дел СССР Э. А. Шеварднадзе предприняли беспрецедентный шаг: они издали совместное советско-американское заявление, резко осудившее иракское вторжение и призвавшее к полному выводу иракских войск из Кувейта. В заявлении говорилось, что в ответ на акцию Ирака, идущую вразрез с фундаментальными принципами Устава ООН и международного права, США и СССР самостоятельно предпримут ряд действий, направленных на то, чтобы побудить Ирак вывести войска из Кувейта и восстановить статус-кво в Персидском заливе [3, с. 45].

Такое сближение сверхдержав не ускользнуло от руководства ближневосточных государств, и союзники СССР стали налаживать контакты с Соединенными Штатами. Интересно, что такой противник Израиля, как Сирия, принял участие в антииракской коалиции в то время, как иракские ракеты падали на израильские города. В целом арабский мир разделился в оценках столкновения Ирака и Кувейта. Например, другой непримиримый противник израильтян – руководитель Организации освобождения Палестины (далее – ООП) Ясир Арафат – поддержал действия иракского президента Саддама Хусейна.

После поражения Иракских вооруженных сил и отступления последних из Кувейта Соединенные Штаты Америки продемонстрировали всему миру реалии однополярной политической системы. Для того, чтобы утвердить свою новую роль в жизни Ближнего Востока не только кнутом, но и пряником, администрация Белого дома выдвинула мирную инициативу переговоров между Израилем и арабскими странами.

Советское руководство поддержало американские предложения и выступило коспонсором мирного процесса. Несмотря на внутривосточный кризис и утрату позиций на мировой арене, Москва продолжала удерживать пропалестинские позиции в конфликте с Израилем и неизменно подчеркивала необходимость выполнения резолюций № 242 и № 338 [1; 2]. В СССР справедливо полагали, что договориться о мире можно лишь обеспечив права палестинцев, так, израильский автор Л. Фламхафт отмечал: «Палестинский вопрос рассматривался Москвой как центральный в арабо-израильском конфликте, без решения которого было невозможно добиться мира в регионе. Поэтому СССР выступал за реализацию законных прав палестинского народа вплоть до создания национального государства» [4, с. 404]. Однако советское руководство не питало иллюзий относительно потенциала грядущей мирной конференции. Как позднее отмечал посол СССР в Израиле А. Е. Бовин, «в данном случае переговоры, если угодно, самоцель. Прочного мира не будет еще долгое время. Переговоры важны сами по себе. Почти незаметно, но все-таки они меняют атмосферу, дают опыт общения» [5, с. 202].

Таким образом, слабеющее Советское государство выступало за начало переговоров и организацию площадки для их ведения.

Несмотря на активную позицию СССР, все же стоит отметить, что основные усилия предпринимала американская сторона. В 1991 году государственный

секретарь США Бейкер побывал на Ближнем Востоке 14 раз. В ходе своих визитов он договаривался не только о форме ведения переговоров, но и о самой их возможности. Интерес Соединенных Штатов Америки к организации конференции и началу переговорного процесса связан, прежде всего, с необходимостью заполнять вакуум влияния, возникший от стремительно теряющего свои позиции СССР. В своей новой «зоне ответственности» США стремились упорядочить международные отношения, продемонстрировать новым союзникам стремление к миру и выгоду дружбы с Америкой. В то же время военная операция в Ираке наглядно продемонстрировала решимость применить силу к особенно упорным и несговорчивым режимам.

6 марта 1991 г. был опубликован «план Бейкера», который представлял из себя комплекс предложений по проведению переговоров между Израилем с одной стороны и заинтересованными арабскими странами – с другой. Палестинская сторона отреагировала негативно на появление этого плана, однако ответного конструктива предложить не смогла [4, с. 403]. Еще до окончания военной операции антииракской коалиции, желая показать миротворческий потенциал США, президент Дж. Буш озвучил мирные предложения по урегулированию арабо-израильского конфликта, он сказал: «Всеобъемлющий мир должен основываться на резолюциях № 242 и № 338 и на принципе мирной территории. Нам теперь надо сделать все возможное, чтобы закрыть пропасть, отделяющую еврейское государство от арабских стран и израильтян от палестинцев» [6, с. 429]. Обнаружив общую с СССР заинтересованность в организации переговоров, госсекретарь Бейкер направил свои усилия на поиск формы будущей конференции.

Не только две сверхдержавы были заинтересованы в развертывании переговоров. В руководстве европейских государств внимательно следили за процессами, протекающими вокруг Израиля и проблем палестинцев. Таким государствам, как Франция и ФРГ, был важен относительный мир и стабильность у своих границ. Кроме набирающего обороты исламского фактора в политической жизни Европы, не следует забывать о крайней важности арабской нефти для экономик европейских государств, когда любая конфронтация в районах добычи или на пути поставок углеводородов негативно влияла на рост цен на топливо и, как результат, на рейтинги действующей власти. Ситуация несколько улучшилась благодаря тому, что 25 декабря 1969 г. было открыто первое нефтяное месторождение в Норвегии [7]. К моменту переговоров цена нефти находилась на отметке 18 долларов за баррель [8]. Однако хорошие отношения с арабами старались поддерживать.

Наиболее проарабские позиции в тот период занимало французское правительство. Французские представители неоднократно говорили о незаконности действий Израиля и необходимости ведения переговоров. Например, министр иностранных дел Франции Ролан Дюма 4 декабря 1990 г. заявил о необходимости начала переговорного процесса между Израилем и Палестиной после разрешения конфликта в Персидском Заливе [4, с. 403]. Однако главное, французы предлагали помочь делом, а именно разместить французские войска на границе Ливана и Израиля, что совершенно неприемлемо и крайне болезненно для последнего [9,

с. 216]. Во французском подходе к проблеме Палестины можно выделить следующие принципы: признание права палестинского народа на самоопределение и права на возвращение палестинских беженцев; признание незаконности еврейских поселений на территории Западного берега реки Иордан и в секторе Газа; непризнание аннексии Израилем Восточного Иерусалима и Голанских высот [9, с. 216]. На основании вышеизложенного становится понятно, почему израильтяне выступали против участия Франции в переговорном процессе, считая французскую позицию необъективной.

ФРГ считалась самой произраильской страной. В 1991 году, во время войны в Персидском заливе Израиль подвергался ракетным обстрелам. Тогда Германией было заключено соглашение на поставку Израилю трех подводных лодок класса «Дельфин». Две лодки были отданы Израилю бесплатно, а третья была продана на льготных условиях. Германия выделила 350 млн долларов на финансирование сделки [9, с. 217]. Однако германскому правительству пришлось повиноваться объективным тенденциям европейской политики и постепенно смещать свою позицию в сторону арабского лагеря, выступая за мирные переговоры, против строительства новых поселений в Иудее и Самарии.

Британское правительство в 70-х – первой половине 90-х гг. XX века не поддерживало антиизраильские резолюции в ООН. В 1980 году представители Великобритании приняли активное участие в подготовке Венецианской декларации в которой говорилось, что Организация освобождения Палестины (ООП) должна стать полноправным участником мирного процесса на Ближнем Востоке, однако затем поддержала предложенный президентом США Р. Рейганом план урегулирования ближневосточного конфликта, в котором ООП фактически игнорировалась. С началом процесса мирного урегулирования в 1991 году британское правительство выступило за одновременное прекращение бойкота арабского и еврейского поселенчества на контролируемых Израилем территориях Иудеи, Самарии и сектора Газа [9, с. 217].

В этих условиях 28–29 июня в Люксембурге собрался Европейский Совет, который выразил поддержку в организации конференции. Было сделано совместное заявление, в котором содержался призыв ко всем странам преодолеть последние трудности, напоминаясь о праве палестинцев на самоопределение и называлась незаконной израильская практика строительства поселений на территориях. Кроме того, английский представитель высказался за участие ООП в переговорах, он отметил: «Все члены антииракской коалиции, в том числе и Советский Союз, осудили Арафата, который оправдал захват Кувейта. Однако, несмотря на позицию Арафата, ООП нельзя игнорировать. Ее по-прежнему поддерживает значительная часть палестинцев» [4, с. 405]. Во время подготовки переговоров связь с Ясиром Арафатом поддерживали лишь министры иностранных дел Франции (Дюма) и Италии (Андреотти) [4, с. 405].

Израильтяне также не могли полностью игнорировать позиции европейцев, ведь Западная Европа была основным торговым партнером. В частности, израильские наукоемкие отрасли производства нуждались в рынках сбыта и обмена научным опытом.

В Израиле относительно переговоров единства не было. Руководящие посты в государственном аппарате занимали люди, не приветствовавшие начало переговоров. Однако поток мигрантов главным образом из СССР требовал средств на их размещение. Кроме денег, нужна была свободная земля, которой в Израиле не так много. Ситуация складывалась противоречивая, ведь администрация США обещала выделить займ, но при условии отказа от строительства новых поселений на палестинских территориях. Для обеспечения благоприятного для Израиля решения было задействовано произраильское лобби в конгрессе. Однако президент Буш не поддавался давлению и отказал на том основании, что премьер-министр Израиля Ицхак Шамир и его правительство в рамках своей программы может использовать деньги на строительство поселений, где расселит новых иммигрантов. Это противоречило американскому подходу к проблеме застройки территорий, которые США считали незаконно занятыми Израилем. Отказ в предоставлении гарантий по займу в тот период был для администрации важнейшим способом оказать воздействие на кабинет Шамира [10, с. 243].

Следует отметить, что израильтян толкали на переговоры в разгар первой интифады, когда на улицах происходили кровопролитные столкновения, а в кнессете шла напряженная внутривластная борьба, что никак не способствовало миротворчеству.

Однако израильское руководство выразило готовность участвовать в конференции, соглашаясь изобразить дипломатию. Как заявлял премьер-министр И. Шамир, переговорная тактика состояла в том, «чтобы затянуть конференцию на 10–15 лет и создать благодаря строительству поселений такую обстановку, чтобы фактически палестинцам не оставалось никакой земли [4, с. 405]. Определяющим фактором решения Израиля принять участие в Мадридской конференции стало его стремление получить кредит в 10 млрд долларов от США [10, с. 243].

Активная позиция США, СССР и крупнейших стран Европы и даже относительная сговорчивость Израиля не встретила единогласного энтузиазма среди арабов. В сложившейся международной обстановке многие арабские государства оказались в патовой ситуации вынужденные идти на переговоры, так как потеряли поддержку СССР в своей борьбе против Израиля. В то же время арабы обрели поддержку в организации переговоров со стороны обеих сверхдержав. Одним из таких государств оказалась Сирия. Однако даже радикально настроенные, сражавшиеся до последнего сирийцы понимали объективную необходимость переговоров. Так, сирийский исследователь А. Сайед считал, «что мирный процесс должен пониматься как расширенный процесс, во время которого принимаются во внимание основные вопросы оккупации, признание прав и обеспечение безопасности» [4, с. 402].

Ливанское руководство пошло на переговоры в надежде на уход израильтян из приграничных территорий Ливана и прекращение поддержки так называемой «армии Южного Ливана» [10, с. 246].

После нападения Ирака на Кувейт из-за потока беженцев из зоны боевых действий в сложной ситуации оказалась Иордания. Для устранения кризисных явлений необходимо было развивать торговлю и налаживать экономические связи с

соседями. Понимая это, король Иордании Хусейн оптимистично встретил «план Бейкера». В своем выступлении на Национальном конгрессе в Аммане король заявил: «Иордания находится в полублокаде, в ней свирепствуют безработица и голод. Участие в конференции продиктовано тем, что конференция основывается на резолюциях № 242 и № 338 и что справедливый мир является ключом, который откроет перед нами путь к лучшему будущему» [11, с. 121]. Через несколько дней Дж. Бейкер, находясь в иорданской столице, заявил, что усилия США позволили добиться от мирового сообщества предоставления Иордании в 1992 году помощи в размере 1,3 млрд долл. В тот момент внешний долг страны достиг 8,3 млрд [11, с. 121].

Оппоненты израильтян из ООП подошли к переговорам, находясь в крайне невыгодном положении. Когда военнослужащие США и стран антииракской коалиции уже подтянулись в Саудовскую Аравию на границу с Кувейтом и Ираком, 6 января 1991 года Арафат выступил с яркой речью, адресованной США, – «Добро пожаловать на войну!». На следующий день он заявил, что палестинцы «встанут плечом к плечу со своими иракскими братьями» [6, с. 428]. После таких заявлений ООП оказалась в международной изоляции. Ослабла поддержка СССР, а Саудовская Аравия и Кувейт вовсе ее прекратили. В этих условиях руководство ООП вынуждено было пойти на уступки США и под давлением СССР начать подготовку к переговорам. При этом ООП была вынуждена согласиться почти на все выдвигаемые требования по форме этих переговоров, пусть даже неофициально. Заместитель министра иностранных дел СССР А. Белоногов так объяснил подобную позицию: «Советский Союз готов к любому участию палестинской делегации в предстоящей конференции: самостоятельно, в составе совместной общеарабской или иордано-палестинской делегации» [4, с. 405].

27 сентября 1991 г. Национальный совет Палестины на своей сессии в Алжире 256 голосами «за» при 68 «против» (12 воздержались) одобрил решение об участии палестинской делегации на мирной конференции в Мадриде. 18 октября 1991 г. на заседании Центрального совета ООП в Тунисе было принято решение о формировании совместной иордано-палестинской делегации для участия в конференции [11, с. 153].

В рассматриваемый период ООП, светская организация националистического толка, уже не была столь могущественна и стремительно теряла поддержку части палестинского общества. Попытка ООП, пусть и опосредовано, договориться с Израилем в условиях интифады, была воспринята наиболее радикальными палестинцами как предательство. В этот период наблюдается переход части сторонников Я. Арафата в лагерь к радикалам из ХАМАС или Исламского джихада.

После согласия ООП на переговоры в Дамаске прошло межарабское совещание сторон, вовлеченных в конфликт с Израилем (Сирия, Иордания, Египет, Ливан), которое продемонстрировало раскол в палестинском обществе в отношении переговоров. При закрытых дверях они обсуждали вопросы координации позиции арабов на конференции. Непосредственно перед Мадридской мирной конференцией было объявлено о создании «Союза десяти», в который вошли 10 организаций Палестинского движения сопротивления [4, с. 406], выступавших против

конференции, в том числе радикальные исламисты. Уже в ходе переговоров со стороны радикальных группировок в адрес деятелей ООП делались резкие заявления и даже собирались альтернативные форумы для обсуждения международной ситуации. Так случилось после объявления Израиля о возможности строительства новых поселений 4 ноября 1991 года.

Рост влияния партий исламского толка в палестинском обществе наблюдался еще с 80-х годов XX века, и к 1990-м из них выделилась наиболее влиятельная и, как казалось, умеренная – ХАМАС (арабская аббревиатура «Движение исламского сопротивления») [13, с. 5] и Исламский джихад. Политическое бюро ХАМАС в своем сообщении заявляло: «Мы ясно и открыто заявляем о том, что мы не встречались с Бейкером, не встретимся и с представителями новой американской администрации. Мы не признаем Израиль. Пусть проиграют те, кто распродают Палестину» [14, с. 97].

Тон лидеров Исламского джихада был не менее резким. В одном из заявлений движения содержалась даже угроза убить главу палестинской делегации на Мадридской мирной конференции Фейсала аль-Хусейни [4, с. 406]. Несмотря на воинственные высказывания исламистов, в их среде тоже не было единства. Согласие ООП присутствовать на Мадридской мирной конференции в октябре – ноябре 1991 г. привело к новым расколам среде участников палестинского сопротивления.

ХАМАС рассматривал Палестину в качестве неотчуждаемого исламского вакфа, который не может принадлежать немусульманам. Исходя из этих соображений, идеологи ХАМАС пишут названия Государства Израиль исключительно в кавычках, показывая этим непризнание данного государства: «любое признание палестинским народом, особенно ХАМАС, “права на существование «Израиля»”, станет актом невероятной глупости, граничащим с моральным самоубийством». В сентябре 1989 года ХАМАС был объявлен в Израиле террористической организацией, деятельность которой была запрещена [13, с. 5].

Период подготовки Мадридской мирной конференции наглядно демонстрирует, что возможности в достижении мира строятся не только на поощрении сторон к переговорам, но и на силовом давлении наиболее влиятельных государств. Экономические методы принуждения и прямое силовое воздействие по-прежнему играют важнейшую роль в любом переговорном процессе. Несмотря на достижения дипломатии в XX веке, международное право и организации, его поддерживающие, лучшая позиция на любых переговорах останется за государством, которое в материальной и идеологической сферах окажется более подготовлено к защите собственных аргументов.

Список использованных источников и литературы

1. Док. ООН S/Res 242 (1967), 22 ноября 1967 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/sc/documents/resolutions/1967.shtml>.
- Dok. OON S/Res 242 (1967), 22 nojabrja 1967 g. [Jelektronnyj resurs].– Rezhim dostupa: <http://www.un.org/ru/sc/documents/resolutions/1967.shtml>
2. Док. ООН S/Res 338 (1973), 22 октября 1973 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/sc/documents/resolutions/1973.shtml>.
- Dok. OON S/Res 338 (1973), 22 oktyabrya 1973 g. [E'lektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.un.org/ru/sc/documents/resolutions/1973.shtml>
3. Салум Хоссам Един. Кувейтский кризис 1990–1991 годов и его влияние на иракско-российские отношения / Салум Хоссам Един // Вестник Российского ун-та дружбы народов. Серия: «Международные отношения». – 2010. – № 1. – С. 45–52.
- Salum Xossam Edin Kuvejtskij krizis 1990–1991 godov i ego vliyanie na iraksko-rossijskie otnosheniya / Salum Xossam Edin // Vestnik Rossijskogo un-ta Druzhyby narodov. Seriya: «Mezhdunarodnye otnosheniya». – 2010. – №1. – S. 45–52.
4. Батенко А. В. История Палестины: международный аспект (1897–2009 гг.) / А. В. Батенко, Р. А. Близняков, Д. А. Мальшев, С. С. Щевелев. – Симферополь; Киев: «Доля», 2011. – 512 с.
- Batenko A. V. Istorija Palestiny: mezhdunarodnyj aspekt (1897–2009 gg.) / A. V. Batenko, R. A. Bliznjakov, D. A. Maalyshev, S. S. Shhevelev. – Simferopol'; Kiev: Izdatel'stvo «Dolja», 2011. – 512 s.
5. Джабер Тахер М. А. Историческое значение Мадридской конференции (1991 г.) по ближневосточному урегулированию / М. А. Тахер Джабер // Вестник Московского государственного лингвистического ун-та. – 2014. – № 23. – С. 192–203.
- Dzhaber Taxer M.A. Istoricheskoe znachenie Madridskoj konferencii (1991 g.) po blizhnevostochnomu uregulirovaniyu/ M. A. Taxer Dzhaber // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo un-ta. – 2014. – №23. – S. 192–203.
6. Штереншис М. История государства Израиль. 1896–2002 / М. Штереншис. – Герцлия: ISRADON, 2003. – 832 с.
- Shterenshis M. Istorija gosudarstva Izrail'. 1896–2002 / M. Shternshis. – Gercliya: ISRADON, 2003. – 832 s.
7. Вся Норвегия на русском. Норвежское чудо [Электронный ресурс]. – Режим доступа: norge.ru/norway_wonder.
- Vsya Norvegiya na russkom. Norvezhskoe chudo [Elektronnyiy resurs]. – Rezhim dostupa: norge.ru/norway_wonder
8. ТАСС, информационное агенство России. Динамика цен на нефть с 1990 г. Досье [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tass.ru/ekonomika/1572991>.
- TASS, informatsionnoe agenstvo Rossii. Dinamika tsen na neft s 1990 g. Dose [Elektronnyiy resurs]. – Rezhim dostupa: <http://tass.ru/ekonomika/1572991>
9. Рыжов И. В. Роль ведущих Европейских держав в процессе урегулирования Ближневосточного конфликта / И. В. Рыжов, Д. М. Золина, А. А. Интяков // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2008. – № 5. – С. 213–219.
- Ryzhov I. V. Rol' vedushhix Evropejskix derzhav v processe uregulirovaniya Blizhnevostochnogo konflikta / I.V. Ryzhov, D.M. Zolina, A.A. Intyakov // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. – 2008. – № 5. – S. 213–219.
10. Звягельская И. Д. История государства Израиль / И. Д. Звягельская. – М.: Аспект Пресс, 2012. – 359 с.
- Zvjagel'skaja I. D. Istorija gosudarstva Izrail' / I. D. Zvjagel'skaja . – M. : Aspekt Press, 2012. – 359 s.
11. Эпштейн А. Бесконечное противостояние: Израиль и арабский мир: войны и дипломатия / А. Эпштейн; Ин-т изучения Израиля и Ближнего Востока. – М., 2003. – 120 с.
- E'pshtejn, A. Beskonechnoe protivostoyanie: Izrail' i arabskij mir: vojny i diplomatiya / A. E'pshtejn; In-t izucheniya Izrailiya i Blizhnego Vostoka M., 2003. – 120 s.
12. Щевелев С. С. Палестинский аспект Ближневосточного конфликта (1947–2005 гг.) / С. С. Щевелев. – Симферополь; М.: МЦСПИ, 2005. – 183 с.
- Shhevelev S. S. Palestinskij aspekt Blizhnevostochnogo konflikta (1947–2005 gg.) / S. S. Shhevelev. – Simferopol'; M.: MCSPI, 2005. – 183 s.

13. Щевелев С. С. Из истории организации ХАМАС / С. С. Щевелев // «Слинкинские чтения» памяти профессора М. Ф. Слинкина. / Таврический нац ун-т им В. И. Вернадского: [научное интернет-издание]. – Симферополь, 2013.– 109 с.

Shhevelev S. S. Iz istorii organizacii XAMAS / S. S. Shhevelev // «Slinkinskie chteniya» pamyati profesora M. F. Slinkina. / Tavricheskij nac un-t im V. I. Vernadskogo: [nauchnoe internet-izdanie].– Simferopol', 2013.– 109 s.

14. Поляков К. И., Хасянов А. Ж. Палестинское движение сопротивления в период интифады: проблемы и противоречия / К. И. Поляков, А. Ж. Хасянов. – М., 2000. – 120 с.

Polyakov K. I., Xasyanov A. Zh. Palestinskoe dvizhenie soprotivleniya v period intifady: problemy i protivorechiya / K. I. Polyakov, A. Zh. Xasyanov. – M., 2000.– 120 s.

Repetskiy M. V. The start of the palestinian-israeli negotiable process. Preparation of the Madrid conference: International context

In this paper, an attempt is made to comprehensively study the conditions for the formation of the Middle East peace initiative. The positions of the states that took part in the preparation of the negotiation process, the prerequisites for the formation of a modern international situation in the zone of the Palestinian-Israeli confrontation, as well as the factors that influenced the ideological transformation of the Palestinian resistance in the 90s of the XX century are analyzed. The end of the Cold War did not bring peace and prosperity to Earth. The collapse of the system of international relations, caused by the fall of the Soviet Union, brought to life frozen interethnic conflicts, many of which could not be stopped to this day. The development of the multipolar world system that is taking place in our day gives rise to extreme forms of interstate rivalry in the economy and politics. The development of modern means of warfare is a deterrent for most governments. Under such conditions, methods of sabotage and terrorist attacks become especially relevant. Today, one of the most troubled regions is the Middle East. The Palestinian-Israeli contradictions, as one of the knots of the Middle East conflict, seem to us to be the most revealing example of an armed interethnic confrontation. Through the prism of the study of the Palestine-Israeli conflict, we learn the mechanisms of birth, development and transformation common to all modern conflicts, and we also develop methods for their solution.

Keywords: Palestine, Israel, the Middle East, the negotiation process, the Madrid Peace Conference

ИСТОРИЯ РОССИИ

УДК 93/94 +336.221.262

К ИСТОРИИ АКЦИЗНЫХ УПРАВЛЕНИЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX вв.

Борщик Н. Д.

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: arktur4@rambler.ru*

Рассмотрены общие вопросы введения косвенных налогов в пореформенной России. Детально изучены структура, функции и основные направления деятельности государственных органов, регулирующих вопросы налогообложения в регионах, а также губернских и окружных акцизных управлений как непосредственных исполнителей в пределах вверенных им компетенций. На основе данных архивных документов сделана попытка выявить кадровое обеспечение и штатную численность служащих акцизных управлений.

Ключевые слова. Российская империя, косвенные налоги, акцизные управления.

Настоящая статья написана из чувства искренней признательности к Сергею Стефановичу Щевелеву, доктору исторических наук, профессору, заведующему кафедрой новой и новейшей истории ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», передавшему в дар автору статьи из своей личной коллекции раритетную досоветскую печать акцизного управления Курской губернии. За ценные замечания в процессе подготовки статьи благодарим доктора исторических наук, профессора кафедры философии ФГБОУ ВО «Курский государственный медицинский университет» Елену Сергеевну Кравцову и заместителя начальника отдела функционирования контрактной системы в Управлении Федерального казначейства (УФК) по Курской области, члена Совета по истории УФК по Курской области Евгения Юрьевича Подосинникова.

* * *

В настоящее время возрос интерес исследователей к опыту модернизации налоговой сферы в Российской империи, что закономерно обусловлено целым рядом причин. Во-первых, налоговая система в целом, социальная направленность которой, особенности ее функционирования и эффективности всегда являлись объектами повышенного внимания и со стороны налогоплательщиков, и со стороны государственных структур. Во-вторых, в условиях усложнения современной геополитической обстановки для снижения общей социальной напряженности представляются необходимыми реформы, в том числе и в фискальной системе страны. Поэтому обращение к досоветским положительным результатам преобразований в налогообложении может стать основой современного динамичного

экономического роста, что особенно актуально в условиях «санкционной экономики». «Устройство финансового управления в России в историческом его развитии имеет интерес не только научный, но и практический. Если история вообще, указывая ошибки прошедшего, дает уроки для будущего, то наиболее ценными эти уроки должны быть для финансового управления и его устройства» [3, с. 3].

Несмотря на солидную историографию изучения отечественной налоговой политики, некоторые вопросы введения и реформирования акцизной системы до сих пор недостаточно изучены; общероссийский масштаб освещался в отдельных публикациях [6; 10]. Но, например, если курские акцизные учреждения упоминаются в контексте исследований свеклосахарной промышленности [22], питейной торговли [20], винной монополии [2], антиалкогольных компаний [5], то на региональном уровне применительно к Таврической губернии очень мало исследований по данной теме. Сразу оговоримся: так как дар проф. С. С. Щевелева имеет «курское происхождение», то отдельные сюжеты данной работы будут посвящены курской тематике.

Первые самостоятельные учреждения, ведавшие вопросами государственных финансов, возникли в XVIII столетии после учреждения Петром I в 1710 г. Счетной, или Казначейской, конторы (ставшей позднее Камер-коллегией), основной функцией которой было регулировать налоговые поступления.

Образование казначейской службы в российских европейских губерниях в основном относится к последней четверти XVIII в., когда в соответствии с законодательным актом «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи», утвержденным 7 ноября 1775 г. Екатериной II, была проведена реформа местного самоуправления. Согласно этому документу, финансово-хозяйственные функции на местах сосредоточились в ведении казенной палаты – в масштабе губернии, и казначейств – в уездах. Губернское казначейство как самостоятельное учреждение не создавалось, должность губернского казначея включалась в штат казенной палаты, которой подчинялись уездные казначейства. Они являлись фактически кассами, занимавшимися приемом, хранением денежных сборов и доходов, выдачей по распоряжениям властей денежных сумм чиновникам [4].

Важнейшим мероприятием в сфере управления государственными финансами Российской империи стала «министерская реформа» Александра I, итогом которой стало создание в числе других ведомств и Министерства финансов [20, с. 27].

Другими словами, правящие круги планировали на местах сосредоточить все финансово-экономические вопросы в компетенции одного государственного органа. В спектре деятельности Минфина находились контроль и управление самыми разными источниками государственных доходов: таможенных податей, пошлин, акцизов, прямых налогов, а также курировалась расходная часть бюджета. Но до середины XIX в. каждое министерство имело свое казначейство, которое собирало доходы, хранило их, производило расходы по данному ведомству, передавая в кассы Министерства финансов (уездные казначейства) лишь свободные остатки. В 1863 г. было осуществлено преобразование по принципу «единства касс»: казначейства (касс) ведомств были упразднены, их функции переданы казначействам казенной палаты, функции которых благодаря этому расширились.

— „Управленіе Государственными доходами и расходами дѣлится на 3 главныя части.

„Въ первой, подъ именемъ Министерства Финансовъ, вѣдаются всѣ источники Государственныхъ доходовъ.

„Во второй, подъ именемъ Государственнаго Казначейства, вѣдается движеніе суммъ, въ доходъ поступившихъ.

„Въ третьей, подъ именемъ ревизіи Государственныхъ Счетовъ, производится повѣрка счетовъ по всѣмъ Департаментамъ Военнымъ и Гражданскимъ“
 1-ое Полн. Собр. Зак. т. XXXI. № 24686 §§ 7, 8 и 9.

Рис. 1. Отрывок из Манифеста от 25 июня 1811 г. «Общее учреждение министерств» [17]

Указом от 30 ноября 1865 г. «Об учреждении губернских казначейств и расходных отделений и преобразовании уездных казначейств» [18] в губернских городах, в том числе и в Курске, на базе действовавших в них уездных казначейств создавались губернские. Первоначально Курское губернское казначейство размещалось в здании присутственных мест, располагавшихся на Знаменской площади и набережной реки Тускаръ (сейчас на этом месте находятся корпуса электроаппаратного завода). В начале XX века для губернского казначейства и казенной палаты было построено специальное здание на улице Ртищевской (сейчас – улица Советская, здание монтажного техникума).

Интересно, что местонахождение курских финансовых институтов было очень разным. Так, в Курской губернии Казенная палата и Податное присутствие располагались в стационарных зданиях на постоянной основе, а Акцизное управление арендовало для собственных нужд частные постройки. Известно, что в 1879 г. оно располагалось в городе Курске в доме купца Дрыжакова в помещении из «5 комнат в 20,7 кв. сажен» [5, д. 149, л. 42 об.].

Министерство финансов состояло из отдельных департаментов. Взиманием налогов заведовал департамент разных податей и сборов (при нем находилось три отделения: податей и повинностей, питейных сборов, гербовой бумаги). департамент государственного казначейства занимался ревизской частью, сбором промыслового налога, взысканием недоимок, рассрочкой платежей и т. д. Под контролем департамента государственных имуществ находились государственные крестьяне и казенное имущество. Правление горными заводами, соляными промыслами и рабочими, приписанными к ним, а также надзор за частной промышленностью реализовывались департаментом горных и соляных дел. Несмотря на специализацию, основной целью деятельности всех этих структурных подразделений было

увеличение источников государственных доходов, исполнение налогового законодательства и увеличение бюджета. В 1859 г. произошло размежевание функций департамента разных податей и сборов, из которого акцизы с табака и свеклосахарного производства были переданы в департамент мануфактур и внутренней торговли [10].

Рис. 2. Изображение Казенной палаты и Курского губернского казначейства. Открытка изд. книж. маг. К. И. Ивановой, нач. XX в., личная коллекция Е. Ю. Подосинникова

В череде Великих реформ 1860–1870-х гг. малоизученными остаются многие аспекты так называемой «акцизной реформы» Александра II. Началом этих преобразований послужили принятые 4 июля 1861 г. «Положения о питейном сборе» [16], хотя объектами акцизного обложения являлись продукты свеклосахарного производства с 1848 г., осветительные нефтяные масла с 1859 г., табачные изделия с 1865 г., а также соль, спички и пр. Для практической реализации этого норматива были организованы особые акцизные управления на окружном и губернском уровне. Функции этих учреждений изначально отражали основной смысл принятого документа: предполагалось ввести акцизную систему взимания «налога с питей» взамен существующих откупов.

В документе четко прописывались товары, которые «акцизу подлежат»:

- а) Спирт и вино, выделанные из разного рода хлеба, картофеля и свекловицы;
 - б) Водки, выделяемые из виноградных вин, винограда, фруктов и свеклосахарных остатков;
 - в) Приготавливаемые в России: портер, пиво всех родов и мед;
 - г) Брага, приготавливаемая на особо устроенных заводах».
- К товарам, с которых акциз не взимался, относились:
- «а) Все спиртовые изделия, приготавливаемые из спирта и вина, оплаченных уже акцизом;
 - б) Спирт, употребляемый для выделки осветительной жидкости;

- в) Спирт и вино, вывозимые в Закавказский край;
- г) Изюмное вино для употребления евреями при религиозных обрядах;
- д) Виноградное вино, уксус и медовый квас» [1].

Отметим, что подобные новшества в торговле алкоголем распространялись только на «исконно великорусские» губернии и Сибирь; территории, не так давно вошедшие в состав Российской империи, – Крым, Новороссия и Малороссия, Северо-Запад страны – оставались в привилегированном положении, где действовала прежняя откупная система, т. е. государство получало фиксированный доход с «питейного сбора», который условно рассчитывался исходя из определенного количества вина на душу населения (обычно 1 ведро емкостью 12 л) [2].

Реализация «акцизной реформы» должна была упорядочить сам принцип поступлений косвенных налогов в казну: если раньше государство имело монополию на производство и продажу алкогольных напитков, сдаваемых на откуп, то теперь ни объемы производства алкоголя, ни объемы продаж никак не регламентировались.

Несмотря на создание новых акцизных учреждений, на местах главным финансово-налоговым органом оставалась казенная палата, штат которой в конце XIX в. включал управляющего, помощника управляющего, начальников отделений и других служащих. Отметим, что в иерархии чиновников губернского уровня управляющий Казенной палатой занимал третье место, то есть при необходимости мог возглавить губернию в случае отсутствия губернатора и вице-губернатора [7, с. 163]. Компетенции Палаты сводились, главным образом, к делопроизводству и общему руководству: ведение приходно-расходных документов, контроль за отчетностью подведомственных учреждений (казначейств, податных присутствий, присутствий по квартирному налогу, губернского по крестьянским делам присутствия) и т. д. [11]

Губернские и окружные акцизные управления, в функции которых входил контроль за акцизными сборами, стали непосредственными проводниками в жизнь налоговых новшеств. Штат этих учреждений состоял из управляющего, его помощника, ревизора и служащих-канцеляристов (секретаря, бухгалтера и пр. сотрудников); окружные – из надзирателя и его помощников. Чиновникам разрешалось самостоятельно разделять акцизные округа на отдельные участки в зависимости от «местных условий» – наличия и количества винокуренных заводов, складов, винных лавок и пр. Нередко административно-территориальные границы не совпадали с границами акцизных округов и управлений; губернское акцизное управление могло распространять свои действия на две губернии, а акцизные округа состояли из нескольких уездов. Например, деятельность Курского губернского акцизного управления охватывала все 15 уездов Курской губернии (Белгородский, Богатенский, Дмитриевский, Корочанский, Курский, Львовский, Новооскольский, Обоянский, Путивльский, Рыльский, Старооскольский, Суджанский, Тимский, Фатежский, Щигровский) и три волости Сумского уезда Харьковской губернии (Белопольская, Прорубская и Ворожбянская) [5, д. 2]. Разделение губернии на акцизные округа не всегда было оправданно экономически: в одних округах было больше подакцизных предприятий и объектов, в других меньше, поэтому происходило их постоянное перераспределение между округами.

Первоначально чиновникам на местах было сложно уяснить свои должностные обязанности, и фактически оптимизация деятельности проходила по инициативе самих служащих. Так, в январе 1868 г. управляющий акцизного управления Курской губернии предложил распределять обязанности служащих в службах по питейному, табачному и свеклосахарному производствам: распределить губернию на два участка по акцизному надзору, «по взаимному согласию главного помощника управляющего и старшего ревизора»; при ревизиях вести путевой журнал по работе службы окружных управлений и надсмотрщиков по исполнению уставов: питейного, табачного и свеклосахарного и др. [5, д. 45, л. 3].

Известно, что круг полномочий служащих акцизных управлений был чрезвычайно широк: 1) определение налогооблагаемой базы и налогоплательщиков; 2) надзор над своевременным начислением и уплатой акцизных сборов; 3) контроль соответствия винокурения и виноторговли питейному уставу; 4) взыскание разного рода недоимок; 5) наложение штрафов за нарушение акцизных уставов и пр. [13] Другими словами, служащие акцизных управлений и участков самостоятельно проводили ревизии, рассчитывали размер штрафов, могли конфисковать не учтенный акцизом товар, приостановить и возобновить деятельность винокуренного завода или питейной торговой точки по своему усмотрению и пр. Совершенно неудивительно, что подобная самостоятельность, подконтрольность акцизных учреждений напрямую Министерству финансов, а не местным чиновникам порождали массу служебных злоупотреблений. Б. К. Кукель, назначенный в 1862 году акцизным управляющим Курской губернии, вспоминал: «Те, кто были свидетелями откупной оргии, вероятно, не забыли ее до сих пор; откуплено было не одно вино: на откупу состояли, за малыми исключениями, и администрации, и суды; в уездном городе не было служащего на государственной службе, который не получал бы положенной лепты деньгами и вином; никто не стеснялся брать “по чину”» [9].

Но в основной своей массе акцизные ревизоры, надсмотрщики и пр. служащие были людьми «честными и порядочными» [14]. Приведем типичный пример работы чиновника акцизного управления согласно инструкции «Порядок ревизии винокуренного завода» [8]: должностные лица акцизного надзора, прибыв на устроенный завод, проводили подробный осмотр его помещений и строений, принадлежащих заводу, а также земель, находящихся под заводом, вместе с постройками и двором. Осмотр завода производился по его отделениям: квасильному, дрожжевому, перегонному, или аппаратному, помещению для контрольных снарядов, паровичной, солодовне, спиртоприемной, или затрубной, лабораторному помещению для рабочих, винокура, акцизного надзора, подвалам для хранения спирта, складам или амбарам материалов винокурения и топлива, конторе, жилым домам (квартирам) управляющего заводом, винокура и других лиц, служащих на заводе; помещению для скота, состоящего на барде, для рабочих при откармливаемом скоте, бордяным ларям.

При осмотре указанных выше помещений и отделений завода подробно записывалось, из чего он состоит, сколько этажей, что находится в каждом отделении. Затем в опись завода вносилась заводская посуда, которая нумеровалась.

Далее проводился осмотр перегонного аппарата и обеспечений, указанных в смете, утвержденной управляющим акцизными сборами, измерялись дрожжевые чаны и кадки с квасильными чанами.

Началом периода винокурения считалось 1 июня и его окончанием – 30 июня, поэтому к 1 июня, т. е. к началу винокурения, заводчик был обязан иметь на заводе скрепленные Казенной палатой винокуренную и подвальную книги. Если при заводе находилось ректификационное отделение, то была необходима и ректификационная книга. Перечисленные книги установленного образца заблаговременно предоставлялись владельцем завода в окружное акцизное управление для свидетельства и их «скрепления» особыми печатями. Печать могла ставиться как на «разрешительных документах», так и на этикетках спиртных напитков.

Рис. 3. Печать с надписью «Помощник надзирателя акциз. сбора 3-окр. 3-участка Курской губ.», переданная в дар автору статьи от Сергея Стефановича Щевелева

Подобные печати имели и контролеры окружных и губернских акцизных управлений.

Рис. 4. Акцизная печать с надписью «Контролер Курского акц. управления № 31». Из частной коллекции

В штате акцизных управлений могло быть от 40 до 50 служащих, включая надзирателей разных уровней, техников, контролеров и др. [19], но в Курской губернии в начале XX в. таких служащих было более ста. Видимо, увеличение штатов было связано с большим объемом работ: в ведении Курского губернского акцизного управления было 37 винокуренных заводов, 23 сахарных завода, 11 спиртоочистительных, 10 пиво-медоваренных, 1 водочный и 8 фруктовых заводов, 5 гильзовых и 3 табачных фабрики [5, д. 1112, л. 213].

До 1885 г. Курское губернное акцизное управление состояло из пяти окружных правлений. Затем одно из них было расформировано в связи с оптимизацией расходов на управленческий аппарат, его функции были перераспределены между оставшимися, но был образован отдельный округ по надзору за сахарными заводами губернии [5, д. 238, л. 1]. В дальнейшем реорганизация курских акцизных окружных управлений была продолжена, и в Курской губернии опять стало 5 питейно-акцизных округов с центрами в г. Курске (№ 1), Белгороде (№ 2), Льгове (№ 3), Новом Осколе (№ 4), Белополье Харьковской губ. (№ 4) с 24 акцизными участками [5, д. 572, л. 172 об.] Чуть позже, в 1900 г., часть Коротьянского уезда Воронежской губернии перешла в ведение Курского губернского акцизного управления, а часть Суджанского уезда Курской губернии вошла в состав Харьковского акцизного управления. В 1910 г. Львовский окружной акцизный округ № 3 был упразднен [5, д. 1354, л. 62].

Согласно сохранившимся документам [12], в 1910 г. управляющим Курским губернным акцизным управлением был действительный статский советник Константин Петрович Сосновский. В штате учреждения также числились три

старших контролера – Ф. М. Деханов, М. А. Линденер, Б. С. Майкопар – и старший техник К. Г. Кинель; два секретаря – А. П. Василевский и В. Г. Кулябко, – помощниками которых были Н. А. Моисеев и Н. О. Яковлев; два бухгалтера – Л. Д. Кашкин и И. П. Краснощекоев – с помощниками М. В. Билевичем, В. М. Лаймингом и Ф. А. Сухочевым; надсмотрщики – В. И. Летов и И. С. Стельмашевский. Первым окружным акцизным управлением с центром в г. Курске руководил коллежский советник Александр Григорьевич Деев, в штат которого входили четыре старших помощника надзирателя, четыре младших помощника надзирателя, два делопроизводителя, восемь старших контролеров, одиннадцать младших контролеров, два надсмотрщика.

Руководителем второго акцизного управления был коллежский советник В. Н. Шаталов. Среди персонала этого учреждения состояли 3 старших и 2 младших помощников, 2 делопроизводителя, 5 старших и 9 младших контролеров, 1 надсмотрщик.

Надзирателем третьего окружного акцизного управления, расформированного с 1911 г., был надворный советник Григорий Стефанович Стельмашевский. В его подчинении находились 3 старших и 3 младших помощников, 2 делопроизводителя, 1 старший и 11 младших контролеров.

Во главе четвертого окружного управления был губернский секретарь О. А. Коллен. В его управлении было 5 старших и 1 младший помощник надзирателя, 2 делопроизводителя, 4 старших и 9 младших контролеров.

Пятым окружным акцизным управлением руководил коллежский советник А. А. Петрусевич. Среди его сотрудников было 2 старших и 4 младших помощников надзирателя, 2 делопроизводителя, 2 старших контролера, 12 младших контролеров.

Штатный состав акцизных округов Курской губернии просуществовал практически без реорганизаций до ликвидации акцизной системы в 1918 г.

Отметим, что работа с документами личного состава, формулярными списками служащих прекратившего свое существование в 1911 г. окружного акцизного управления № 3 Курской губернии, возможно, позволит установить даже имена акцизных надзирателей и контролеров, пользовавшихся представленной на фото выше печати. Дальнейшее изучение кадровых характеристик служащих акцизных управлений, их возрастных, религиозных, образовательных, национальных и пр. показателей может стать перспективным направлением исследования при создании самостоятельного электронного ресурса – пропосографической базы данных чиновников акцизных учреждений к. XIX – нач. XX вв. не только в региональном, но и в общероссийском контексте.

* * *

Ценный коллекционный экземпляр, подаренный автору С. С. Щевелевым, стал подарком для общественности всего Курского региона. Печать акцизного участка Льговского окружного акцизного управления Курской губернии передана на хранение в Музей истории Управления федерального казначейства по Курской области. В настоящее время в Курском областном краеведческом музее открылась выставка «История Казначейства в банкнотах и документах», приуроченная к 25-

летию образования органов федерального казначейства. Экспозиция представляет из себя уникальную частную коллекцию старинных банкнот и платежных документов, состоящую из почти двухсот экспонатов в очень хорошем состоянии, среди которых акцизная печать заняла свое достойное место.

Рис. 5. Экспозиция в ОБУК «Курский областной краеведческий музей», ноябрь 2017 г. Ссылка на открытие выставки «История Казначейства в банкнотах и документах» в эфире телеканала «ВГТРК-КУРСК»: http://gtrkkursk.ru/lenta-novostei/21112017133045_1.html

Список использованных источников и литературы

1. Акцизные уставы (1862–1884). – Житомир, 1884. – 739 с.
Aktsiznyie ustavyi (1862–1884). – Zhitomir, 1884. – 739 s.
2. Артемьева Л. В. Этапы и механизм введения в России акцизной системы на алкоголь во второй половине XIX века // Транспортное дело России. – 2011. – № 5. – С. 122–125.
Artemeva L.V. Etapy i mehanizm vvedeniya v Rossii aktsiznoy sistemyi na alkohol vo vtoroy polovine XIX veka // Transportnoe delo Rossii. – 2011. – № 5. – S. 122–125.
3. Блех И. И. Устройство финансового управления и контроля в России в историческом их развитии. – СПб.: Тип. Муллер и Богельман, 1895. – 211 с.
Bleh I. I. Ustroystvo finansovogo upravleniya i kontrolya v Rossii v istoricheskom ih razvitii. – SPb.: Tip. Muller i Bogelman, 1895. – 211 s.
4. Борщик Н. Д., Подосинников Е. Ю., Пясецкая Е. Н. История становления и развития казначейской системы на территории Курской области // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета // [Электронный ресурс]. – URL: <http://scientific-notes.ru/pdf/030-029.pdf>. – 2015. – № 4 (36). – (дата обращения: 22.11.2017).
Borschik N. D., Podosinnikov E. Yu., Pyasetskaya E. N. Istoriya stanovleniya i razvitiya kaznacheyskoy sistemyi na territorii Kurskoy oblasti // Uchenye zapiski. Elektronnyy nauchnyy zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta // [Elektronnyy resurs] – URL: <http://scientific-notes.ru/pdf/030-029.pdf>. – 2015. – № 4 (36). – (data obrascheniya: 22.11.2017)
5. Государственный архив Курской области (ГАКО). – Ф. 37. – Оп. 1.
Gosudarstvennyy arhiv Kurskoy oblasti (GAKO). – F. 37. – Op. 1.
6. Горюшкина Н. Е. Организационное становление местных органов акцизного надзора в преддверии винной реформы 1863 г. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение: вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2014. – № 10 (48): в 3-х ч. – Ч. 3. – С. 62–64.
Goryushkina N. E. Organizatsionnoe stanovlenie mestnykh organov aktsiznogo nadzora v preddverii vinnoy reformy 1863 g. // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie: voprosy teorii i praktiki. – Tambov: Gramota, 2014. – № 10 (48): v 3-h ch. – Ch. 3. – S. 62–64.
7. Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России. – М.: Мысль, 1978. – 298 с.
Zayonchkovskiy P.A. Pravitelstvennyy apparat samoderzhavnoy Rossii. – M.: Myisl, 1978. – 298 s.
8. Засорин А. Спутник Акцизного чиновника. – Сумы: Тип.-Лит. К. М. Пашкова, 1911. – С. 5–6.
Zasorin A. Sputnik Aktsiznogo chinovnika. – Sumyi: Tip.-Lit. K.M. Pashkova, 1911. – S. 5–6.
9. Кукель Б. К. Из эпохи уничтожения откупов. Воспоминания первого, по времени, назначения, акцизного чиновника // Русская старина. – 1892. – Т. XXIII. – С. 177–189.
Kukel B. K. Iz epohi unichtozheniya otkupov. Vospominaniya pervogo, po vremeni, naznacheniya, aktsiznogo chinovnika // Russkaya starina. – 1892. – T. XXIII. – S. 177–189.
10. Кравцова Е. С. Опыт организации налогового дела в России в конце XIX – начале XX столетия. – Курск: Изд-во КГМУ, 2010. – 303 с.
Kravtsova E.S. Opyit organizatsii nalogovogo dela v Rossii v kontse XIX – nachale XX stoletiya. – Kursk: Izd-vo KGMU, 2010. – 303 s.
11. Кравцова Е. С. Проблема функционирования местных финансовых органов – казенных палат (конец XIX в. – 1918 г.) // Вестник Самарского государственного экономического университета. – 2014. – № 6 (116). – С. 150–154.
Kravtsova E.S. Problema funktsionirovaniya mestnykh finansovykh organov – kazennykh palat (konets XIX v. – 1918 g.) // Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta. – 2014. – № 6(116). – S. 150–154.
12. Курский Адрес-календарь, 1910 г. – Курск: Типо-лит. губ. правления, 1910. – 129 с.
Kurskiy Adres-kalendar, 1910 g. – Kursk: Tipo-lit. gub. pravleniya, 1910. – 129 s.
13. Мухамедина Ш. Акцизы и винная монополия в Российской Империи // [Электронный ресурс]. – URL: <http://https://cyberleninka.ru/article/v/aktsizy-i-vinnaya-monopoliya-v-rossiyskoy-imperii> (дата обращения: 22.11.2017).

Muhamedina Sh. Aktsizy i vinnaya monopoliya v Rossiyskoy Imperii // [Elektronnyy resurs] – URL: [http:// https://cyberleninka.ru/article/v/aktsizy-i-vinnaya-monopoliya-v-rossiyskoy-imperii](http://https://cyberleninka.ru/article/v/aktsizy-i-vinnaya-monopoliya-v-rossiyskoy-imperii) (data obrascheniya: 22.11.2017)

14. Нольде Э. Ф. Питейное дело и акцизная система. – СПб., 1882. – Ч. 1. – 40 с.

Nolde E. F. Piteynoye delo i aktsiznaya sistema. – SPb., 1882. – Ch. 1. – 40 s.

15. Пашков В. В. Антиалкогольная кампания в России в годы Первой мировой войны // Вопросы истории. – 2010. – № 10. – С. 80–93.

Pashkov V.V. Antialkogolnaya kampaniya v Rossii v godyi Pervoy mirovoy voynyi //Voprosyi istorii. – 2010. – № 10. – S. 80–93.

16. Положение о питейном сборе, высочайше утвержденное 4 июля 1861 года, с присовокуплением высочайше утвержденного 20 марта 1862 года правил о взысканиях за нарушение постановлений о питейном сборе и судопроизводстве по сим делам. – М.: Тип. Ал. Семена, 1862. – 160 с.

Polozhenie o piteynom sbore, vyisochayshe utverzhdennoe 4 iyulya 1861 goda, s prisovokupleniem vyisochayshe utverzhdenogo 20 marta 1862 goda pravil o vzyiskaniyah za narushenie postanovleniy o piteynom sbore i sudoproizvodstve po sim delam. – M.: Tip. Al. Semena, 1862. – 160 s.

17. Полное собрание законов Российской Империи (ПСЗ РИ). – № 24686. – Т. 31. – СПб., 1830. – С. 687.

Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy Imperii (PSZ RI). – № 24686. – T. 31. – SPb., 1830. – S. 687.

18. ПСЗ РИ. – № 42728. – Т. 40. – СПб., 1867. – С. 291.

PSZ RI. – № 42728. – T. 40. – SPb., 1867. – S. 291.

19. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 574. – Оп. 1. – Д. 90. – Л. 23.

Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arhiv (RGIA). – F. 574. – Op. 1. – D. 90. – L. 23.

20. Сахневич И. В. Питейная торговля в Курской губернии в конце XIX – начале XX веков // Провинция как социокультурный феномен. – Т. 3. – Кострома, 2000. – С. 59–65.

Sahnevich I.V. Piteynaya torgovlya v Kurskoy gubernii v kontse XIX – nachale XX vekov // Provintsiya kak sotsiokulturnyy fenomen. – T. 3. – Kostroma, 2000. – S. 59–65.

21. Сборник кратких сведений о правительственных учреждениях: по поручению министерства Императорского двора / Сост.: В. Кривенко. – 2-е изд. – СПб., 1889. – 220 с.

Sbornik kratkih svedeniy o pravitelstvennykh uchrezhdeniyah: po porucheniyu ministerstva Imperatorskogo dvora / Sost.: V. Krivenko. – 2-e izd. – SPb., 1889. – 220 s.

22. Чальцева Т. А. Особенности организации взимания косвенных налогов в России в середине 50-х годов XIX в. (по материалам «Устава об акцизе с свеклосахарного производства» 1848 г.) // Вестник Ленинградского гос. университета им. А. С. Пушкина. – 2014. – Т. 4, № 3. – С. 101–119.

Chaltseva T. A. Osobennosti organizatsii vzimaniya kosvennykh nalogov v Rossii v seredine 50-h godov XIX v. (po materialam «Ustava ob aktsize s sveklosaharnogo proizvodstva» 1848 g.) // Vestnik Leningradskogo gos. universiteta im. A. S. Pushkina. – 2014. – T. 4, № 3. – S. 101–119.

Borschik N. D. To the history of excise control of the Russian Empire the second half of the XIX – the beginning of the XX centuries

General questions of introduction of indirect taxes in post-reform Russia are considered. The structure, functions and main directions of activity of state bodies regulating taxation issues in the regions, as well as provincial and district excise administrations as direct executors within the competence entrusted to them were studied in detail. On the basis of these archival documents, an attempt is made to identify the staffing and the number of employees of excise administrations.

Keywords: Russian Empire, indirect taxes, excise management.

УДК 93/09

СОВЕТСКИЙ РЕЧНОЙ ТРАНСПОРТ ВО ВТОРОЙ ПЯТИЛЕТКЕ (1933–1937)

Рычков И. А.

*Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
Нижегородский институт управления,
г. Нижний Новгород, Российская Федерация.
E-mail: igor_rychkov@mail.ru*

Рассматривается процесс развития советского речного транспорта во второй пятилетке. Серьезные испытания на долю речников выпали уже весной 1933 г., когда резкое похолодание вынудило суда зимовать вдали от своих затонов. Невыполненный план ремонта судов и их техническое состояние не давало надежд даже на исполнение плановых заданий. Пароходства переживали финансовые трудности, система управления давала сбои, приводившие к убыткам и разрушению флота. Требовалось принятие решительных мер, направленных на кардинальное изменение сложившейся ситуации. Несмотря на все негативные факторы, речной транспорт сумел преодолеть возникшие трудности и вышел на качественно новый уровень развития. Основное внимание в статье уделено вопросам реорганизации системы управления, от которой напрямую зависела работа водного транспорта. Выясняются причины, препятствующие развитию отрасли и меры, принятые правительством страны для решения этих проблем, анализируются результаты произведенных изменений.

Ключевые слова: реорганизация, структура управления, грузооборот, хозяйственный расчет, план перевозок.

На XVII съезде партии, состоявшемся 26 января – 10 февраля 1934 г. в Москве, были определены основные задачи второй пятилетки, одной из которых было завершение технической реконструкции промышленности, транспорта, сельского хозяйства. При этом особо подчеркивалась возрастающая роль речного транспорта, необходимость его скорейшей реконструкции диктовалась стремительным развитием потребностей народного хозяйства [1]. Объем речных перевозок планировалось довести к 1937 г. до 90 млн т., грузооборот, соответственно, – до 63,0 млрд ткм, количество перевезенных пассажиров – до 74,0 млн чел. Доля речного транспорта в общем объеме грузовых перевозок к концу пятилетки должна была быть увеличена до 14,6 % [2].

Начало пятилетки для водного транспорта было крайне неблагоприятным. Судоремонтная компания 1932–1933гг. была осложнена рядом факторов. Массовые грузы к перевозке были предъявлены с опозданием, стремление выполнить задачи по их перевозке, несмотря на резкое похолодание, привело к вынужденной зимовке судов вдали от своих штатных мест [3]. Попытки отдельных судов пробиться в затоны через лед привели к многочисленным поломкам судов. На Волге, например, у пароходов было проломлено 86 корпусов, разбито 134 гребных колеса, потеряно 32 руля [4]. Всего по речному транспорту в случайных местах зимовало 265 самоходных судов и 1316 барж, из них 170 буксиров и 400 барж в опасных местах и на плесах [5]. Все это серьезно осложнило подготовку к навигации 1932/33г. Состояние судов вызывало у руководства пароходств оправданные опасения, что находящийся в их

ведении флот сможет хотя бы частично выполнить планы перевозок. Речной транспорт испытывал острую потребность в ремонте эксплуатируемого флота. Так, в 1931 г. из 2530 самоходных судов около 1200 нуждалось в капитальном ремонте, корпуса и механизмы почти 75 % судов и котлы более чем половины судов эксплуатировались более 25 лет [6]. Тем не менее навигация ценой невероятных усилий речников не была сорвана, но со всей очевидностью доказала необходимость принятия неотложных мер по исправлению ситуации. С мест в ЦК ВКП (б) шли тревожные письма, содержащие просьбы о скорейшем принятии мер по изменению системы управления. В письме Волжского управления речным транспортом в Центральный комитет ВКП (б) от 10.06.1933 № 998-С сообщалось, что ВУРТ переживает небывалые финансовые затруднения и полную дезорганизацию системы управления. Себестоимость перевозок в 1932 году против 1931 года поднялась на 78,8 %, вместо прибыли понесен убыток в 9,5–10 млн рублей. Основной причиной создавшегося положения вновь называлась существующая система управления. Отмечалось, в частности, что на Волге нет четкого положения о ВУРТе в целом и его самостоятельных хозрасчетных единицах в частности, отчего происходит невероятная путаница. Далее следовал вывод, что дальнейшая работа в таких условиях невозможна, необходимо отказаться от дальнейшей децентрализации и пойти по пути централизации управления хозяйством, причем приступить к этому нужно немедленно [7].

К началу второй пятилетки относится ряд мер, принятых правительством для улучшения материально-бытового положения речников. 17 июля 1933 г. ЦИК и СНК СССР приняли постановление о рабочем времени и отдыхе работников водного транспорта. Впервые в законодательном порядке был определен порядок аварийных и авральных работ и предоставления дней отдыха плавсоставу за выходные и праздничные дни, которые приходились на период нахождения судов в плавании [8].

23 июля 1933 г. на заседании Нижегородского крайкома партии его секретарь в своем выступлении открыто заявил, что финансовое состояние Волжского флота крайне тяжелое, оборотные средства отсутствуют, погрузочно-разгрузочные работы ведутся в основном вручную [9]. О результатах руководства Наркомфлота докладчик высказался еще более категорично: «За последние два года в результате «правильного» руководства Наркомвода флот приведен в состояние полного разгрома, в течение 2-х лет работали в таких варварских условиях, что искалчили выпущенные Сормовским заводом лучшие нефтевозы, флот угробили. Нам всем нужно высказаться за реорганизацию нашей структуры в централизованное хозяйство» [10].

25 февраля 1934 г. в газете «Правда» была опубликована статья «Бумажная метель над затоном», в которой критиковался Наркомвод, осуществлявший руководство посредством обильной переписки. Принятие радикальных мер по перестройке всей системы управления на речном транспорте становилось неизбежным, и оно началось после XVII съезда партии, потребовавшего изменить систему управления в народном хозяйстве в целом.

Система управления, сложившаяся в 1931 г., основывалась на функциональном принципе руководства, обусловленным сложностью и разнообразием производственных процессов, контроль над которыми породил вязкую бюрократическую систему. Подобный стиль руководства себя изжил, в связи с чем в 1934 году произошли значительные изменения в организационной структуре управления флотом и в повседневной деятельности речников.

15 марта 1934 г. совместными ЦИК СССР № 89 и Совнаркома № 527 было принято Постановление о реорганизации органов управления водного транспорта. В нем предусматривались ликвидация ряда функциональных объединений и центральных управлений Наркомата и создание новых структур, призванных коренным образом изменить работу водного транспорта и укрепить единоначалие. Непосредственно в наркомате было создано 8 новых отделов, для речных пароходств, пристаней, управлений участков пути и связи, а также судоремонтных мастерских были разработаны новые типовые структуры.

Значительным изменением стала ликвидация районных управлений (РУРТов), руководство основными объектами инфраструктуры речного флота было возложено на начальников пароходств. На крупные пристани возлагалось руководство местными перевозками, для этого в их распоряжение приписывался соответствующий флот. Каждая пристань перешла на хозрасчет, получив право самостоятельно распоряжаться денежными и материальными средствами.

Во исполнение Постановления Народным комиссаром водного транспорта был издан приказ № 90 от 24 марта 1934 г. «О реорганизации местных органов управления речного транспорта». Основными органами управления в пароходствах стали службы: эксплуатации, механико-судовая, пути и связи, остальные отделы имели статус подсобных. Установленная структура касалась только крупных пароходств, в средних и мелких ее упрощение должно было производиться за счет сокращения штатов. Вскоре стало очевидным, что без надлежащим образом организованной статистики и учета не обойтись. Решение было принято оперативно: 29 июля 1934г. вышло Постановление ЦИК СССР № 102, СНК СССР № 1814, согласно которому в Наркомводе и в подчиненных ему организациях создавались учетно-статистические подразделения (управления, секторы, отделы).

Сокращение управленческих штатов составляло 10–15 %, высвобожденные сотрудники управленческого аппарата переводились в нижестоящие производственные структуры, при этом начальники пароходств несли персональную ответственность за предоставление необходимых бытовых условий переводимым работникам.

В окончательном виде новая структура управления пароходством представлена на рисунке 1.

Рисунок 1

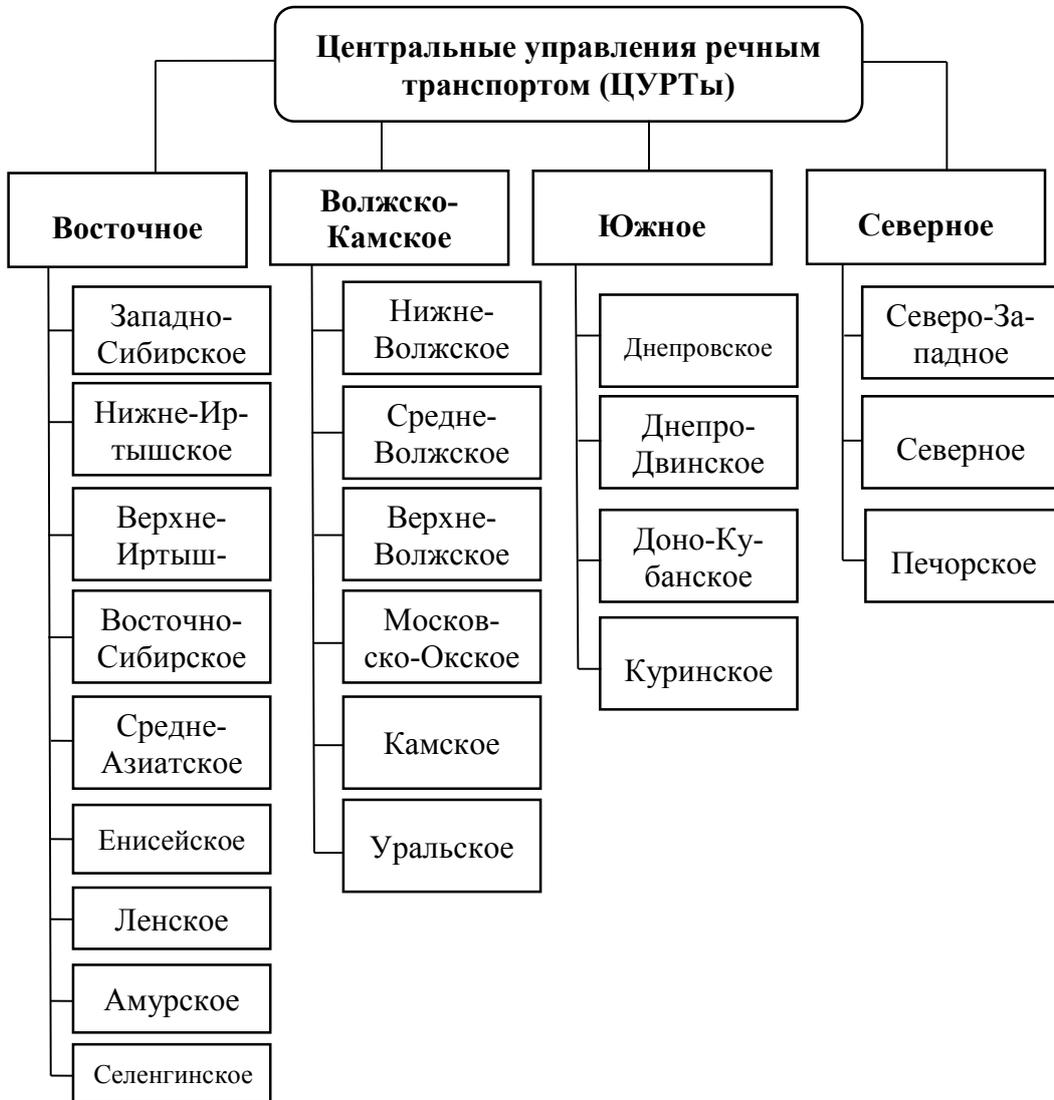
Типовая структура управления речным пароходством

Речное эксплуатационно-техническое управление (РЭТУ) было ликвидировано, вместо него было организовано четыре центральных производственно-территориальных управления речного транспорта – ЦУРТ, в состав которых входило от трех до девяти пароходств (рисунок 2).

Рисунок 2

Центральные управления речного транспорта

Срок проведения таких масштабных мероприятий был ограничен 1 апреля 1934 года: реорганизация не должна была оказать влияния на предстоящую навигацию. Не имеющая прецедентов в мировой истории масштабная реорганизация речного транспорта, затронувшая коммерческую и эксплуатационную стороны, была произведена менее чем за неделю.

Кардинальных изменений в работу речного транспорта выход указанных постановлений сразу не внес, навигация 1934 г. вскрыла новые проблемы, среди которых основными были отсутствие планирования и учета перевозок. 5 мая 1934 г. вышел документ, стратегической целью которого было улучшение планирования перевозок водным транспортом [12]. План перевозок был разделен на две категории. В первую входили грузы, перевозка которых влияла на экономику и народное хозяйство: хлеб, металл, нефть и лес. Планированием этих перевозок занимался непосредственно Наркомвод. Во вторую вошли все остальные грузы, их перевозку планировали начальники пароходств, при этом обязанность по перевозке грузов первой категории была первоочередной. Были повышены требования к инженерно-техническому составу: при назначении начальников служб эксплуатации в первую очередь рассматривались сотрудники, имеющие достаточные технические знания и опыт, позволяющие грамотно эксплуатировать вверенную технику. Членство в партии при этом определяющим фактором не являлось [13].

27 мая 1934 г. ЦИК и СНК СССР постановлением № 95/1165 утвердили Устав о дисциплине рабочих и служащих водного транспорта Союза ССР, регламентирующий трудовую деятельность отрасли. На водном транспорте устанавливалась строжайшая трудовая дисциплина, под которой подразумевалось беспрекословное и быстрое выполнение приказов и распоряжений своих начальников, бережное отношение к государственному имуществу, выполнение норм выработки. По своей сути это был аналог воинского устава, неукоснительное соблюдение статей которого устанавливало тотальный контроль над взаимоотношениями между администрацией и трудовыми коллективами.

В этот же день Постановлением ЦИК и СНК СССР № 95/1168 было утверждено новое Положение о Народном комиссариате водного транспорта, на который возлагалось руководство речным и морским транспортом страны. Документом определялись основные задачи, стоящие перед комиссариатом, его организационная структура, а также разъяснялась роль и задачи уполномоченных Наркомвода при совнаркомах союзных республик.

Следующим важным документом, упростившим систему управления, стал введенный 26 июля 1934 г. приказом Наркомвода № 290 типовой Устав пароходств [14]. В основном звене речного транспорта – пароходстве, так же, как и в центральном аппарате, произошли существенные изменения: начальники пароходств и его аппарат приблизились к непосредственному руководству перевозками.

Повысилась заработная плата водников. Новая система оплаты труда стимулировала переход специалистов на более ответственную работу, текучесть кадров уменьшилась. Если зимой 1933/34 гг. было уволено 22 тыс. работников плавсостава и свыше 8 тыс. берегового [15], то к концу 1935 г. общая численность работающих на перевозках превысила показатели 1933 г. и составила 72,55 тыс. чел., в том числе плавсостав – 50,25 тыс. чел. (69,3 %) с годовым фондом заработной платы 131 млн рублей (в 1933 – 74,1 млн) [16]. Увеличение заработной платы, хотя и сократило текучесть кадров, полностью проблему нехватки квалифицированных кадров не решило, а именно она была главной причиной высокой аварийности на водных путях. В таблице 1 приведены данные, из которых видно, какая часть специалистов имела законченное образование на морском и речном транспорте [17].

Таблица 1

Соотношение числа специалистов с законченным образованием на морском и речном транспорте в 1934–1935 гг.

Показатели	Морской транспорт		Речной транспорт	
	1934	1935	1934	1935
Соотношение числа специалистов с законченным образованием и общего количества специалистов плавсостава	97,7	97,7	16,9	21,9
Технический состав с законченным образованием и квалифицированной рабочей силой	35,3	33,9	4,2	6,0

1 сентября 1934 г., заслушав доклад комиссара водного транспорта Н. И. Пахомова о результатах работы его ведомства, Совет народных комиссаров признал ее неудовлетворительной. Основными причинами этого стали низкая исполнительность и высокая аварийность. Наркомводу было предписано до конца навигации принять все меры по выполнению годового плана, к должностным лицам, невыполняющим эти требования, требовалось применять самые строгие меры.

20 октября 1934 г. был издан приказ Народного комиссара водного транспорта «О закреплении кадров речного транспорта на межнавигационный период, обеспечения кадрами зимнего судоремонта и об установлении круглогодичного штата на судах речного флота», целью которого было решение проблемы закрепления работников в штатах пароходств на межнавигационный период. В постоянный штат были включены должности капитанов и их старпомов, механиков, лоцманов, кочегаров, масленщиков, электриков, рулевых, мотористов, а также начальников пристаней и гидротехнических сооружений – в количестве 40 % от общего количества работников по пароходству. Объем кадровой работы увеличился, в связи с чем постановлением ЦИК и СНК от 8 августа 1936 г. № 69/1435 группы подготовки кадров были выведены из состава административных отделов и преобразованы в самостоятельные отделы управлений речных пароходств.

Органы Прокуратуры тоже не оставались в стороне. В конце мая 1935 г. в Москве состоялось совещание руководящих работников Наркомвода, в котором приняли участие руководство страны и члены Политбюро. Обсуждались вопросы о борьбе с

авариями и простоями, были сделаны соответствующие оргвыводы. Водники получили приказ навести порядок на водных путях страны, ликвидировать выводящую из строя значительную часть флота аварийность и увеличить оборачиваемость судов. В обязанности прокурорам вменялся немедленный выезд на место в случае крупной аварии, во всех остальных случаях требовалось своевременное получение информации от руководства пароходств для решения вопроса о необходимости вмешательства органов прокурорского надзора [19].

Строгий контроль осуществлялся за представляемой отчетностью по перевозкам. Даже незначительная попытка приписок немедленно пресекалась. Так, в постановлении СНК № 1907 от 23 октября 1936г. Наркомводу предписывалось исправить рапорт Московско-Окского пароходства, в котором содержались не соответствующие реальным показатели перевозок, путем опубликования в печати правильных данных [20].

Результаты мероприятий, проведенных правительством по укреплению речного транспорта за годы второй пятилетки, можно увидеть в таблице 2 [21].

Таблица 2

Сводные показатели работы Наркомвода СССР в 1937 г.

Годы	Перевезено грузов, млн т.	Перевезено пассажиров, млн чел.	Общая численность работников	Кол-во самоходных судов	Количество дебаркадеров
1933	44,7	41,5	67,07	205	–
1934	52,7	41,2	72,23	141	760
1935	64,7	41,4	72,55	223	775
1936	69,9	48,2	73,69	350	780
1937	66,6	65,2	73,58	465	844

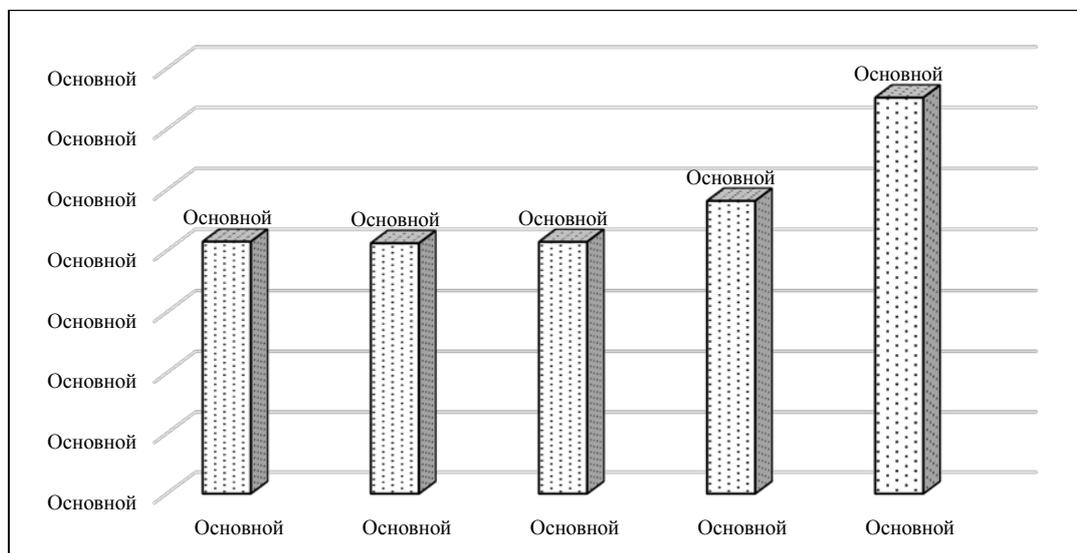
Общий объем капиталовложений по Наркомводу во второй пятилетке составил 4245 млн руб., в том числе стоимость объектов капитального строительства – 2016,33 млн руб., на строительство речных портов было выделено 76,28 млн руб. [23].

Улучшение условий судоходства, достигнутое в 1933–1937 гг., оказало также важное влияние на развитие речных перевозок пассажиров. Активно развивающиеся местные пассажирские линии привлекали миллионы новых пассажиров разнообразием предоставляемых услуг, дешевизной и комфортом поездок. Речные

путешествия стали доступными для всех групп населения. В 1937 г. количество перевезенных пассажиров в сравнении с 1935 г. увеличилось более чем на 50 процентов (таблица 3) [22].

Таблица 3

Объем пассажирских перевозок во второй пятилетке

Таким образом, вторая пятилетка внесла существенные изменения в организацию работы водного транспорта. Реконструктивные мероприятия обеспечили перестройку эксплуатации и ремонта, широкий охват средствами связи, механизация погрузочно-разгрузочных работ, переоборудование судоремонтных баз значительно улучшили показатели работы флота, были сокращены простои, снижена аварийность, обеспечивалась безопасность плавания. Увеличилась провозная способность технических средств водного транспорта. Была сформирована и опробована в деле оптимальная структура управления водным транспортом, не претерпевшая значительных изменений до начала пятидесятых годов. Речной транспорт СССР вышел на качественно новый уровень развития, позволяющий с высоким качеством и в срок выполнять намеченные планы перевозок.

Список использованных источников и литературы

1. КПСС в резолюциях..., ч. II, изд. 7. М.: Госполитиздат. 1953
KPSS v rezoljucijah..., ch. II, izd. 7. M.: Gospolitizdat. 1953.
2. Второй пятилетний план развития народного хозяйства СССР. – М., 1934. С. 248–250.
Vtoroj pjatiletnij plan razvitija narodnogo hozjajstva SSSR. – M., 1934. S. 248–250.
3. Речной транспорт в 1938 г. Статистические сведения. М.: Речиздат, 1940.
Rechnoj transport v 1938 g. Statisticheskie svedenija. M.: Rechizdat, 1940.
4. Водный транспорт. 11 февраля 1933 г.
Vodnyj transport. 11 fevralja 1933g.
5. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации) Ф. 7458. оп. 3. Д. 252. Л. 129.
GARF (Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj federacii) F. 7458. op. 3. D. 252. L. 129.
6. Речной транспорт в 1934 г. М., 1935.
Rechnoj transport v 1934g. M. 1935.
7. ГОПАНО (Государственный общественно-политический архив Нижегородской области) Ф. 2.
Op. 1. Д. 1531. Л. 3–5.
GOPANO (Gosudarstvennyj obshhestvenno-politicheskij arhiv Nizhegorodskoj oblasti) F. 2. op. 1. D. 1531. L. 3–5.
8. Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства СССР за 1933 г. № 47.
Sobranie zakonov i rasporyzhenij Raboche-krest'janskogo pravitel'stva SSSR za 1933g. № 47.
9. ГОПАНО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1531. Л. 3–5.
GOPA № F. 2. Op. 1. D. 1531. L. 3–5.
10. ГОПАНО. Ф. 2. оп. 1. Д. 1531. Л. 20.
GOPA № F. 2. Op. 1. D. 1531. L. 20.
11. Сборник законов и распоряжений, относящихся к водному транспорту. М.: Изд. Наркомвода., 1936.
Sbornik zakonov i rasporyzhenij, odnosjashihhsja k vodnomu transportu. M. Izd. Narkomvoda. 1936.
12. Постановление Совета Народных Комиссаров и ЦК ВКП(б) от 5 мая 1934 г. «О планировании перевозок и улучшении работы водного транспорта».
Postanovlenie Soveta Narodnyh Komissarov i CK VKP(b) ot 5 maja 1934 g. «O planirovanii perevozok i uluchshenii raboty vodnogo transporta».
13. Там же.
Tam zhe.
14. ГАРФ Ф. 7458. Оп. 4. Д. 987. Л. 43.
GARF F. 7458. op. 4. D. 987. L. 43.
15. Водный транспорт. 24 октября 1934 г.
Vodnyj transport. 24 oktjabrja 1934 g.
16. Статистические сведения по водному транспорту, вып. 56. С. 34.
Statisticheskie svedenija po vodnomu transportu, vup. 56. S. 34.
17. ГАРФ Ф. 7458. оп. 5. Д. 2. Л. 9.
GARF F. 7458. op. 5. D. 2. L. 9.
18. Постановление СНК от 1 августа 1934 г. № 855.
Postanovlenie SNK ot 1 avgusta 1934 g. № 855.
19. За социалистическую законность. Орган Прокуратуры СССР. М.: Советское законодательство. 1935. № 7. С. 16.
Za socialisticheskuju zakonnost'. Organ Prokuratury SSSR. M.: Sovetskoe zakonodatel'stvo. 1935. № 7. S. 16.
20. Известия ЦИК Союза ССР и ВЦИК № 248 от 24 октября 1936 г.
Izvestija CIK Sojuza SSR i VCIK № 248 ot 24 oktjabrja 1936 g.
21. Водный транспорт СССР (1928–1934 гг.). М., 1936. С. 28.
Vodnyj transport SSSR (1928–1934 gg.). M., 1936. S. 28.
22. Водный транспорт в 1937 году: статистические сведения о речном и морском транспорте Наркомвода. М., 1939. С. 15–16.
Vodnyj transport v 1937 godu: statisticheskie svedenija o rechnom i morskome transporte Narkomvoda. M., 1939. S. 15–16.
23. Второй пятилетний план развития народного хозяйства СССР, М., 1934. С. 261; 663; 664.
Vtoroj pjatiletnij plan razvitija narodnogo hozjajstva SSSR, M., 1934. S. 261; 663; 664.

Rychkov I. A. Soviet river transport during the Second five-year plan (1933–1937)

The present article deals with the process of development of the Soviet river transport during the second five-year plan. As early as in the spring time of 1933 hardships fell to the lot of river transport workers, a cold snap forced river vessels to overwinter away from their backwaters. Unexecuted scheduled repairs of river ships and their operating conditions did not offer hope even for accomplishing planned tasks. Shipping companies were suffering financial difficulties, the management system was malfunctioning, resulting in a loss and a breakdown of the river craft. It was required to take drastic measures directed towards a fundamental remediation of the current situation. In spite of all negative impacts the river craft succeeded in overcoming emerged difficulties and moved to a whole new level of development. In the article a particular attention is paid to the matters of management system reorganization, directly affecting the water transport operations. The paper determines causes hampering the development of this economic sector and measures taken by the Government to address these problems as well as analyses results of instituted changes.

Keywords: reorganization, management structure, cargo turnover, self-financing system, transportation plan.

МУЗЕЕВЕДЕНИЕ, АРХЕОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ

УДК 75.052+72.684(47)КРЫМ

ПЕЩЕРНЫЕ СООРУЖЕНИЯ МАНГУПА

Герцен А. Г.

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского
г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: gertsenag@yandex.ua*

Могаричев Ю. М.

*Крымский республиканский институт постдипломного педагогического образования
г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: mogara@rambler.ru*

Представлен обзор искусственных пещер городища Мангуп. Авторы выделяют следующие группы памятников. 1) Раннесредневековые (Период А – вторая половина VI–VII вв.). Размеры таких помещений варьируют в пределах от 3 до 11 м²; они имеют овальную или скругленную в плане форму; плавный переход от пола к стенам и от стен к потолку; на стенах помещений сохранились следы вырубки, обозначенной как Т. 1. Они имели оборонительное назначение и использовались для контроля подъемных дорог, легкодоступных расселин, в качестве наблюдательных пунктов, привратных помещений, укрытий для караульных у оборонительных стен. 2) В функциональном плане помещения Периода Б (размеры пещер варьируют от 6 до 100 м². Формы разнообразны, но фактически отсутствуют выраженные углы. Потолки встречаются двух типов: реже коробовый свод, чаще – плоский. Тип обработки – Т. 2) имели оборонительное и хозяйственное назначение. Большинство помещений Периода Б непосредственно связаны с оборонительной системой городища. Они датируются на Мангупе XIV – серединой XV вв. 3) Отличительной чертой помещений Периода В является прямоугольная форма, резко выраженные углы, плоский потолок, гладкая обработка стен (Т. 3). Датируются они второй половиной XIV–XVIII вв. Особенностью является расположение таких помещений комплексами. Авторы также рассматривают монастырские и церковные комплексы Мангупа: монастырь на оконечности мыса Тешкли-бурун; Юго-восточный монастырь; Южный монастырь; Северный монастырь; Церковь на поляне Кильсе-Тубю.

Ключевые слова: «пещерные города», Мангуп, скальная архитектура, церковь, монастырь.

История изучения. В мангупской историографии [подр. см.: 1, с. 89–102; 2] внутрискальные памятники [об истории изучения пещерных сооружений Горного Юго-Западного Крыма см.: 3, с. 11–32; 4, с. 4–15; 5, с. 435–446], как «лежащие на поверхности» и архитектурно выразительные, традиционно занимают важное место. Первое упоминание о них относится уже к концу XIV в. Иеромонах Матфей в «Описании города Феодоро» [6, с. 286–309] сообщает: «Найдя лестницу твердую из самородного камня, я спустился вниз в середину земли и увидел там пол и потолок из самородной скалы, высеченные весьма приятные дворцы, келии, светоносные (окна) красивейшие, направленные на восток, и пестрые украшения удивительные, которые и творение не носит, большой приятностью наполненные, красиво

сработанные» [6, с. 297; 6, с. 575–576]. В другом месте он повествует: «Как только я вошел в акрополь и увидел ... высеченных в скале гробниц, портиков и колонн, кроме того и (красоты) всей пестрой живописи, увидел и тела мертвых и массы останков, и черепа без костей и останков кучи» [6, с. 297; 7, с. 572–574].

Эвлия Челеби, посетивший город в 1666–1667 гг., подчеркивал: «Внутри и снаружи этой крепости есть много тысяч пещер. Увидевший их поразится и приложит палец к устам. Все дорогие товары народа крымского хранятся в пещерах этой крепости Мангуп» [8, с. 80].

П. С. Паллас, автор первого научного описания памятников городища, побывавший здесь в 1793–1794 гг., упоминает пещерные сооружения в верховьях балки Табана-дере, а также ряд внутрискальных памятников на мысе Тешкли-бурун. Наибольшее внимание П. С. Палласа привлек комплекс, ныне известный как Барабан-коба [9, с. 64–65].

Достаточно подробный обзор ряда пещерных сооружений Мангупа составил в 1834 г. швейцарский путешественник Ф. Дюбуа де Монпере [10, р. 272–286; 11, с. 253–258]. Он исследовал пещерные сооружения в верховьях Табана-дере, по краям мыса Тешкли-бурун, на южном краю плато за пределами Тешкли-буруна. Но, как и П. С. Палласа, более всего его впечатлил Барабан-коба: «Однако ни одна из крипт, обращенных к югу, не в состоянии соперничать с теми, которые находятся на оконечности мыса акрополя. Их величина, расположение и сопутствующие им особенности наводят на мысль, что это могла быть резиденция вождя или царя тавров» [11, с. 257]. В атласе иллюстраций путешественник поместил довольно верные планы ряда внутрискальных комплексов.

Первопроходцем археологического изучения Мангупа, равно как и всех «пещерных городов», являлся А. С. Уваров, который впервые провел здесь небольшие археологические исследования в 1853 г. [2, с. 228]. В рамках большого проекта «Исследования о древностях Южной России и берегов Черного моря»¹, им планировался обзор археологических памятников Горного Крыма, который должен был войти в третий выпуск (гл. 4–7) и стать частью четвертой главы «От Днепра до Таврических гор». Однако данный труд остался незавершенным и, соответственно, не был опубликован. Рукопись ныне хранится в Отделе письменных источников ГИМа [Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 196]. Описание Мангупа находится на л. 64–80 об. и в настоящее время готовится к публикации авторами настоящей работы. Очевидно – это рабочий набросок рукописи. По крайней мере, в тексте имеется несколько ремарок, написанных красными чернилами, предполагавшими в дальнейшем вставку текста. А. С. Уваров при составлении своего обзора во многом ориентировался на труд Ф. Дюбуа де Монпере. Главным достоинством «мангупского сюжета» уваровской рукописи является первое в историографии описание Южного монастыря и фресок из монастырского храма. В качестве иллюстрации прилагаются планы

¹Данный проект явился результатом научной археологической поездки молодого ученого на Юг России, совершенной в 1848 г. по заданию Комиссии Петербургского археолого-нумизматического общества [12, с. 165–166]. Было опубликовано два выпуска: Т. I. СПб., 1851; Т. II. СПб., 1856. Также был издан том «Собрание карт и рисунков к исследованиям древностях Южной России и берегов Черного моря. СПб., 1853.

пещер, скопированные из «Путешествия» Дюбуа. А. С. Уварова сопровождал художник М. Вебель, который выполнил ряд рисунков, из которых впоследствии И. Медведев изготовил гравюры, вошедшие в так называемый неизданный альбом А. С. Уварова [12, с. 167]. Особую ценность представляют вебелевские рисунки фресковых росписей храма Южного монастыря. Художник передал общий вид интерьера церкви из северо-западного угла, захватывая большую часть алтаря с фресками и сами фрески, бывшие в то время в удовлетворительном состоянии (рис. 1; 2).

Более поздние описания пещерных сооружений Мангупа, в том числе и пещерных храмов, содержатся в работах И. Г. Андриевского, Д. М. Струкова, Н. П. Никольского, В. Х. Кондараки, А. И. Попова, А. Л. Бертъе-Делагарда и ряда других авторов [подр. см.: 2, с. 225–246; 3, с. 16–23; 5, с. 439–443]. Внутрискальные памятники городища находились в поле зрения не только ученых, но и любителей древностей. Так, в ноябре 1889 г. инженер Агеенко отправил в Археологическую комиссию чертежи и описания мангупского пещерного храма (церковь Южного монастыря) а она, в свою очередь, обратилась в Таврическую ученую архивную комиссию с просьбой осмотреть памятник и принять меры к его охране [13]. Осмотр произвели известные крымские ученые А. Х. Стевен и А. И. Маркевич, которые датировали памятник XIV–XV вв. [13, л. 9]. Об этом событии было сообщено в «Правительственном вестнике» [14].

Началом археологического изучения пещерных сооружений мангупского городища можно считать проведенную экспедицией под руководством Р. Х. Лепера в 1912–1913 гг. расчистку так называемой «гарнизонной» церкви на мысе Тешкли-бурун, церкви Южного монастыря и церкви Северного монастыря [15, с. 154; 16, с. 299].

Эпиграфические материалы из пещерных церквей Мангупа впервые были введены в научный оборот В. В. Латышевым. Исследователь рассматривал (со ссылкой на М. И. Скубетова) надпись в церкви Северного монастыря и отметил, что та нуждается в дальнейшем исследовании [17, с. 21]. Он же приводит и свидетельство А. Л. Бертъе-Делагарда о вырезанных на стенах одной из пещер Северного монастыря кресте и буквенной дате, соответствующей 1223 г. [18, с. 154]. При этом отмечалось сходство креста с изображенным на фреске Южного монастыря.

В 1938 г. экспедицией ГАИМК проводилось обследование пещерных сооружений Мангупа. Тогда Е. В. Веймарном были сняты планы пещерных комплексов в оконечности мыса Тешкли-бурун. За пределами цитадели, на обрыве возле руин мечети Баязида Святого, им был расчищен двухкамерный пещерный комплекс с принадлежащими ему двумя склепами [19, с. 421–424].

Все известные на конец 30-х гг. XX в. сведения о пещерных сооружениях Мангупа были обобщены Н. И. Репниковым в его «Материалах к археологической карте Юго-Западного нагорья Крыма» [20, л. 180–186, 189–190, 225–226, 229–232, 238].

В 1967 г. под руководством Е. В. Веймарна были возобновлены работы на Мангупе, проводившиеся Институтом археологии АН УССР, Бахчисарайским историко-археологическим музеем и Крымским государственным педагогическим

институтом. В 1968–1970 гг. М. Я. Чорефом и А. Г. Герценом при разведках на склонах плато был обнаружен небольшой культовый пещерный комплекс в естественном гроте, расположенном в подножии обрыва под двухкамерным комплексом, исследованным в 1938 г. (Юго-Восточный монастырь) [21, с. 136–137]. В 1971 г. под руководством М. Я. Чорефа были проведены раскопки в Южном монастыре [22].

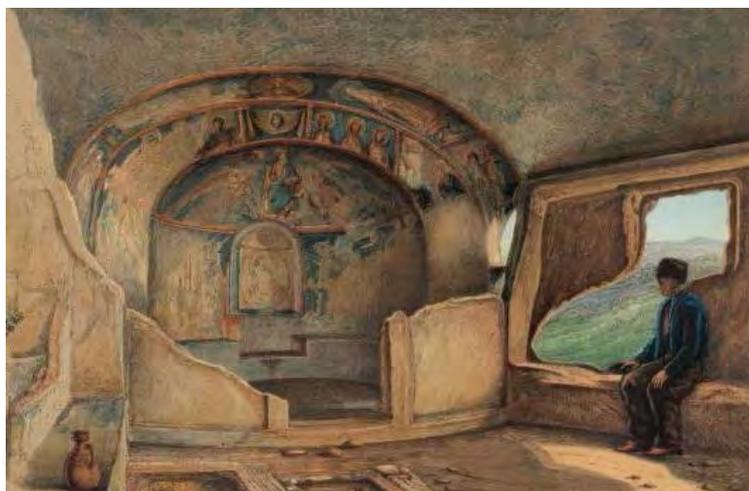

Рис. 1. Южный монастырь. Церковь. Рис. М. Вебеля (сер. XIX в.). Из неизданного альбома А. С. Уварова

В 1973 г. И. И. Лободой были проведены исследования наземной части «гарнизонной» церкви, где выявлены вырубные гробницы, костницы и остатки наземного дома, перекрывавшие церковь в турецкое время [23].

О. И. Домбровский в своем труде, посвященном изучению фресковых росписей средневекового Крыма, подробно рассмотрел и фресковую композицию храма Южного монастыря, которую он датировал XIV–XV вв. [24, с. 78–89].

В 1975 г. экспедицией Симферопольского государственного университета (ныне – Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского) исследовался Северный монастырь. Под руководством Ю. С. Воронина были проведены раскопки возле пещерной церкви, зачищены внутрискальные помещения, сделаны обмеры.

В 1982 г. в докладе на конференции, посвященной охране и реставрации пещерных комплексов, А. Г. Герценом была обобщена информация о внутрискальных сооружениях мыса Тешкли-бурун [25]. Ряд пещерных сооружений, связанных с фортификационными сооружениями, им был исследован в монографии, посвященной оборонительным сооружениям городища [1, с. 103–154].

В 90-х годах прошлого века авторы настоящей работы провели системное изучение пещерных сооружений Мангупского городища. Были выделены раннесредневековые (Период А – вторая половина VI–VII вв.) оборонительные внутрискальные сооружения [3, с. 53–57; 26; 27], оборонительные и хозяйственные

комплексы XIV–XV вв. (Периоды Б и В) [3, с. 106–110; 28, с. 5–6]. Также проводилось обследование пещерных церквей и монастырей Мангупа. В результате были выделены: монастырь на оконечности мыса Тешкли-бурун («Гарнизонная» церковь, церковь в оконечности мыса Тешкли-бурун, пещерные комплексы № 1–3); Юго-Восточный монастырь (церковь на «площадке со склепами», церковь в обрыве под «площадкой со склепами»; алтарь в карстовой пещере; Южный монастырь (храм Южного монастыря); Северный монастырь (церковь в балке Табана-дере); церковь на поляне Кильсе-Тубю [4, с. 131–140; 28; 29, с. 54–78; 30, с. 79; 31, с. 231–236; и др.].

В. Л. Руев, исследуя историю османского завоевания Крыма в 1475 г. и рассматривая отдельные аспекты осады Мангупа, попытался определить место двух оборонительных пещерных сооружений в системе укрепления А.XVII. Вслед за Ю. М. Могаричевым помещение А он датирует периодом раннего средневековья, а помещение Б – эпохой Феодоро [32, с. 252–253].

Рис. 2. Южный монастырь. Церковь. Фресковые росписи. Рис. М. Вебеля (сер. XIX в.). Из неизданного альбома А. С. Уварова

В последнее время интерес к пещерным сооружениям Мангупа проявил Н. В. Днепровский. Полностью доверившись ошибочным сведениям Д. М. Струкова, перепутавшим по возвращении из Крыма участки Мангупского городища (художник утверждал, что в северном обрыве мыса Тешкли-бурун видел и зарисовал пещерный храм), он «выявил» якобы неизвестную ранее скальную церковь [33; 34]. Как оказалось, на самом деле Д. М. Струков имел в виду церковь Северного монастыря в балке Табана-дере [35]. В другой статье, Н. В. Днепровский, не удовлетворившись оборонительным назначением вышеупомянутых пещерных сооружений в районе укрепления А. XVII на основании того, что на стенах имеются кресты, попытался их идентифицировать как культовые: одно несомненно, а второе предположительно [36]. Заметим, что такой подход имеет серьезные с точки зрения методики архитектурно-археологических исследований изъяны. По этой логике, любая постройка, на стенах которой имеются кресты-граффити – церковь. Нет ничего странного, что воины-христиане, охранявшие укрепление А. XVII, особенно во время турецкой осады, могли на стенах процарапать кресты. В целом, такого рода «методические находки» вполне соответствуют известному археологическому анекдоту: не знаешь, что это такое, говори культовое.

А. Ю. Виноградов, изучая средневековую греческую эпиграфику Крыма, не обошел стороной и надписи, сохранившиеся в мангупских пещерах [37; 38].

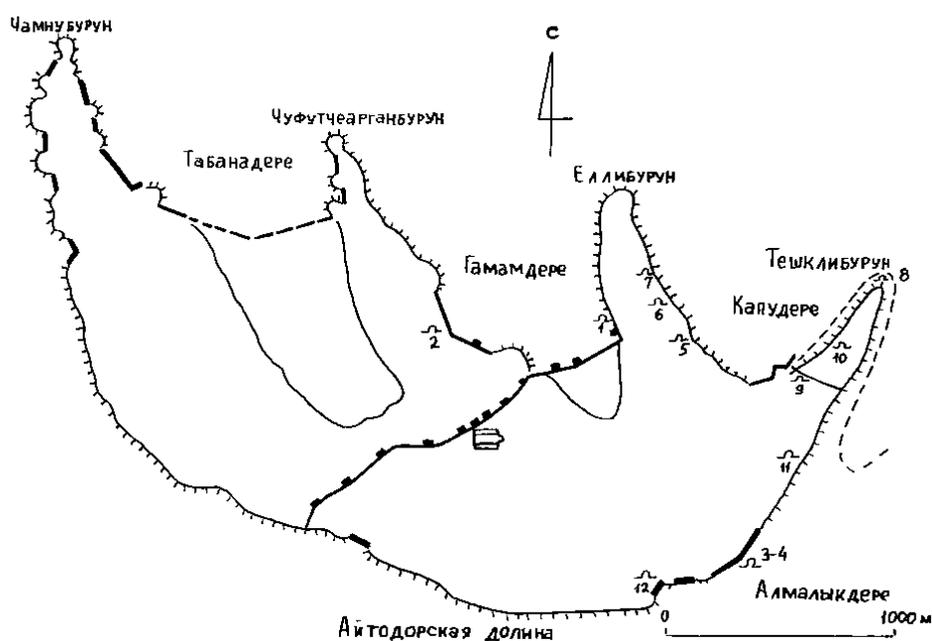

Рис. 3. План-схема Мангупа с указанием расположения пещерных сооружений Периода А

Пещерные церкви Мангупа упоминаются и в появившихся в последнее время работах, в которых во главу угла ставится исключительно литургическое устройство культовых помещений [см., напр.: 39]. К сожалению, научный уровень подобных работ далек от идеала [критику см.: 40]. Как правило, сторонники такого подхода не являются ни профессиональными археологами, ни архитекторами. Известно, что часто невозможно однозначно выявить особенности литургического устройства среди остатков различных строительных периодов. Более того, за такие детали не редко принимаются обыкновенные скальные вывалы и т. д. Такой подход не учитывает и местную специфику, в результате чего полученные даты противоречат источникам о религиозной, культурной и этнической ситуации в конкретное время. Как показали современные исследования, заключения об отражении богослужбных ритуалов в плане конкретного храма чаще всего носят гипотетический характер. Известно, что в средневизантийский период внешние формы христианского культа существенно стабилизировались, следовательно, возможность их соотнесения с архитектурными формами ограничена [42, с. 271].

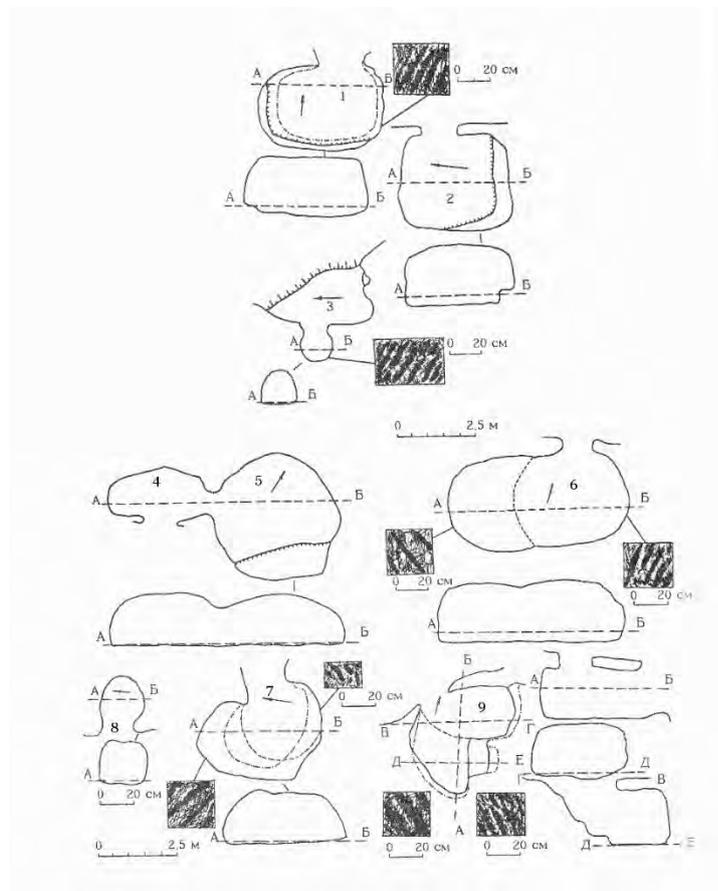

Рис. 4. Пещерные сооружения Периода А. Планы, разрезы

Помещения Периода А. Размеры таких помещений варьируют в пределах от 3 до 11 м²; они имеют овальную или скругленную в плане форму; плавный переход от пола к стенам и от стен к потолку, в результате чего потолок приобретает форму коробового свода; на стенах помещений сохранились следы вырубки, отражающие технику создания пещерных сооружений, обозначенную нами как Т. 1 (косые борозды, образовавшиеся в результате кирочных ударов, расположенные, как правило, в одном направлении: сверху вниз под углом 35–50°; не всегда борозды располагаются строго параллельно. Расстояние между ними – не более 0,08–0,09 м). К особенностям данных сооружений можно отнести вырубленные в скале скамьи и арочные ниши. Помещения Периода А обычно располагались в расселинах у оборонительных стен, на краю плато городищ, в основном над древними подъемными дорогами. Они имели оборонительное назначение и использовались для контроля подъемных дорог, легкодоступных расселин, в качестве наблюдательных пунктов, привратных помещений, укрытий для караульных у оборонительных стен. Датируются эти памятники второй половиной VI–VII вв. [3, с. 46–81; 27; 28].

Мангупские помещения Периода А находятся в комплексе с Главной линией обороны, возникшей в раннее средневековье и являющейся здесь первоначальной фортификационной системой [1, с. 103–138].

Помещение № 1 расположено на западном склоне мыса Елли-бурун на эспланаде перед фасом укрепления А.XV (рис. 3, 1; 4, 1). Обращено оно к Гамам-дере. Первоначальная оборонительная стена проходила ниже пещерного сооружения, служившего убежищем для ее стражей (1, с. 11). После захвата Мангупа турками в 1475 г. на западном фланге укрепления А. XV крепостная стена была перенесена выше по склону и возведена новая башня А. 3, фланкировавшая предстенное пространство, в том числе и подходы к оказавшейся теперь перед стеной пещере. Помещение имеет овальную форму, размеры его – 4 x 2,8 при высоте 1,6 м. У южной и западной стен сохранились остатки скамьи шириной 0,25 м, высотой 0,3 м. Входной проем помещения сильно разрушен и не сохранил первоначальных очертаний. Помещение не имеет видимых следов каких-то существенных перестроек и, таким образом, целиком принадлежит к первому этапу формирования оборонительной системы.

Помещение № 2 (рис. 3, 2; 4, 2) находится на противоположном склоне ущелья Гамам-дере. Здесь было устроено укрепление А. XIV, защищавшее доступный для подъема участок склона мыса Чуфут-Чеарган-бурун и устье впадающей в Гамам-дере Лагерной балки. Пещера была вырублена с тыльной стороны стены в 10 м от куртины «Б». Его размеры – 3,3 x 3,0 x 1,9 м. Входной проем разрушен, современная его ширина – 1,4 м. Вдоль южной и до половины западной стены проходит вырубная скамья шириной до 0,5 м и высотой до 0,4 м. От юго-западного угла она начинает сужаться и в средней части западной стены сходит на нет.

Помещения № 3, 4 (рис. 3, 3–4) расположены на южной окраине плато в районе укрепления А. XVII. Первоначально пещерные сооружения располагались с тыльной стороны стены и служили для укрытия караульных. Как уже упоминалось, в турецкое время куртина была разобрана и перенесена выше по склону, ближе к кромке плато, в результате чего пещерные сооружения оказались перед фасом обороны. Помещение

№ 3 (Б по В. Л. Руеву) (рис. 4, 5) в плане имеет форму, близкую к кругу, 4,15 x 3,8 x 2,2 м. По всему периметру пещеры, кроме входа, устроена скамья. В рядом расположенное помещение № 4 (А по В. Л. Руеву) (рис. 4, 4) пробит вход овальной формы размерами 0,75 x 1,1 м. Оно в плане овальное, 3,07 x 1,7 при высоте 1,7 м. В стене была сооружена ниша, вероятно, для установки светильника. Сохранилось также несколько вырубленных в стене крестов. Помещения находятся на разных уровнях, с перепадом высот до 0,6 м. Входные проемы имеют прямоугольную форму со слабо выраженным арочным завершением. Вполне вероятно, что к раннему средневековью относится только помещение № 4, а № 3 было вырублено в феодоритский период.

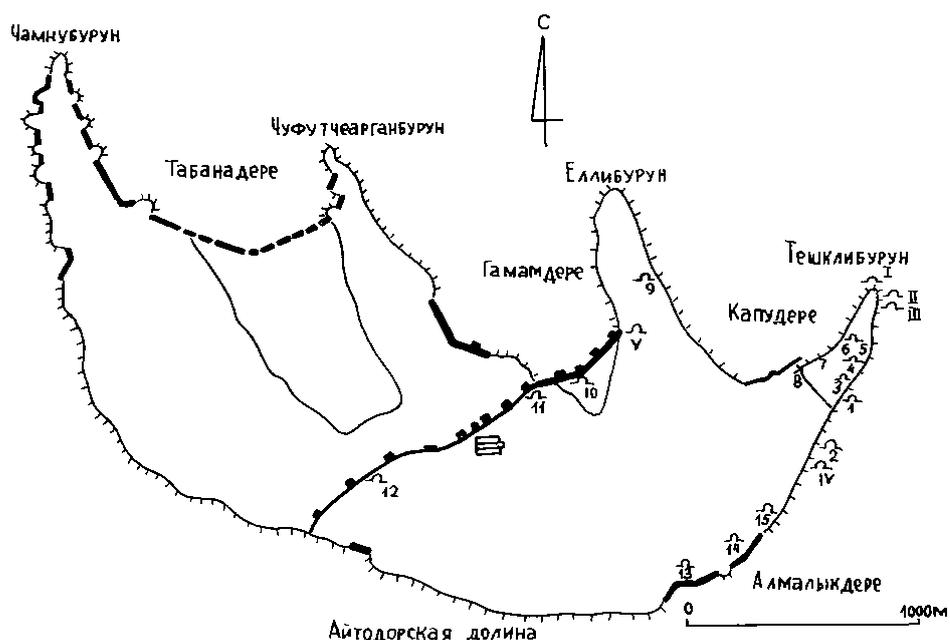

Рис. 5. План-схема Мангу́па с указанием расположения пещерных сооружений периода Б и В. 1, 2, 3 ... – помещения периода Б. I, II, III... – помещения периода В

Три помещения расположены на восточном склоне мыса Елли-бурун над ущельем Капу-дере. № 5 (рис. 3, 5; 4, 3) имеет овальную форму, 1 x 1,25 м при высоте 1,2 м. Рядом с пещерным сооружением находится скальная площадка на краю обрыва, вероятно, использовавшаяся как наблюдательный пункт. Помещение № 6 (рис. 3, 6; 4, 7) расположено к северу от предыдущего. Неправильной в плане форме оно обязано нескольким перестройкам, следы которых хорошо прослеживаются. Однако его первоначальный контур в виде овала и коробовый свод можно восстановить с достаточной уверенностью. Первоначальная часть помещения выделяется по разнице уровней потолка, вырубкам в полу и расположению дверного

проема. Помещение № 7 (рис. 3, 7), расположенное к северу от предыдущего, в настоящее время сильно разрушено, и о его особенностях судить трудно, однако ясно, что местоположением и функционально оно объединяется с вышеупомянутыми двумя пещерными сооружениями. Данный пещерный комплекс имел, вероятно, дозорное назначение. Отсюда открывается вид на всю юго-восточную часть балки Капу-дере с укреплением А. XVI, защищавшим ее верховья. Именно здесь находились главные крепостные ворота и проходила единственная дорога, по которой возможен был въезд на плато. Особенно важно было контролировать из крепости участок северо-западного склона мыса Тешкли-бурун между дорогой и подножьем его обрыва. Это мертвое пространство лучше всего просматривалось с восточного склона Елли-буруна от района расположения пещерных сооружений.

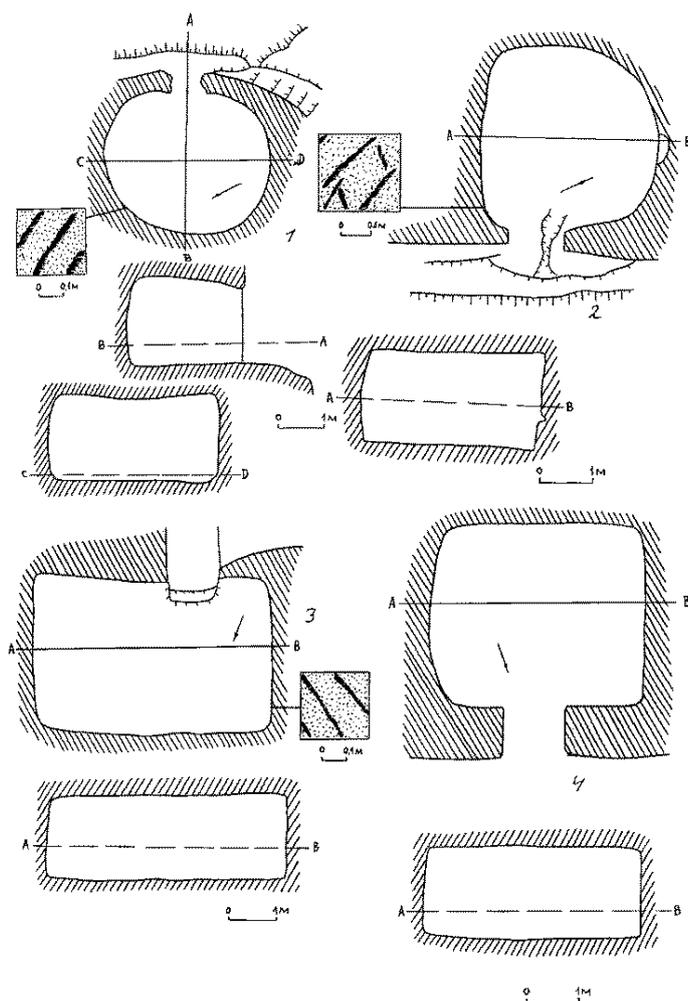

Рис. 6. Помещения Периода Б. Планы, разрезы

Контроль пространства под северо-западным склоном Тешкли-буруна должен был осуществляться и непосредственно с его плато. Поскольку контур этой части мыса представлял вогнутую линию, то лучшее расположение наблюдательных пунктов было по ее флангам. Несомненно, что такой пост с самого начала должен был находиться на оконечности мыса, где сейчас располагается комплекс Барабанкоба (XIV–XV вв.) (№ 8) (рис. 3, 8), венчавшийся в период жизни крепости наземной башней. Сохранилось помещение раннего облика (№ 9) (рис. 3, 9; 4, 6) у края обрыва в юго-западной части мыса над главными крепостными воротами. Вход в него находится в 4 м перед фасом куртины цитадели. Таким образом, здесь, как и в случае с укреплениями А. XVII и А. XV, расположение пещерного сооружения на эспланаде указывает на его более раннюю дату, чем оборонительные стены.

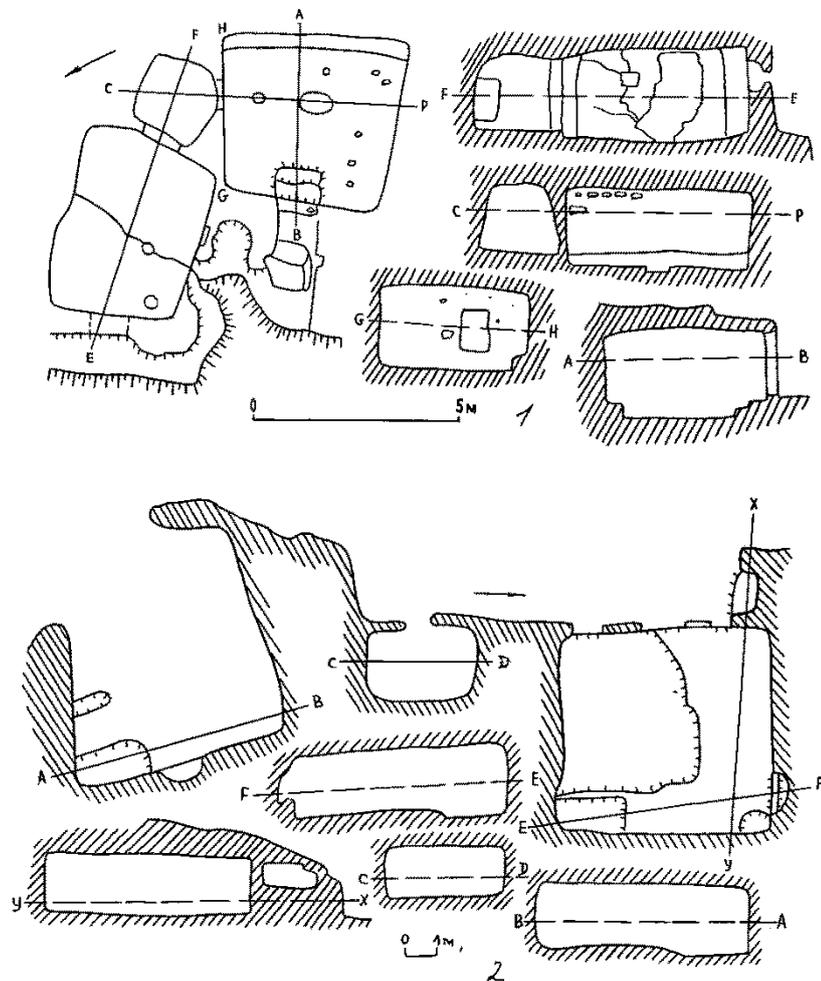

Рис. 7. Помещения Периода В. Планы, разрезы

Вероятно, в раннее средневековье на северо-западной окраине мыса Тешклибурун имелось еще несколько пещерных сооружений, разрушенных затем в XIV–XV вв. строительными работами феодалов, а еще позже и турок. Так, сохранились следы, по всей видимости, раннесредневекового помещения в пещерном сооружении № 10 (рис. 3, 10; 4, 9), впоследствии расширенного.

И ранние, и более поздние сооружения служили здесь одной цели: контролю за последним участком колесной дороги, пролежавшим под обрывом мыса и подводившим к главным воротам в верховьях балки Капу-дере.

На южной окраине мангупского плато можно выделить два помещения. № 11 расположено как раз под тем местом, где подъемная дорога впервые подходит под плато городища (рис. 3, 11; 4, 8). На важность контроля этого участка указывает то обстоятельство, что в феодалитское время рядом с ранним помещением вырубается другое, более обширное. № 12 – небольшое помещение для укрытия одного человека, находящегося в верховьях расселины рядом с укреплением А. XIX (рис. 3, 12).

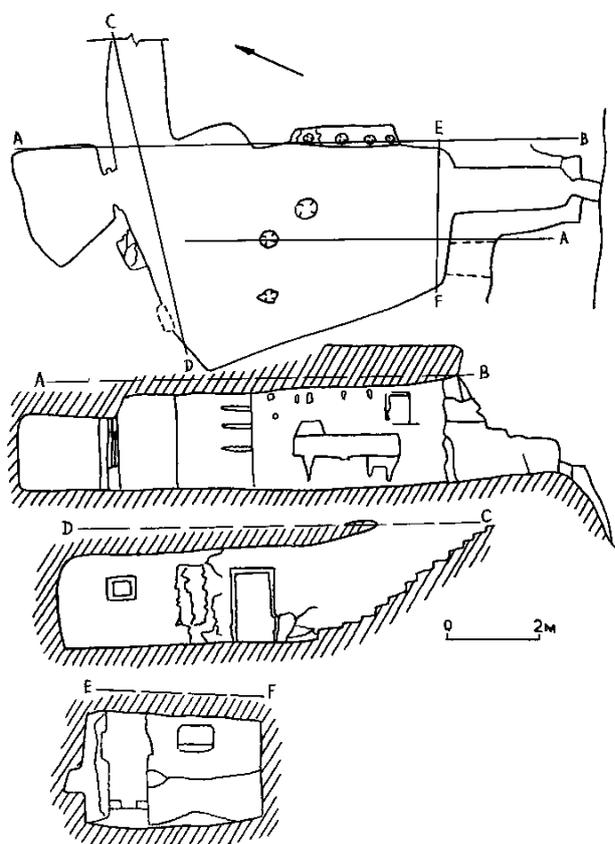

Рис. 8 Помещения периода В. «Пещерный каземат» на южном краю плато. План, разрезы

Ближайшей аналогией архитектурному типу рассмотренных пещерных сооружений на Мангупе являются вырубные скальные склепы, вырубленные в скале над главными крепостными воротами [3, рис. 27].

Таким образом, количество пещерных сооружений, входивших в первоначальную фортификационную систему, не превышало 12–17 единиц.

Помещения Периодов Б и В. Размеры помещений Периода Б варьируют от 6 до 100 м². Формы разнообразны, но фактически отсутствуют выраженные углы (за исключением культовых комплексов). Потолки встречаются двух типов: реже коробовый свод, чаще – плоский. Тип обработки – Т. 2 (параллельные или перекрещивающиеся глубокие борозды, расстояние между которыми – не менее 0,1 м). Из внутренних деталей обращают на себя внимания ясли и каменные кольца, распространенные в большом количестве. Подавляющее большинство помещений Периода Б (более 80 %) имело хозяйственное назначение. Датируются помещения Периода Б концом X–XI – началом XV в. [3, с. 95–110].

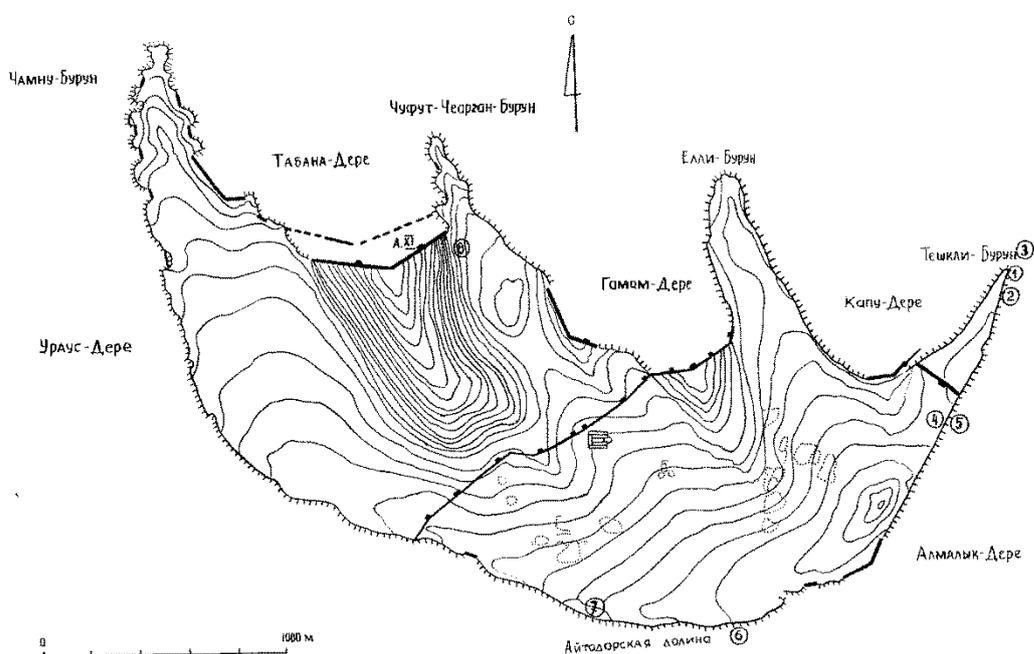

Рис. 9. Мангуп. План с указанием расположения пещерных церквей и монастырей. 1. Пещерный монастырь на оконечности мыса Тешкили-бурун. 2. «Гарнизонная» церковь. 3. Церковь в оконечности мыса Тешкили-бурун. 4. Юго-восточный монастырь. Церковь на «площадке со склепами». 5. Юго-восточный монастырь. Церковь в обрыве под «площадкой со склепами». 6. Южный монастырь. 7. Алтарь в карстовой пещере. 8. Северный монастырь.

К Периоду Б на Мангупе можно отнести следующие сооружения [3, с. 106–107]. Помещение № 1 (рис. 5,1; 6,1) расположено на южном краю плато мыса Тешклибурун, рядом со стеной цитадели. Спуск из шести ступенек ведет с плато на узкую площадку 2,5 x 0,5 м, с северо-западной стороны которой и вырублено помещение. Оно овальное в плане формы, размерами 3,5 x 3,1 x 1,8 м. Особенностью является резкая грань между стенами и потолком. В функциональном плане помещение, несомненно, имело оборонительный характер и находилось в комплексе со стеной цитадели. Оно, вероятно, использовалось для контроля дороги, огибающей Ташклибурун и проходившей под этим местом.

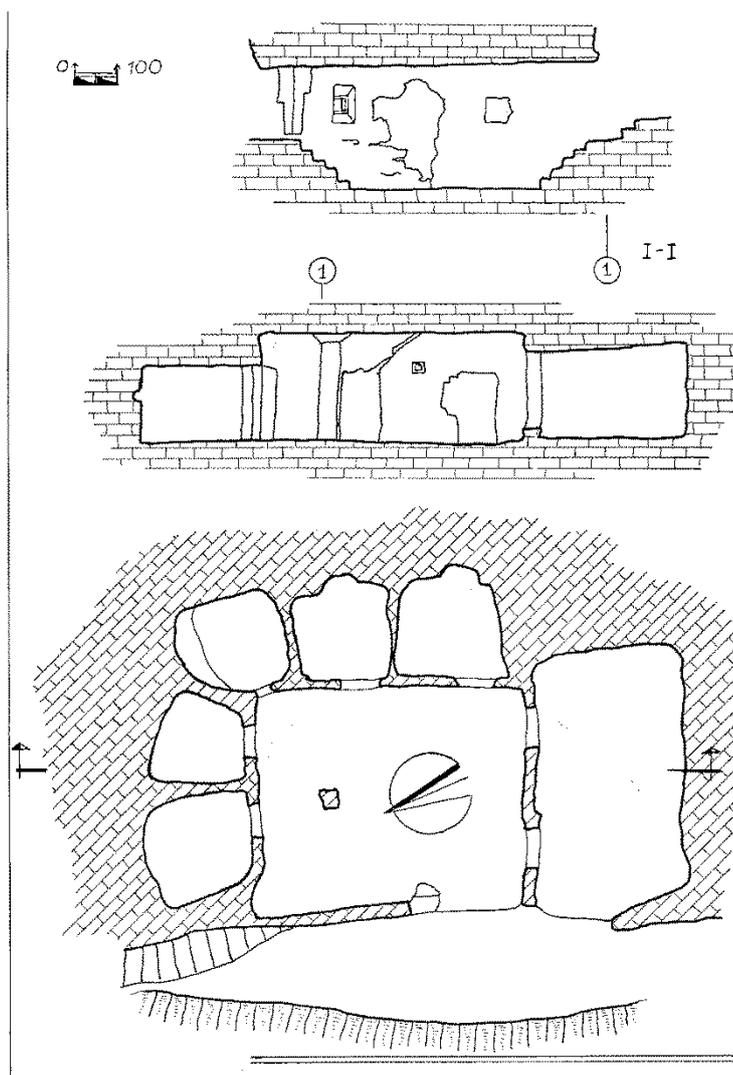

Рис. 10. Пещерный монастырь на оконечности мыса Тешкли-бурун. Пещерный комплекс № 1 (Барабан-коба). План, разрезы

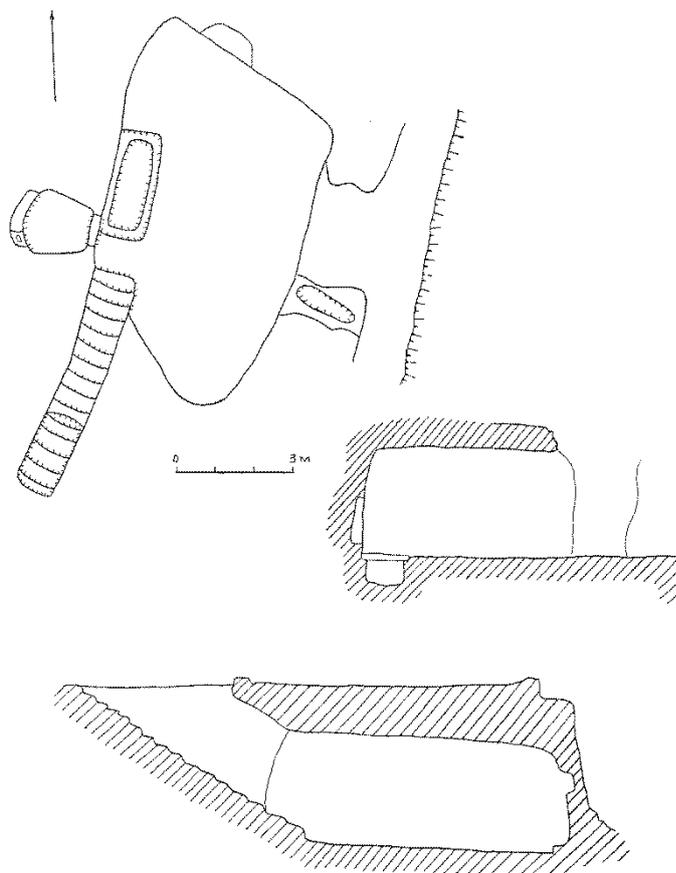

Рис. 11. Пещерный монастырь на оконечности мыса Тешкли-бурун. Пещерный комплекс № 2 (по Е. В. Веймарну). План, разрезы

Для контроля дороги использовалось и помещение № 2, расположенное также по южному краю плато Мангупа, но за пределами цитадели (рис. 5, 2; 6, 2). Оно размерами 3,5 x 3,3 x 1,8 м, округлой в плане формы, вырублено с северо-западной стороны узкой скальной площадки.

Помещения указанного типа известны и в других местах: на Тешкли-буруне – западнее № 1 на северном краю плато мыса, причем оно является следствием расширения раннесредневекового помещения (№ 10, см. выше); упомянутое помещение № 3 рядом с укреплением А. XVII; отдельные находятся по южному краю плато городища (рис. 5; 6, 3–4).

В функциональном плане помещения Периода Б имели оборонительное и хозяйственное назначение.

Большинство помещений Периода Б непосредственно связаны с оборонительной системой городища. Сооружение оборонительной стены цитадели, скорее всего, относится к началу 60-х гг. XIV в. В 20-х гг. XV в., вероятно, возвели вторую линию

обороны. Следовательно, и находящиеся в комплексе с наземной фортификацией оборонительные пещерные сооружения должны датироваться приблизительно этим временем.

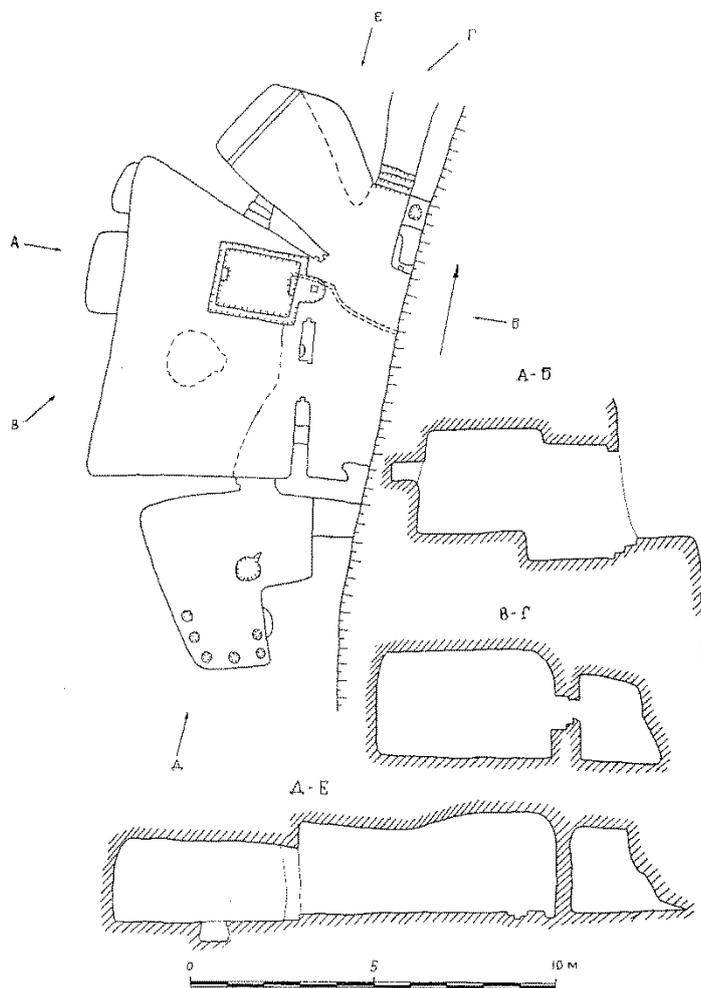

Рис. 12. Пещерный монастырь на оконечности мыса Тешкли-бурун. Пещерный комплекс № 3 (по Е. В. Веймарну). План, разрезы

Отличительной чертой помещений периода В является прямоугольная форма, резко выраженные углы, плоский потолок, гладкая обработка стен (Т. 3). Датируются они второй половиной XIV–XVIII вв. [3, с. 107–111]. Особенностью является расположение таких помещений комплексами. Большинство из них расположено на мысе Тешкли-бурун. Такие же помещения находятся в верховьях балки Гамам-дере, у оборонительной стены А. XV, возведенной в турецкое время (начало XVI в.) (рис. 7, 2), на южном краю плато, например так называемый пещерный каземат,

вырубленный рядом с упомянутым раннесредневековым помещением № 11 (рис. 8). Помещения Периода В отражают тот период, который до этого история Горного Крыма не знала, – период сложившегося феодального города. Новый социально-экономический статус объективно требовал и новых архитектурных решений, более монументальных. И это явилось своеобразным катализатором, подхлестнувшим эволюцию пещерных сооружений. Помещения Периода В уже практически полностью копируют наземную архитектуру: правильные формы, плоский потолок, тщательно подтесанные стены. Естественно, такому превращению способствовало и функциональное назначение помещений – общественный и культово-погребальный характер. Но уже с XVI в. мы знаем только помещения Периода В, независимо от их функционального назначения.

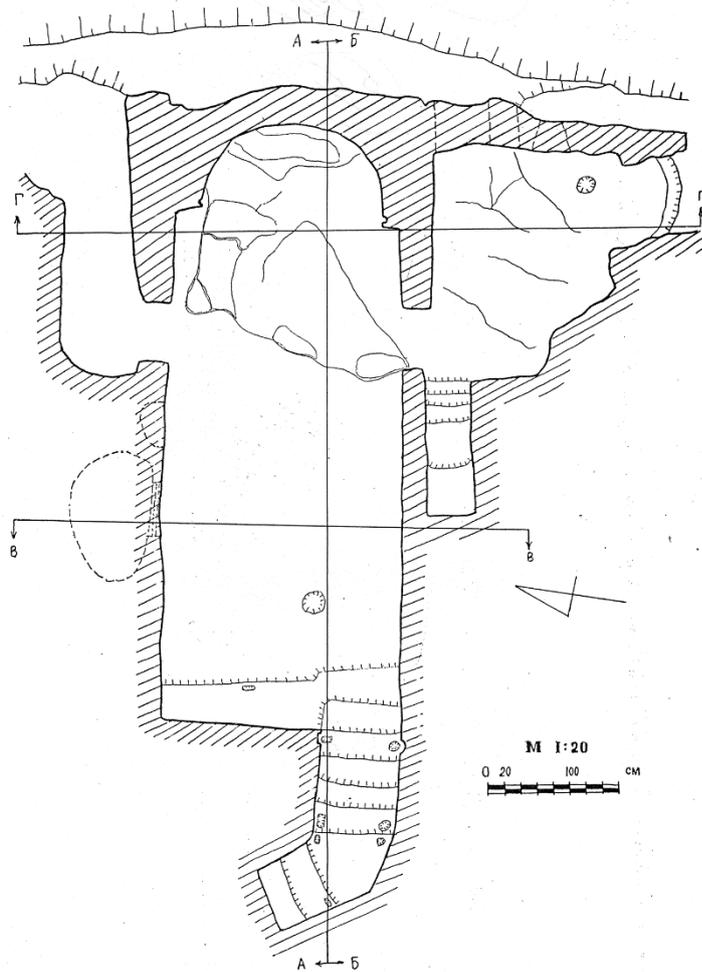

Рис. 13. «Гарнизонная» церковь. План

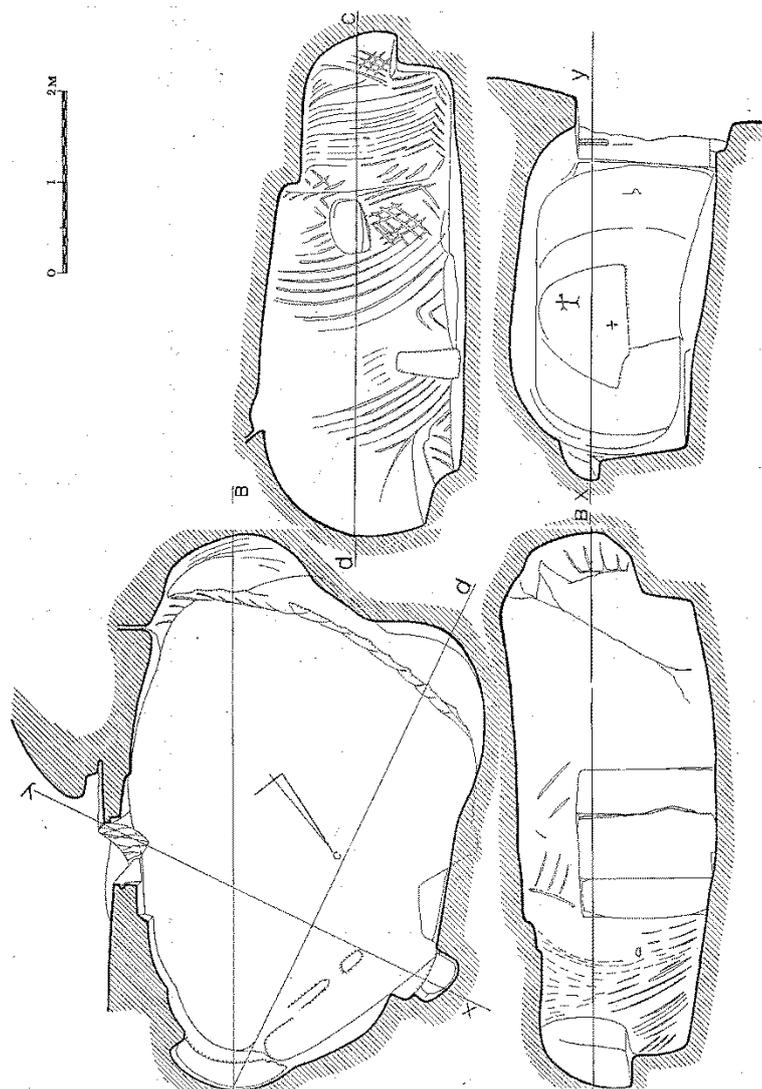

Рис. 14. Церковь в оконечности мыса Тешкли-бурун. План, разрезы

Пещерные церкви и монастыри Мангуна [4, с. 131–140; 28; 29, с. 54–78; 30, с. 79; 31, с. 231–236].

1. Монастырь на оконечности мыса Тешкли-бурун условно делится на комплексы № 1 (Барабан-коба), № 2 и № 3 (рис. 9, 1), «Гарнизонную» церковь (рис. 9, 2) и церковь в оконечности мыса Тешкли-бурун (рис. 9, 3).

«Барабан-Коба» (рис. 10) расположен на северной оконечности мыса Тешкли-бурун. Перед входом в пещерное сооружение видны остатки частично вырубленного в скале помещения, вытянутого с севера на юг. В западной части его северной стены прорублен вход в первое пещерное сооружение комплекса, а в восточной стене

сохранились остатки лестницы, ведущей на небольшую площадку над пещерным сооружением. В северной части площадки сохранились остатки лестницы, вырубленной в скале и ведущей на другую площадку, расположенную ниже. Под второй площадкой находится верхнее помещение пещерного комплекса, куда ведет лестничный спуск в восемь ступеней. В плане это четырехугольное внутрискальное помещение с хорошо обработанными стенами и гладким полом. В северной части восточной стены находится дверной проем с лестницей, выводящей на площадку. В северо-западном углу помещения вырублен лестничный спуск в нижний этаж пещерного сооружения. В нем посередине, ближе к северной стене, находится четырехугольная скальная колонна. В северной и восточной стенах имеется пять дверных проемов (два – в северной стене и три – в восточной) в небольшие почти прямоугольные камеры, вероятно, келии. В трех последних вдоль одной из стен вырублены небольшие ниши-лежанки. В южной стене центрального помещения имеется два дверных проема, ведущих в большую пещеру (м. б., трапезную), откуда проход в западной стене выводит площадку у обрыва скалы.

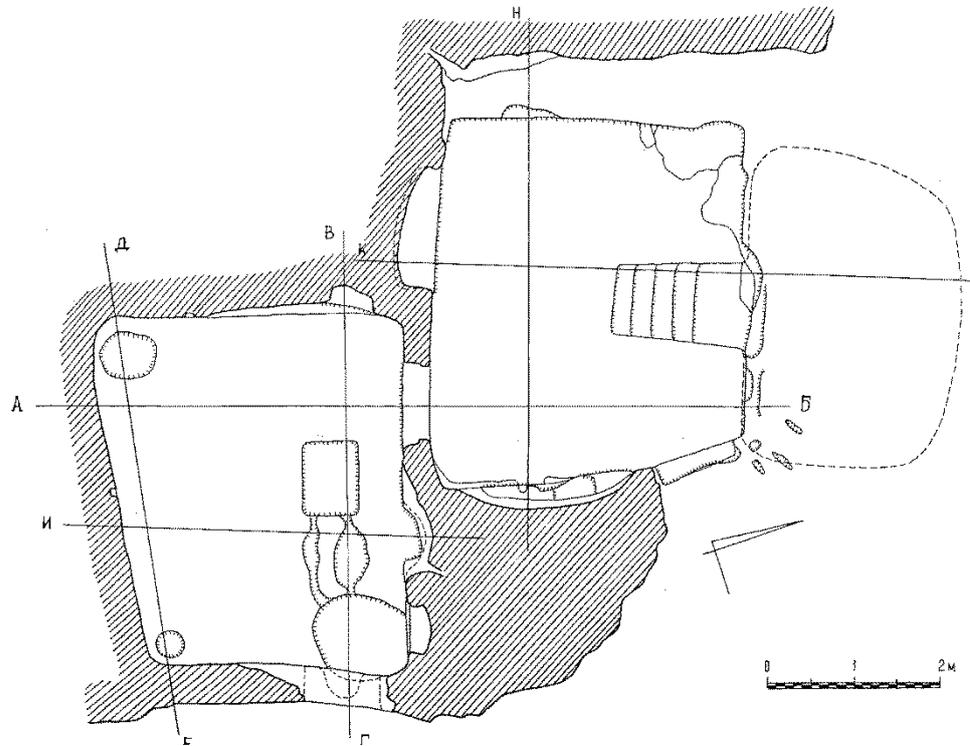

Рис. 15. Юго-восточный монастырь. Церковь на «площадке со склепами». План

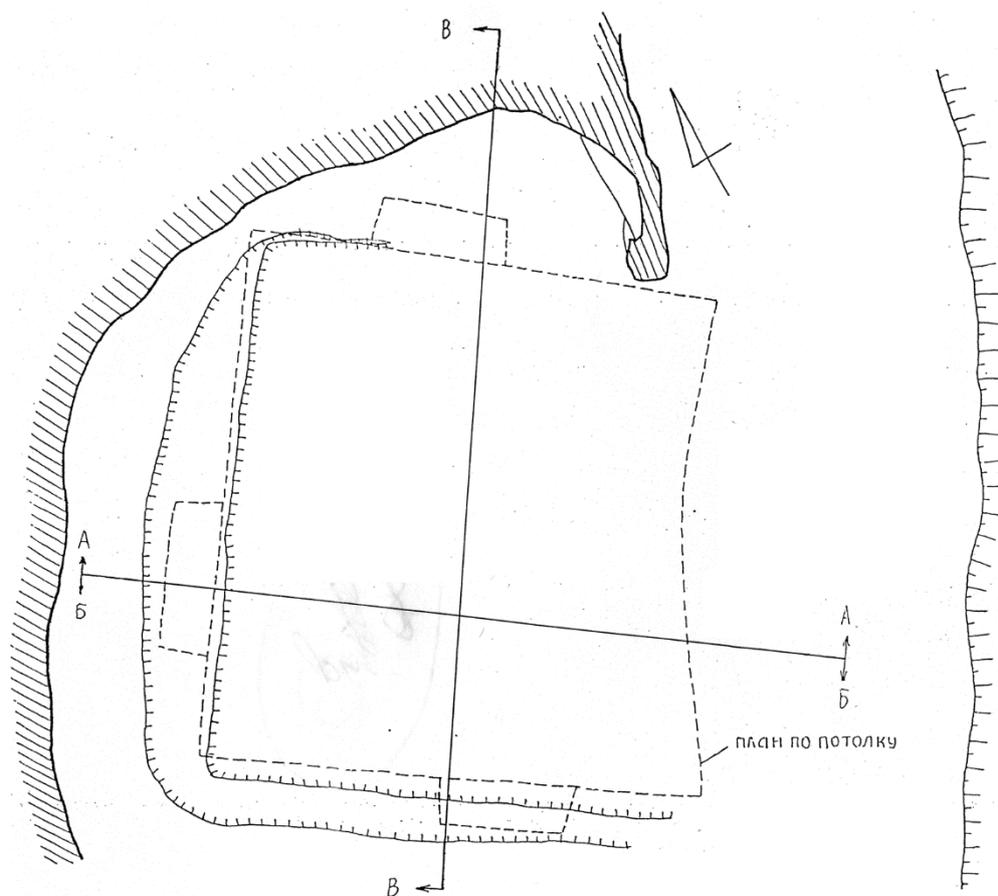

Рис. 16. Юго-восточный монастырь. Церковь в обрыве под «площадкой со скал-нами». План

Пещерный комплекс № 2 находится к югу от предыдущего, у восточного обрыва мыса Тешкли-Бурун (рис. 11). Лестничный спуск в 15 ступеней ведет в юго-западный угол обширного четырехугольного помещения размерами 3,80 x 5,40 x 2,90 м. В западной стене, около лестницы, имеется дверной проем, соединяющий помещение с большой камерой (1,85 x 1,80 м), в западной стене которой – ниша-лежанка. Вдоль западной стены основного помещения высечена гробница. В восточной стене был выход на небольшую вырубленную в скале площадку шириной до 1,50 м.

Пещерный комплекс № 3 (рис. 12) находится к югу от комплекса № 2. Северное помещение комплекса неправильной в плане формы имеет выход в сторону обрыва. Второе помещение имеет размеры 9,00 x 5,00 x 2,60 м, при этом его западная стена значительно длиннее восточной. С востока в помещение ведут два прохода. В восточной части южной стены находится дверь, ведущая в третью пещеру. В северо-восточной части этого пещерного помещения в полу видны остатки полувырубной

маленькой часовни, 7,10 x 3,70 м. Пол часовни опущен ниже пола пещеры на 0,50 м, алтарная часть возвышается над полом часовни на 0,40 м. Третья пещера этого комплекса – самая южная, имеет неправильную форму с выступающим внутрь юго-восточным углом.

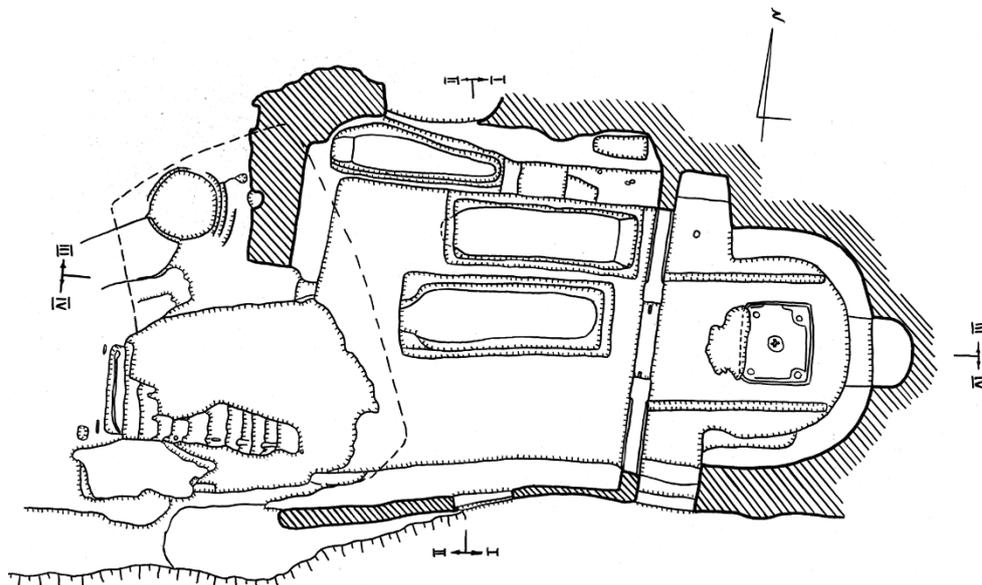

Рис. 17. Южный монастырь. Церковь. План

«Гарнизонная» церковь (рис. 13) – однефная с прямоугольным в плане наосом, шириной 3 м, длиной 6,75 м и полукруглой апсидой. Стены наоса сохранились на высоту до 3 м, апсиды – на 1,2 м. Потолок в помещении отсутствует. С запада в наос с поверхности плато ведет изломанный под тупым углом проход с лестничным спуском.

Церковь в оконечности мыса Тешкли-бурун (рис. 9, 3; 14) в плане имеет форму неправильного овала, 4,90 x 3,30 x 2,10 м. В северо-восточной стене – алтарь. Вдоль юго-западной стены проходит скальная скамья. На стенах помещения процарапаны кресты. Вероятнее всего, монастырь на оконечности Тешкли-буруна начал формироваться во второй половине XIV в., являясь неотъемлемой частью архитектурного ансамбля цитадели Мангупа. Наивысший его расцвет приходится на 20–70 гг. XV в. После 1475 г. он прекращает существование.

2. Юго-восточный монастырь (рис. 9, 4–5) состоит из двух уровней помещений. На верхнем (на плато) находится так называемая «церковь на площадке со склепами» (рис. 15) и ряд сооружений, в том числе и погребальных. Нижний уровень монастыря расположен в естественном гроте, где также был устроен храм (рис. 16). Данный памятник представлял единый монастырский комплекс периода Феодоро. Наиболее

ранней его частью были погребальные сооружения на плато, затем над ними была вырублена церковь (XIV–XV вв.). Завершается формирование монастыря созданием храма в гроте под обрывом.

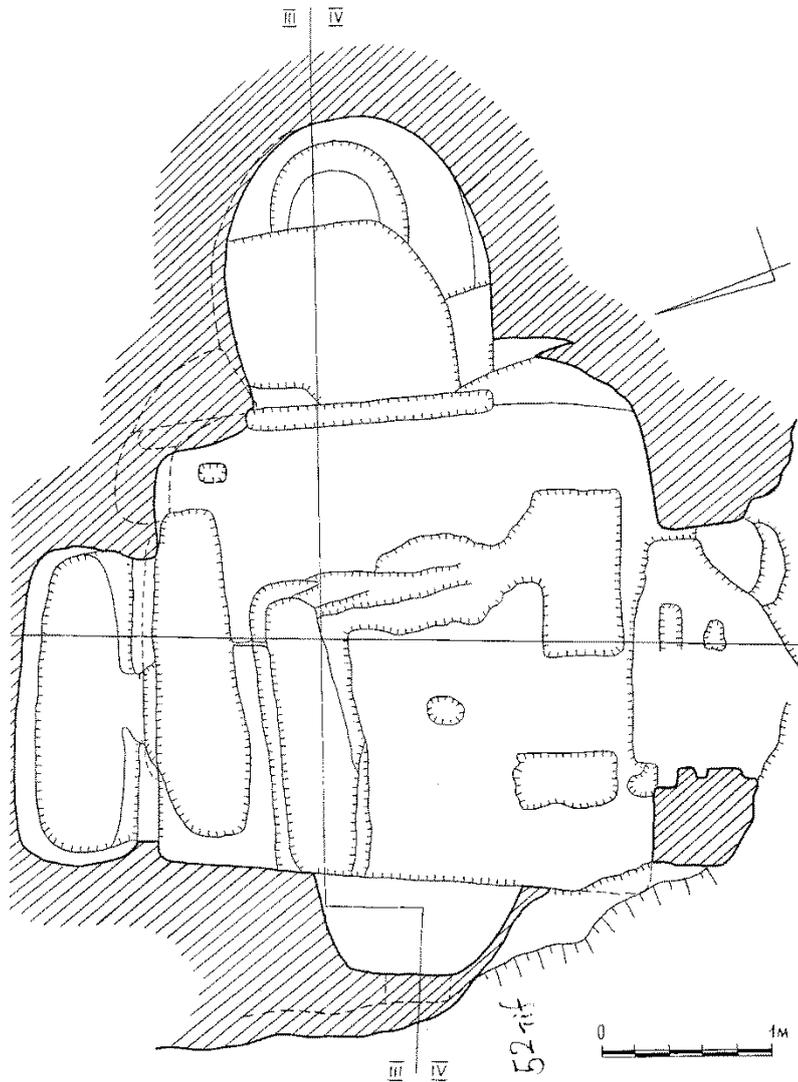

Рис. 18. Северный монастырь. Церковь. План

3. Южный монастырь расположен под южным обрывом плато (рис. 9, 6). В монастырь можно попасть по искусственному туннелю из небольшого естественного грота в подножье обрыва. В восточной стороне грота находится церковь (рис. 17), в центральной и северной части которой в полу вырублены три могилы с заплечиками. Стены наоса украшены профилированным карнизом. Алтарная преграда высотой до

1,0 м отделяет наос от алтаря. Пространство между ней и плечами апсиды образовывали жертвенник и диаконник. В апсиде высечена глубокая арочная ниша. Ниже нее проходит синтрон с «горним» местом посередине. В центре пола алтаря – вырубное прямоугольное в плане основание престола с четырьмя гнездами по краям и одним в центре. Фресковые росписи некогда покрывали апсиду, арку, окаймляющую алтарь, и фриз над аркой (рис. 1; 2). В цилиндрической части ниши, в апсиде в круге – сильно поврежденное изображение Христа-Эммануила, над ним в конхе ниши – шестиконечный оранжево-красный «процветший крест». Ветвями аканфа из его нижнего ствола оплетена вся ниша. Над перекладиной креста – монограмма Христа. По кайме вокруг ниши просматривалась надпись, по О. И. Домбровскому, – текст из Евангелия. Слева и справа от ниши, в цилиндрической части апсиды, от центра с каждой стороны изображены святители в рост со свитками в левой руке и с правой, поднятой для крестного знамения. Надписи различались только у двух: «Хризостомос» и «Григорий». В конхе – пятифигурная композиция. В центре – Христос, восседающий на троне, с приподнятой для благословения правой рукой и Евангелием в лежащей на колене левой руке. О. И. Домбровский интерпретировал фигуры, стоящие по сторонам трона (две крайние), как входящие в композицию Деисуса. Между этими фигурами и Христом размещались шестикрылые херувимы, правый из них с лабаром, на котором по-гречески написано «свят, свят, свят». Вся конха имела темно-синий цвет. В центре тябла, над конхой – изображение Спаса Нерукотворного, справа от него сильно испорченное изображение трех святых воинов (по О. И. Домбровскому, средний, вероятно, Федор Тирон), правее их – большое изображение Благовещения, просматривалась фигура св. Марии с пряжей. Слева от св. Убруса – архистратиг Михаил в красном плаще и панцире с нагрудником и более крупная, но очень плохо сохранившаяся фигура архангела Гавриила, относящаяся к композиции Благовещения. В центре плафона – медальон с образом Знамения и поясное изображение Богоматери с поднятыми руками. По обе стороны Знамения изображены, вероятно, св. Константина и Елена. Над окном на южной стене – очень плохой сохранности изображение жен-мироносиц. Сейчас фрески практически уничтожены. Рядом со входом в храм – пролом в ризницу или келью. Четыре кельи расположены и в западной части грота. Очевидно, монастырь следует датировать первой половиной XV в. Возможно, он являлся семейной усыпальницей княжеской династии Феодоро.

4. Северный монастырь (рис. 9, 8) состоит из церкви и 6 сопутствующих помещений (рис. 18). Апсида храма конхиальная 1,70 x 1,70 x 2,0 м. В центре низкого (до 0,20 м) синтрона вырублено престольное углубление прямоугольной в плане формы. Наос храма близок к квадратной в плане форме (2,90 x 2,86 м). В полу у северной стены находятся две вырубленные гробницы с закругленными торцами. Над ними в северной стене устроена гробница в форме аркосолии. Над ней – пятистрочная греческая надпись, вероятно, 1224/1225 гг. [37]. В западной стене сохранилась часть арочного окна. Кроме церкви, в комплекс монастыря входило и шесть небольших скальных помещений – келий. В одной из пещер сохранились фрагменты надписи 1220/1221 г. [38]. Вероятнее всего, возникновение этого комплекса можно отнести к началу XIII в. А его расцвет приходится на эпоху княжества Феодоро.

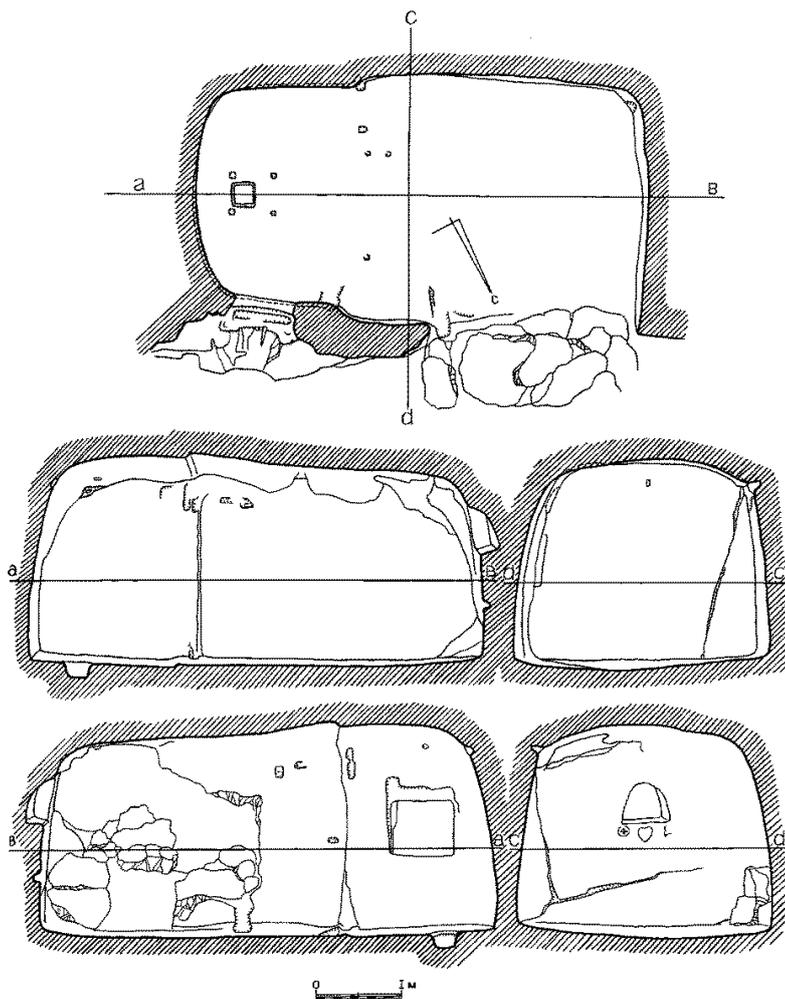

Рис. 19. Церковь на поляне Кильсе-тубю. План, разрезы

5. «Церковь на поляне Кильсе-Тубю» расположена на склоне балки Корув-дере (загражденный овраг) или Кильсе-дере (церковный овраг) в округе Мангупа (рис. 19). Храм вырублен в отдельно стоящем обломке скалы. Наос имеет прямоугольную в плане форму. В северной стене прорублено большое квадратное окно, а в западной – сильно разрушенный дверной проем со следами пазов для деревянной дверной коробки. Фреска в апсиде к настоящему времени сохранилась очень плохо. По свидетельству Н. И. Репникова, в 30-е гг. XX в. здесь был виден Деисус на синем фоне, с опушкой широкой киноварной каймой. В составе композиции были: Христос, сидящий на престоле, Богородица и Иоанн Предтеча, стоящие в полный рост. Исследователь по внешним признакам датировал роспись концом XIV или началом XV вв.

Список использованных источников и литературы

1. Герцен А. Г. Крепостной ансамбль Мангупа / А. Г. Герцен // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*. – Симферополь: Таврия, 1990. – Вып. I. – С. 87–174, 242–271.
- Gertsen A. G. *Krepostnoj ansambl' Mangupa* / A. G. Gertsen // *Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii*. – Simferopol': Tavriya, 1990. – Vyp. I. – S. 87–174, 242–271.
2. Герцен А. Г. Мангуп глазами исследователей и путешественников (XVI – начало XX в.) / А. Г. Герцен. // *Бахчисарайский историко-археологический сборник* / Ред.-сост. Ю. М. Могаричев. – Симферополь: Антиква, 2008. – С. 212–256.
- Gertsen A. G. *Mangup glazami issledovatelej i puteshestvennikov (XVI – nachalo XX v.)* / A. G. Gertsen. // *Bahchisarajskij istoriko-arheologicheskij sbornik* / Red.-sost. Yu. M. Mogarichev. – Simferopol': Antikva, 2008. – S. 212–256.
3. Могаричев Ю. М. Пещерные сооружения средневековых городищ Юго-Западного Крыма (вопросы классификации, хронологии, интерпретации) / Ю. М. Могаричев // *Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму* / Ред.-сост. Ю. М. Могаричев. – Симферополь: Таврия, 1992. – С. 5–132.
- Mogarichev Ju. M. *Peshhernye sooruzhenija srednevekovyh gorodishh Jugo-Zapadnogo Kryma (voprosy klassifikacii, hronologii, interpretacii)* / Ju. M. Mogarichev // *Problemy istorii «peshhernyh gorodov» v Krymu* / Red.-sost. Ju. M. Mogarichev. – Simferopol': Tavriya, 1992. – S. 5–132.
4. Могаричев Ю. М. «Пещерные города» в Крыму / Ю. М. Могаричев. – Симферополь: Сонат, 2005. – 192 с.
- Mogarichev Ju. M. *«Peshhernye goroda» v Krymu*. – Simferopol': Sonat, 2005. – 192 s.
5. Герцен А. Г. Херсон и его округа в конце X–XI вв. «Пещерные города» / А. Г. Герцен, Ю. М. Могаричев // *Русский исторический сборник*. – М.: Киммерийский центр, 2014. – Вып. 8: Средневековый Херсон X–XI вв. – С. 435–484.
- Gertsen A. G. *Herson i ego okruga v konce X–XI vv. «Peshchernye goroda»* / A. G. Gertsen, Yu. M. Mogarichev // *Russkij istoricheskij sbornik*. – M.: Kimmerijskij centr, 2014. – Vyp. 8: Srednevekovyj Herson X–XI vv.. – S. 435–484.
6. Байер Х.-Ф. История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро / Х.-Ф. Байер. – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2001. – 478 с.
- Bajer H.-F. *Istoriya krymskih gotov kak interpretaciya Skazaniya Matfeya o gorode Feodoro* / H.-F. Bajer. – Ekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo universiteta, 2001. – 478 s.
7. Герцен А. Г. Описание Мангупа-Феодоро в поэме иеромонаха Матфея / А. Г. Герцен // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*. – Симферополь, 2003. – Вып. X. – С. 562–589.
- Gertsen A. G. *Opisanie Mangupa-Feodoro v poehme ieromonaha Matfeya* / A. G. Gertsen // *Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii*. – Simferopol', 2003. – Vyp. X. – S. 562–589.
8. Эвлия Челеби. Книга Путешествия. Крым и сопредельные области. Пер. Е. В. Бахревского. – Симферополь: Доля, 2008. – 272 с.
- Ehвлиya Chelebi. *Kniga Puteshestviya. Krym i sopredel'nye oblasti*. Per. E. V. Bahrevskogo. – Simferopol': Dolya, 2008. – 272 s.
9. Паллас П. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 годах. – М.: Наука, 1999. – 246 с.
- Pallas P. S. *Nablyudeniya, sdelannye vo vremya puteshestviya po yuzhnyim namestnichestvam Russkogo gosudarstva v 1793–1794 godah*. – M.: Nauka, 1999. – 246 s.
10. Dubois de Montpereux. Voyage autour du Caucase, ches les Tcherkessus et les Abhkases, en Colchida en Georgie en Armenia et en Crimee. – Paris, 1843. – V. VI. – 461 p.
11. Дюбуа де Монпере Ф. Путешествие в Крым. Пер. Т. М. Фадеевой / Ф. Дюбуа де Монпере – Симферополь: Бизнес-Информ, 2009. – 328 с.
- Dyubua de Monpere Frederik. *Puteshestvie v Krym*. Per. T. M. Fadeevoy / F. Dyubua de Monpere – Simferopol': Biznes-Inform, 2009. – 328 s.
12. Тункина И. В. А. С. Уваров и древности Южной России (конец 1840-х – начало 1850-х гг.) // *Погибшие святыни. Охраняется государством. Четвертая Российская научно-практическая конференция*. – СПб., 1996. – С. 163–181.
- Tunkina I. V. A. S. *Uvarov i drevnosti Yuzhnoj Rossii (konec 1840–h – nachalo 1850–h gg.)* // *Pogibshie svyatyni. Ohranyaetsya gosudarstvom. Chetvertaya Rossijskaya nauchno-prakticheskaya konferenciya*. – SPb., 1996. – S. 163–181.

13. Дело Императорской археологической комиссии о древнем христианском храме открытом на горе Мангуп, близ города Бахчисарая Таврической губернии // Архив ИИМК РАН. – Ф. 1. – Д. 104.
Delo Imperatorskoj arheologičeskoj komissii o drevnem hristianskom hrame otkrytom na gore Mangup, bliz goroda Bahchisaraya Tavricheskoj gubernii // Arhiv IIMK RAN. – F. 1. – D. 104.
14. Правительственный вестник. – 1890. – № 90. – 26 апреля.
Pravitel'stvennyj vestnik. – 1890. – № 90. – 26 aprelya.
15. Лепер Р. Х. Археологические исследования в Мангупе в 1912 г. / Р. Х. Лепер // Известия Археологической комиссии. – 1913. – № 47. – С. 73–79.
Leper R. H. Arheologičeskie issledovaniya v Mangupe v 1912 g. / R. H. Leper // Izvestiya Arheologičeskoj komissii. – 1913. – № 47. – С. 73–79.
16. Лепер Р. Х. Сведения о раскопках на Мангупе в 1913 г. / Р. Х. Лепер // Известия Таврической ученой архивной комиссии. – Симферополь, 1914. – № 51. – С. 292–302.
Leper R. H. Svedeniya o raskopkah na Mangupe v 1913 g. / R. H. Leper // Izvestiya Tavricheskoj uchenoj arhivnoj komissii. – Simferopol', 1914. – № 51. – С. 292–302.
17. Латышев В. В. Эпиграфические новости из Южной России / В. В. Латышев // Известия Археологической комиссии. – 1918. – Вып. 65. – С. 9–21.
Latyshev V. V. Ehpigrafičeskie novosti iz Yuzhnoj Rossii / V. V. Latyshev // Izvestiya Arheologičeskoj komissii. – 1918. – Вып. 65. – С. 9–21.
18. Латышев В. В. Заметки к христианским надписям из Крыма / В. В. Латышев // Записки Одесского общества истории древностей. – Одесса, 1897. – Т. 20. – С. 149–162.
Latyshev V. V. Zametki k hristianskim nadpisyam iz Kryma / V. V. Latyshev // Zapiski Odesskogo obshchestva istorii drevnostej. – Odessa, 1897. – Т. 20. – С. 149–162.
19. Веймарн Е. В. Разведки оборонительных стен и некрополя / Е. В. Веймарн // Материалы и исследования по археологии СССР. – М.: Наука, 1953. – № 34. – С. 419–429.
Vejmarn E. V. Razvedki oboronitel'nyh sten i nekropolya / E. V. Vejmarn // Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR. – M.: Nauka, 1953. – № 34. – С. 419–429.
20. Репников Н. И. Материалы к археологической карте Юго-Западного нагорья Крыма / Н. И. Репников. – Архив ИИМК РАН. – Ф. 10. – Д. 10.
Repnikov N. I. Materialy k arheologičeskoj karte Yugo-Zapadnogo nagor'ya Kryma / N. I. Repnikov. – Arhiv IIMK RAN. – F. 10. – D. 10.
21. Веймарн Е. В. Археологические исследования столицы княжества Феодоро / Е. В. Веймарн, И. И. Лобода, И. С. Пиоро, М. Я. Чореф // Феодальная Таврика. – Киев: Наукова думка, 1974. – С. 123–139.
Vejmarn E. V. Arheologičeskie issledovaniya stolicy knyazhestva Feodoro / E. V. Vejmarn, I. I. Loboda, I. S. Pioro, M. Ya. Choref // Feodal'naya Tavrika. – Kiev: Naukova dumka, 1974. – С. 123–139.
22. Веймарн Е. В. Городище Мангуп / Е. В. Веймарн. Архив ГБУ РК «Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник». – Д. 15/19.
Vejmarn E. V. Gorodishche Mangup. / E. V. Vejmarn. Arhiv GBU RK Bahchisarajskogo istoriko-kul'turnogo i arheologičeskogo muzeja-zapovednika. – D. 15/19.
23. Отчет о работе Мангупского отряда Крымской экспедиции Института археологии АН УССР и Бахчисарайского историко-археологического музея. Архив ГБУ РК «Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник». – Д. 26/1; 26/ 2.
Otchet o rabote Mangupskogo otryada Krymskoj ehkspedicii Instituta arheologii AN USSR i Bahchisarajskogo istoriko-arheologičeskogo muzeja. Arhiv GBU RK Bahchisarajskogo istoriko-kul'turnogo i arheologičeskogo muzeja-zapovednika. – D. 26/1; 26/ 2.
24. Домбровский О. И. Фрески средневекового Крыма / О. И. Домбровский. – Киев: Наукова думка, 1966. – 110 с.
Dombrovskij O. I. Freski srednevekovogo Kryma / O. I. Dombrovskij. – Kiev: Naukova dumka, 1966. – 110 s.
25. Герцен А. Г. Пещерный комплекс цитадели Мангупа / А. Г. Герцен // Проблемы методики охраны и реставрации пещерных комплексов. Тез. докл. – Ереван, 1982. – С. 35–38.
Gertsen A. G. Peshchernyj kompleks citadeli Mangupa / A. G. Gertsen // Problemy metodiki ohrany i restavracii peshchernyh kompleksov. Tez. dokl. Erevan, 1982. – С. 35–38.

26. Герцен А. Г. Методика выделения раннесредневековых пещерных сооружений горного Крыма: на примере Мангупа / А. Г. Герцен, Ю. М. Могаричев // Советская археология. – 1991. – № 1. – С. 232–239.
- Gertsen A. G. Metodika vydeleniya rannesrednevekovykh peshchernykh sooruzhenij gornogo Kryma: na primere Mangupa / A. G. Gertsen, Yu. M. Mogarichev // Sovetskaya arheologiya. – 1991. – № 1. – S. 232–239.
27. Могаричев Ю. М. Проблемы хронологии раннесредневековой скальной архитектуры Горного Крыма / Ю. М. Могаричев // Die spatromische kaiserzeit und die fruhe Volkerwanderungszeit in Mittel – und Osteuropa. – Lodz. 2000. – S. 558–573.
- Mogarichev Yu. M. Problemy hronologii rannesrednevekovoj skal'noj arhitektury Gornogo Kryma / Yu. M. Mogarichev // Die spatromische kaiserzeit und die fruhe Volkerwanderungszeit in Mittel – und Osteuropa. – Lodz. 2000. – S. 558–573.
28. Герцен А. Г. Пещерные церкви Мангупа / А. Г. Герцен, Ю. М. Могаричев. – Симферополь: Таврия, 1996. – 128 с.
- Gertsen A. G. Peshchernye cerkvi Mangupa / A. G. Gertsen, Yu. M. Mogarichev – Simferopol': Tavriya, 1996. – 128 s.
29. Могаричев Ю. М. Пещерные церкви Таврики / Ю. М. Могаричев. – Симферополь: Таврия, 1997. – 384 с.
- Mogarichev Yu. M. Peshchernye cerkvi Tavriki / Yu. M. Mogarichev. – Simferopol': Tavriya, 1997. – 384 s.
30. Могаричев Ю. М. Скальные церкви Горного Юго-Западного Крыма / Ю. М. Могаричев // Наследство и культурен пейзаж. Известия регионален исторически музей Русе. – Русе, 2015. – Кн. XVIII. – С. 67–104.
- Mogarichev Yu. M. Skal'nye cerkvi Gornogo Yugo-Zapadnogo Kryma / Yu. M. Mogarichev // Nasledstvo i kulturen pejzazh. Izvestiya regionalen istoricheski muzej Ruse. – Ruse, 2015. – Kn. XVIII. – S. 67–104.
31. Герцен А. Г. Дозорный и культовый комплекс под оконечностью мыса Тешкли-бурун (Мангуп) / А. Г. Герцен, С. В. Карлов // Готы и Рим. – Киев, 2006. – С. 221–253.
- Gertsen A. G., Dozornyj i kul'tovyj kompleks pod okonechnost'yu mysa Teshkli-burun (Mangup) / A. G. Gertsen, S. V. Karlov // Goty i Rim. – Kiev, 2006. – S. 221–253.
32. Руев В. Л. Турецкое вторжение в Крым в 1475 году / В. Л. Руев. – Симферополь: Антиква, 2014. – 306 с.
- Ruev V. L. Tureckoe vtorzhenie v Krym v 1475 godu / V. L. Ruev. – Simferopol': Antikva, 2014. – 306 s.
33. Днепровский Н. В. Неизвестная пещерная церковь Мангупа (по материалам художника Д. М. Струкова) / Н. В. Днепровский // Спелеология и спелестология. Материалы IV международной научной заочной конференции. – Набережные Челны, 2013. – С. 215–224.
- Dneprovskij N. V. Neizvestnaya peshchernaya cerkov' Mangupa (po materialam hudozhnika D. M. Strukova) / N. V. Dneprovskij // Speleologiya i spelestologiya. Materialy IV mezhdunarodnoj nauchnoj zaochnoj konferencii. – Naberezhnye Chelny, 2013. – S. 215–224.
34. Днепровский Н. В. Утраченная пещерная церковь Мангупа / Н. В. Днепровский // Сугдейский сборник. – Вып. VI. – Киев: НЗ «София Киевская», 2016. – С. 232–244.
- Dneprovskij N. V. Utrachennaya peshchernaya cerkov' Mangupa / N. V. Dneprovskij // Sugdejskij sbornik. – Vyp. VI. – Kiev: NZ «Sofiya Kievskaya», 2016. – S. 232–244.
35. Герцен А. Г. К истории изучения пещерных церквей Мангупа: об идентификации «церкви Струкова» / А. Г. Герцен, Ю. М. Могаричев // История и археология Крыма. – Симферополь, 2016. – Вып. IV. – С. 158–175.
- Gertsen A. G. K istorii izucheniya peshchernykh cerkvej Mangupa: ob identifikacii «cerkvi Strukova» / A. G. Gertsen, Yu. M. Mogarichev // Istoriya i arheologiya Kryma. – Simferopol', 2016. – Vyp. IV. – S. 158–175.
36. Днепровский Н. В. К вопросу о назначении пещерного комплекса на XVII куртине Главной линии обороны Мангупа / Н. В. Днепровский // Спелеология и спелестология: матер. VI Междунар. научной конф. – Набережные Челны: НГПУ, 2015. – С. 186–196.
- Dneprovskij N. V. K voprosu o naznachanii peshchernogo kompleksa na XVII kurtine Glavnoj linii oborony Mangupa / N. V. Dneprovskij // Speleologiya i spelestologiya: mater. VI Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. – Naberezhnye Chelny: NGPU, 2015. – S. 186–196.

37. Виноградов А. Ю. Феодоро: Строительная надпись неизвестного, 1224–1225 гг. / А. Ю. Виноградов // Древние надписи Северного Причерноморья. Византийские надписи [Электронный ресурс]. URL: <http://iospe.kcl.ac.uk/5.174-ru.html> (дата обращения: 06.03.2017).

Vinogradov A. Yu. Feodoro: Stroitel'naya nadpis' neizvestnogo, 1224–1225 gg. / A. Yu. Vinogradov // Drevnie nadpisi Severnogo Prichernomor'ya. Vizantijskie nadpisi [Elektronnyj resurs]. URL: <http://iospe.kcl.ac.uk/5.174-ru.html> (data obrashcheniya: 06.03.2017).

38. Виноградов А. Ю. Феодоро. Надпись на стене пещеры, 1221–1222 гг. / А. Ю. Виноградов // Древние надписи Северного Причерноморья. Византийские надписи [Электронный ресурс]. URL: <http://iospe.kcl.ac.uk/5.196-ru.html> (дата обращения: 06.03.2017).

Vinogradov A. Yu. Feodoro. Nadpis' na stene peshchery, 1221–1222 gg. / A. Yu. Vinogradov // Drevnie nadpisi Severnogo Prichernomor'ya. Vizantijskie nadpisi [Elektronnyj resurs]. URL: <http://iospe.kcl.ac.uk/5.196-ru.html> (data obrashcheniya: 06.03.2017).

39. Виноградов А. Ю. Пещерные храмы Таврики: проблемы типологии и хронологии / А. Ю. Виноградов, Н. Е. Гайдук, М. С. Желтов // Российская археология. – 2005. – № 1. – С. 72–80.

Vinogradov A. Yu. Peshchernye hramy Tavriki: problemy tipologii i hronologii A. Yu. Vinogradov, N. E. Gajdukov, M. S. Zheltov // Rossijskaya arheologiya. – 2005. – №1. – S. 72–80.

40. Могаричев Ю. М. «Церква з баптистерієм» городища Тепе-кермен: проблеми датування та інтерпретації / Ю. М. Могаричев // Археологія. – Киев: Академперіодика, 2005. – №3. – С. 78–90.

Mogarychov Yu. M. «Cerkva z baptysteriyem» horodyshha Tepe-kermen: problemy datuvannya ta interpretaciyi / Yu. M. Moharychov // Arheolohiya. – Kiev: Akadempriodyka, 2005. – №3. – S. 78–90.

41. Мусин А. Е. Литургические особенности храма / А. Е. Мусин // Древности Семидворья I. Археологический альманах. – № 32. – Киев: Изд. дом «Антиквар», 2015. – С. 271–304.

Musin A. E. Liturgicheskie osobennosti hrama / A. E. Musin // Drevnosti Semidvor'ya I. Arheologicheskij al'manah. – № 32. – Kiev: Izd. dom «Antikvar», 2015. – S. 271–304.

Gertsen A. G. Mogarichev Y. M. The cave constructions of Mangup

In the article is presented survey of the cave constructions of the hillfort of Mangup. The authors distinguish the next groups of monuments: 1) Early medieval (Period A- second part of 6th – 7th cent.) The size of the premises varies from 3 to 11 m²; they has oval or rounded form; smooth transition from the floor to walls and from walls to ceiling; on the walls it is conserved vestiges of rock-cut, specified as T.1. They had defensive purposes and used for controlling of hoisting roads, easily assessable rifts, as observation points, gatehouses or shelter for guards by the wall. 2) Functionally, rooms of Period B had defensive or utility purposes. Period B caves size varies from 6 to 100 m². There are diversity of the form, but all of them hasn't pronounced corners in fact. Ceilings are two types: more rear camber arch and more prevalent flat. Most of the rooms of Period B were directly linked with town's defense system. On Mangup they date back to 14th – mid of 15th century. 3) Hallmark of Period C has rectangular form, pronounced corners, flat arch and plain wall. (T. 3). They date back of second part of 14th–18th cent. Their feature is location in complex. The authors likewise consider monasteries and churches complex of Mangup: monastery on the edge of Teshkli-Burun cape, Southeast monastery, South monastery, North monastery, Church on the meadow Kilse-Tybu.

Keywords: «Cave tow», Mangup, Cliff architecture, Church, Monaster

УДК 903.24

**ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ НЕКОТОРЫХ ДЕТАЛЕЙ БЕРЕСТЯНОЙ
КОНСТРУКЦИИ БОККИ НА ПРИМЕРЕ ЖЕНСКОГО ГОЛОВНОГО УБОРА
ИЗ КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА ТЕЛЕУТСКИЙ ВЗВОЗ-1
(ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ)**

Макласова Л. Э.

*Казанский федеральный университет,
г. Казань, Российская Федерация
E-mail: maklasova_juda@mail.ru*

Проанализирован монгольский женский головной убор XIII–XIV вв. из кургана № 9 могильника Телеутский Взвоз-1 с целью выявления правильности интерпретации некоторых деталей его берестяной конструкции. В разные времена головные уборы у различных народов, приспособленные к условиям бытования и местным традициям, отличались причудливостью и необычностью в своей практичности. В Монгольской империи замужние женщины носили бокку (или боктаг), по внешнему виду напоминающую птицу, – это важный отличительный признак статуса женщины. В исследовании приведена новая реконструкция данного головного убора. Представленная работа дает возможность по-новому взглянуть на монгольские головные уборы сложной конструкции.

Ключевые слова: головной убор, бокка, курганный могильник, исследователи, реконструкция.

Монгольская империя была огромна, включала в свою систему управления невероятное количество людей. И одним из самых ярких символов власти был костюм. Некоторые исследователи писали о нем как о значимом элементе социальной стратификации, причем отдельные элементы также играли важную роль, в частности боктаг¹. Головные уборы замужних женщин известны по изобразительным, письменным и археологическим источникам. И если с письменными все понятно: описание, которое дает автор, почти невозможно воплотить в реконструкцию (только материал изготовления, береста, прутики, шелк [8–10]), то оставшиеся источники более содержательны. Самыми информативными остаются археологические, но из-за плохой сохранности органики до нас в большинстве своем доходит сильно деформированное изделие (или не доходит вообще). И тут перед исследователями остро становится вопрос «Что это?»; как правильно заметил С. А. Пилипенко, «проблема интерпретаций ... сложна и актуальна» [2].

На сегодняшний день не так много исследователей, которые подробно изучают не только семантику, формы и материал, но и конструкцию. В данной работе проанализирована бокка из кургана № 9 могильника Телеутский Взвоз-1. Цель

¹ Доде З. В. в статье «К вопросу о боктаг», писала «... боктаг – элемент костюма представительниц монгольского нобилитета», тем самым говоря, что это не просто головной убор замужней дамы, там же: «Наличие боктаг в немонгольских погребальных комплексах должно рассматриваться как знак принадлежности к группе, связанной с управлением империей».

исследования заключается в выявлении правильной реконструкции головного убора. В качестве основного метода применялся экспериментально-практический, с помощью которого удалось увидеть, в чем заключалась ошибка в предыдущей интерпретации некоторых деталей берестяной конструкции. Также использовались эмпирические и теоретические методы: измерение, сравнение, изучение, анализ и т. д. С помощью этих методов, по мнению автора, получилось воссоздать наиболее правильную конструкцию боки.

История открытия и изучения памятника Телеутский Взвоз-I начинается в 1956 г. с раскопок А. П. Уманского. Впоследствии могильник исследовался на протяжении трех десятилетий, с 70 по 90 гг. XX в. Сам памятник состоит из 21 погребального сооружения и находится на высоком, разрушающемся мысу левого коренного берега реки Оби, недалеко от с. Елунино Павловского района Алтайского края. Летом 1996 г. археологической экспедицией под руководством Казакова А. А. на памятнике были исследованы сильно разрушенные объекты, из которых курганы 6–8 отнесены к монгольскому времени и датированы XIII–XIV вв. [4], позже, в 1997 г., курганы № 9 и 10 также отнесены к этому периоду. В результате раскопок курганов были найдены «...берестяной предмет, состоящий из трубки и раструба от навершия головного убора типа “бокка”», также «...берестяные нашивки различной формы и размеров, навершие головного убора типа “бокка”» из берестяной трубки и воронки», «...детали берестяной части навершия головного убора типа “бокка”» и берестяные элементы «...различной формы и размеров. Изделия имеют отверстия от пришивания» [4]. Нас интересуют находки из кургана № 9 – берестяные детали, трубка и воронка, интерпретированные как «боктаг», или «бокка».

О головном уборе из могильника Телеутский Взвоз-I в своей статье упоминала З. В. Доде [1]. Но основная работа по его изучению и интерпретации была проведена Пилипенко С. А. Бокка из кургана № 9 им была отнесена к первому типу и состояла из 2 частей, воронкообразного расширения и трубки, а остальные берестяные детали разных форм и размеров – это бокка второго типа сложной конструкции [3; 5]. Исследователем была произведена графическая реконструкция и реплика в натуральную величину каркасов головных уборов [2; 6; 7], где детально показано расположение всех частей. Самая простая бокка, первого типа, состояла из 2 деталей, имела дополнительно внутренний каркас из лозы, что делало конструкцию более крепкой. Вторая бокка состояла из 11 частей и имела сложную, поэтапную систему сборки и также имела внутренний каркас. Сверху они покрывались тканью и декорировались. Крепились такие головные убory с помощью лент под подбородком и на шее.

Однако проведенное нами исследование всех берестяных деталей бокки из кургана № 9 показало, что интерпретация недостаточно обоснована и можно говорить об одном головном уборе сложной конструкции, состоящем из 13 частей.

Поэтапность сборки бокки сложной конструкции нам представляется следующим образом.

К берестяной двухслойной трубочке (цилиндру, колонне) с обеих сторон крепились детали конструкции. Головной убор изнутри имеет «скелет» из лозы по швам скрепления деталей.

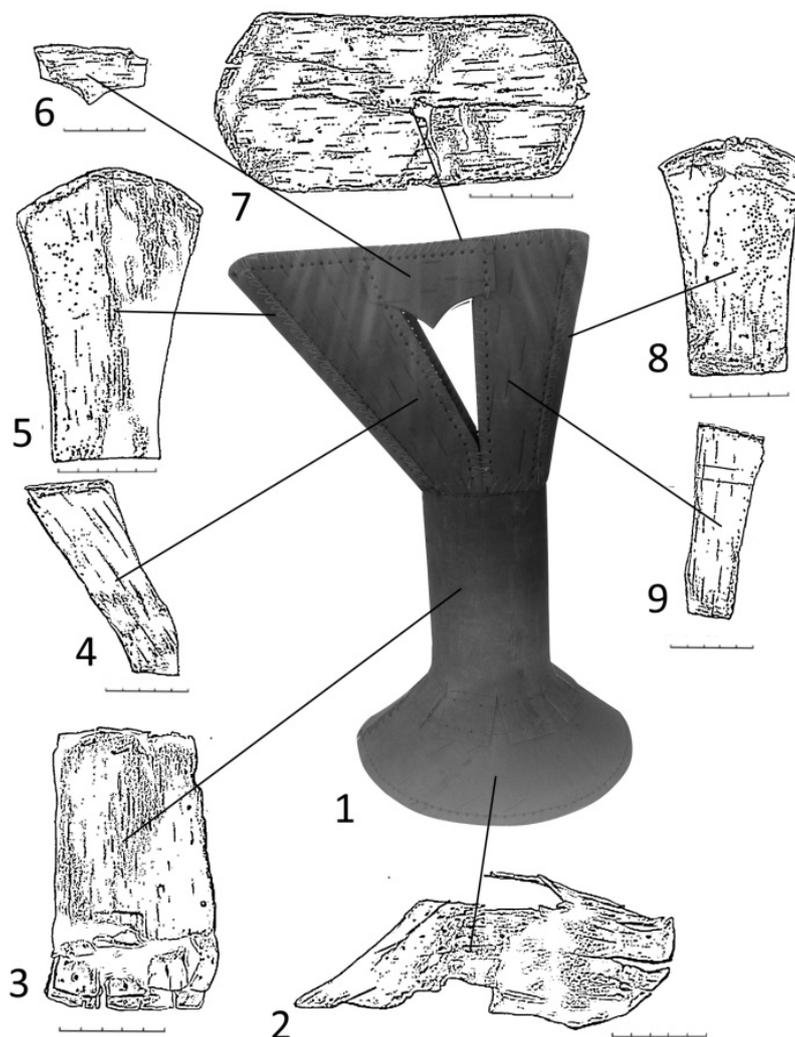

Рис. 1. Реконструкция берестяного каркаса боки из могильника Телеутский Взвоз-1 с подетальным расположением всех частей: 1 – реконструкция каркаса, 2 – воронкообразное расширение, 3 – трубочка (цилиндр, колонна), 4 – боковая передняя наклонная полоса (2 шт.), 5 – лицевая панель, 6 – пятиугольная фигурная пластинка (2 шт.), 7 – крышечка, 8 – тыльная панель, 9 – боковая задняя наклонная полоса (2 шт.).

Воронкообразное расширение (двухслойное), ошибочно принятое за верх головного убора первого типа, на самом деле является расширением у основания для

более плотного прилегания и фиксации на голове, что было подтверждено опытным путем, пришивается с низу.

«Верхняя часть навершия была многокомпонентная...» [2], состояла из 4 парных деталей и крышечки. Лицевая (с высокой дугой верхнего среза) и тыльная панели скреплялись с боковыми наклонными полосами и крепились на трубочке, к этой конструкции сверху прикреплялись пятиугольные пластинки, служившие дополнительной фиксацией боковых панелей и крышечки, и декоративным мотивом, затем конструкция соединялась с крышечкой.

Хочется отметить, что основной механизм закрепления бокки на голове осуществлялся только с помощью лент, мягкая шапочка (колпак) практически не играла никакой роли в плотной фиксации головного убора, а в отверстие трубочки в нижней части женщины продевали волосы, закрепляя их сверху узлом, наподобие конского хвоста [2; 4]. Все берестяные части после тщательного нашего изучения и анализа встали на свои места в данной боке, и нами была произведена реконструкция объекта исследования (рис. 1). С практической точки зрения этот убор удобен в носке, т. к. к трубочке снизу прикреплена дополнительная деталь, увеличивающая площадь соприкосновения бокки с головой. Это, в свою очередь, влияет на ощущения при носке и правильность посадки, а это немаловажно: если плотно не зафиксировать бокку, она будет съезжать или болтаться и при своем весе доставит массу неприятных ощущений.

Проводя параллели, предложенные в работах С. А. Пилипенко [3; 11; 12], между схожими головными уборами из могильников Ближние Елбаны – VI, Басандайк и Телеутский Взвоз-I, которые исследователь отнес к первому типу, назвав «томско-алтайской разновидностью» [6], можно сделать предположение что бокки, действительно относятся к одному типу. Но проведенный автором анализ и реконструкция бокки из могильника Телеутский Взвоз-I показала, что конусовидное расширение является основанием бокки сложной конструкции, а не навершием, что ставит под сомнение правильность интерпретации конструкции головных уборов из могильников Ближние Елбаны–VI и Басандайк, и требуют пересмотра теории о конусовидном навершии и существовании отдельного типа бокк «томско-алтайской разновидности».

Подводя итоги можно сделать следующие выводы. Изучив историю исследования одного из типов головного убора, который был найден в кургане №9 могильника Телеутский Взвоз-I, была выявлена ошибочность интерпретации некоторых деталей, приведшая к разделению его на две разные боки (первый и второй тип). Анализ фотографий и реконструкция показали правильность теории, что это бокка сложной конструкции с воронкообразным основанием.

Список использованных источников и литературы

1. Доде З. В. К вопросу о боктаг // Российская археология. 2008. № 4. С. 52–63.
Dode Z. V. K voprosu o boktag // Rossijskaya arheologiya. 2008. № 4. S. 52–63.
2. Пилипенко С. А. Бокка сложной конструкции из курганного могильника Телеутский Взвоз- I в Степном Алтае (технологичный аспект) // Известия Алтайского государственного университета. 2013. № 4/2. С. 84–87.
Pilipenko S. A. Bokka slozhnoj konstrukcii iz kurgannogo mogil'nika Teleutskij Vzvoz-I v Stepnom Altae (tekhnologichnyj aspekt) // Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta. 2013. №4/2. S. 84–87.

3. Пилипенко С. А. Монгольский головной убор из могильника Басандайка // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Барнаул. 2003. С. 156–162.
Pilipenko S. A. Mongol'skij golovnoj ubor iz mogil'nika Basandajka // Istoricheskij opyt hozyajstvennogo i kul'turnogo osvoeniya Zapadnoj Sibiri. Barnaul. 2003. S. 156–162.
4. Тишкин А. А., Горбунов В. В., Казаков А. А. Курганный могильник Телеутский Взвоз-I и культура населения Лесостепного Алтая в монгольское время. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. С. 276.
Tishkin A. A., Gorbunov V. V., Kazakov A. A. Kurgannyj mogil'nik Teleutskij Vzvoz-I i kul'tura naseleniya Lesostepnogo Altaya v mongol'skoe vremya. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2002. S. 276.
5. Тишкин А. А., Пилипенко С. А. Берестяные детали женских головных уборов в курганах монгольского времени памятника Телеутский Взвоз-1 (Верхнее Приобье): восточные и западные аналоги // Тезисы XVII Международной Западносибирской археолого-этнографической конференции «Восток и Запад: проблемы синхронизации этнокультурных взаимодействий», посвященной 110-летию В. Н. Чернецова, 110-летию Г. Ф. Дебеца, 115-летию А. П. Дульзона (20–22 апреля 2016 г., Томск, Россия) [Электронный ресурс]. URL: http://zsaek.tsu.ru/sites/default/files/webform/Tishkin_Pilipenko.pdf.
6. Тишкин А. А., Пилипенко С. А. Берестяные детали женских головных уборов в курганах монгольского времени памятника Телеутский Взвоз-1 (Верхнее Приобье): восточные и западные аналоги // Тезисы XVII Международной Западносибирской археолого-этнографической конференции «Восток и Запад: проблемы синхронизации этнокультурных взаимодействий», посвященной 110-летию В. Н. Чернецова, 110-летию Г. Ф. Дебеца, 115-летию А. П. Дульзона (20–22 апреля 2016 г., Томск, Россия) [Электронный ресурс]. URL: http://zsaek.tsu.ru/sites/default/files/webform/Tishkin_Pilipenko.pdf.
7. Тишкин А. А., Пилипенко С. А. О возможности реконструкции женских головных уборов монгольского времени (по материалам берестяных находок на памятнике Телеутский Взвоз- I в Верхнем Приобье) // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 5 (43). С. 20–24.
Tishkin A. A., Pilipenko S. A. O vozmozhnosti rekonstrukcii zhenskih golovnyh uborov mongol'skogo vremeni (po materialam berestyanyh nahodok na pamyatnike Teleutskij Vzvoz-I v Verhnem Priob'e) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. 2016. № 5 (43). S. 20–24.
8. Тишкин А. А., Пилипенко С. А. Опыт реконструкции женских головных уборов монгольского времени // V Конгресс этнографов и антропологов России : тез. докл. М. : УОП Ин-та этнологии и антропологии РАН, 2003. С. 233.
Tishkin A. A., Pilipenko S. A. Opyt rekonstrukcii zhenskih golovnyh uborov mongol'skogo vremeni // V Kongress etnografov i antropologov Rossii : tez. dokl. M. : UOP In-ta ehtnologii i antropologii RAN, 2003. S. 233.
9. Пен Да-я, Сюй Тин «Краткие сведения о черных татарах» / Публ. И коммент. Линь Кюн-и и Н. Ц. Мункуева // Проблемы востоковедения. М., 1960. № 5. С. 133–158.
Pen Da-ya, Syuj Tin «Kratkie svedeniya o chernyh tatarah» / Publ. I komment. Lin' Kyun-i i N. C. Munkueva // Problemy vostokovedeniya. № 5. M., 1960. S. 133–158.
10. Си Ю Цзи, или Описание путешествия даосского монаха Чан Чуня на Запад // Пустыня Тартарии // Арабески истории: альманах. М., 1995. Вып. 2. С. 280–378.
Si YU Czi ili opisaniye puteshestviya daossskogo monaha CHan CHunya na Zapad // Pustynya Tartarii // Arabeski istorii: al'manah. – M., 1995. – Vyp. 2. S. 280–378.
11. Плано Карпини, Дж. Дель. История монголов // История монголов. 3-е изд. Путешествие в Восточные страны / Г. де Рубрук. Книга Марко Поло. 4-е изд. / Вступ. ст., коммент. М. Б. Горнунга. М., 1997. С. 460.
Plano Karpini, Dzh. Del'. Istoriya mongolov // Istoriya mongolov. – 3-e izd. Puteshestvie v Vostochnye strany / G. de Rubruk. – Kniga Marko Polo. – 4-e izd. / Vstup. st., komment. M. B. Gornunga. – M., 1997. S. 460.
12. Тишкин А. А. Алтай в монгольское время (по материалам археологических памятников). Барнаул, 2009. С. 208.
Tishkin A. A. Altaj v mongol'skoe vremya (po materialam arheologicheskikh pamyatnikov). Barnaul, 2009. S. 208.
13. Грязнов М. П. Археологические исследования территории одного древнего поселка (раскопки Северо-алтайской экспедиции в 1949 г.) // КСИИМК. М., 1951. Вып. XL. С. 105–113.

Gryaznov M. P. Arheologicheskie issledovaniya territorii odnogo drevnego poselka (raskopki Severo-altajskoj ehkspedicii v 1949 g.) // KSIIMK. M., 1951. Vyp. XL. S. 105–113.

Maklasova L. E. The interpretation issue of bokka some birch bark details construction by the example of the women mongol headdress, taken from the Teleutsky vzvoz №1 burial mound place (the reconstruction experience).

Here a women Mongol headdress of the 13–14 centuries was analysed. It was taken from the Teleutsky Vzvoz №1 burial mound place № 9, in order to identify the right interpretation of it's several birch bark details construction. In different periods the headdresses of the various nations were full of the quiriness and originality. In usability they were adapted to the local traditions and everyday life. For the Mongol Imperia, the married women used to wear a bokka (or a boktag), in appearance resembling a bird: the very important mark of a person standing. In the given research the history of the burial place exploration and examination was discussed briefly, and the new reconstruction type of the given headdress was presented. The work on the bokka's assembly steps definition was carried out. The fallibility of the bokka's details interpretation was substantiated theoretically and practically, as well as the given headdress dividing for two types. The experimental and practical method let to create the bokka's full size reconstruction with all dimensions keeping. This fact gives the opportunity to watch the investigated object in real. The special attention was given to the practical peculiarities of the given headdress, as the presented bokka's type did not take place in any investigations before. The presented work gives us an opportunity to look at the complicated Mongol headdresses in the new way.

Keywords: headdress, bokka, burial mound, investigators, reconstruction.

УДК: 069.01(47)

**К ИСТОРИИ МУЗЕЙНОГО ДЕЛА Г. ЯЛТЫ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.:
МУЗЕЙ ПРИ ЯЛТИНСКОМ ОТДЕЛЕНИИ КРЫМСКОГО ГОРНОГО КЛУБА
И ЯЛТИНСКИЙ ЕСТЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ:
ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИОГРАФИЯ**

Пахомова Н. А.

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: natka.sosnina@gmail.com*

Представлен обзор источников и историографии, отражающих историю создания музея при Ялтинском отделении Крымского (Крымско-Кавказского) горного клуба и его последующего преобразования в Государственный естественно-исторический музей. Объект исследования – ранняя история музейного дела г. Ялты. Предмет – музей при Ялтинском отделении Крымского (Крымско-Кавказского) горного клуба (1892–1919) и Ялтинский естественно-исторический музей (1919–1924). Данная работа имеет характер обзорного историографического исследования. Автором проведен анализ архивных документов из Государственного архива Республики Крым, Государственного архива Российской Федерации и Отдела письменных источников Государственного исторического музея, а также материалов печатных изданий конца XIX – начала XX века. Выявленные источники позволяют более подробно рассмотреть историю музея при Ялтинском отделении Крымского (Крымско-Кавказского) горного клуба и Ялтинского естественно-исторического музея. Вводятся в научный оборот ранее неизвестные документы, которые в подробностях освещают некоторые вопросы по истории музея г. Ялты в сложное для государства время – Первой мировой войны, революции и Гражданской войны, а также проясняют ситуацию, связанную с переездом музея из помещений бывшего пансиона мужской гимназии в новое здание по ул. Гоголевская (Гоголя), 10. На базе всего комплекса перечисленных и проанализированных в статье материалов, включающих в себя опубликованные и неопубликованные источники, а также работы современных исследователей, мы имеем возможность составить наиболее полную и подробную летопись истории первых музеев г. Ялты.

Ключевые слова: Крымский горный клуб, Крымско-Кавказский горный клуб, Ялтинское отделение, музейное дело, Ялтинский естественно-исторический музей, историография.

Ранняя история музейного дела г. Ялты представлена организацией и развитием двух музейных учреждений, существовавших попеременно: музея при Ялтинском отделении Крымского (Крымско-Кавказского) горного клуба (1892–1919) и Ялтинского естественно-исторического музея (1919–1924).

Возникновение музейного дела г. Ялты тесно связано с деятельностью Ялтинского отделения Крымского горного клуба и небольшого музея при нем. Основу Ялтинского отделения Крымского горного клуба составили общественные деятели небольшого кружка любителей природы Крыма, который действовал на общественных началах еще с 80-х годов XX века [1, с. 239]. В 1892 году члены краеведческого кружка решили поставить свою исследовательскую деятельность на официальную основу. В это время уже существовало центральное отделение Горного Клуба в Одессе, однако, учитывая особенности ландшафта Одесской области, участники клуба стали открывать различные отделения поближе к горным массивам.

Так ялтинский кружок интеллигенции получил официальный статус, было избрано правление, разработан устав. Вскоре после создания Ялтинского отделения возникает необходимость выделить помещение для хранения собранного во время экспедиций и экскурсий материала, а также пожертвованных меценатами первых коллекций. 8 октября (по новому стилю) 1892 года возник первый музей города.

Истории Крымского горного клуба посвящено немало исследований, чему способствовала его исключительность в рамках истории туристических организаций Российской империи. Поэтому в данном историографическом обзоре автор не будет подробно останавливаться на этой теме. Отдельным направлением в исследовательской работе также является вопрос политики государства по отношению к культурным, научным и прочим учреждениям и охране памятников и древностей на местах (в частности в г. Ялте). Таким образом, целью данной статьи является очертить круг источников, выявленных в ходе архивных изысканий, а также произвести историографический обзор литературы по истории музея при Крымском (Крымско-Кавказском) горном клубе и Ялтинского естественно-исторического музея.

1. ИСТОЧНИКИ

Основной массив источников по формированию и деятельности первого Ялтинского музея сосредоточен в таких учреждениях как Государственный архив Республики Крым, Государственный архив Российской Федерации, отдел письменных источников Государственного исторического музея, а также муниципальное казенное учреждение культуры «Ялтинский историко-литературный музей». Данные материалы можно систематизировать следующим образом: 1. Отчеты и заметки, опубликованные в Записках Крымского (Крымско-Кавказского) горного клуба и других периодических изданиях. 2. Неопубликованные документы, относящиеся к деятельности музея: а) протоколы заседаний; б) планы и отчеты; в) договоры с нанятыми работниками; г) объяснительные записки вышестоящим контролирующим органам; е) внешняя переписка. 3. Доклады и отчеты КрымОХРИСа, касающиеся музеев г. Ялты.

К наиболее ранним печатным работам, посвященным деятельности музея при Ялтинском отделении Крымского (Крымско-Кавказского) горного клуба, необходимо отнести статью доктора Ф. Д. Вебера «История развития и деятельность Ялтинского отделения крымского горного клуба», где мы находим краткую историческую справку о создании Ялтинского отделения, сведения о целях и задачах, об экскурсионной и исследовательской деятельности [2, с. 47–63]. Здесь же встречаем упоминание про первые выездные выставки, организованные сотрудниками горного клуба, в частности информацию о выставке 1893 г. в Санкт-Петербурге. Выставка была организована по поручению Ялтинской городской управы, вследствие которой Ялтинский отдел, по словам автора, привлек внимание Императорского Величества, по желанию которого В. Н. Дмитриев перенес некоторые наиболее интересные экспонаты в Ливадию для их демонстрации всей «августейшей семье» [2, с. 53].

Одним из самых доступных и упорядоченных источников, отражающих историю первого музея, являются «Записки Крымского горного клуба» (с 1905 г. – «Записки

Крымско-Кавказского горного Клуба»). С 1894 года они начинают издаваться в Одессе по одному выпуску в квартал. Журналы наполнены разнообразными статьями, посвященными развитию альпинизма, туризма, курортного дела в Крыму и на Кавказе, содержат материалы по геологии, географии, флоре, фауне, этнологии и истории региона. Помимо сочинений исследовательского характера, значительное место в «Записках...» занимают отчетность и различные сведения, освещающие деятельность музея при Ялтинском отделении Крымского горного клуба, отчеты о проведенных экскурсиях, сметы на расходы и прочее.

Из всего массива информации, представленной в «Записках...», перечислим опубликованные документы, имеющие для данного исследования особенно важное значение:

– отчет «О деятельности Ялтинского отделения за 1892 г.», «Отчет по музею Ялтинского Отделения к первому января 1893 г.» и «Протокол 2-го общего собрания Ялтинского отделения Крымского горного клуба от 14 мая 1893 г.» опубликованы в 1894 г. в выпуске №4 [3];

– «Отчет о состоянии музея Ялтинского отделения Крымско-Кавказского горного клуба в 1908 г.» и (1909 г., выпуск № 2) [4];

– «Отчет о деятельности Ялтинского отделения Крымско-Кавказского горного клуба за 1909 г.» (1910 г., выпуск № 2) [5].

Для периода с 1918 по 1922 гг. среди источников по истории естественно-исторического музея в Ялте следует назвать «Записки Ялтинского естественно-исторического музея». В выпуске № 1 за 1922 г. опубликованы «Краткий отчет с 1918 г. по 1 января 1922 г.» и «Научная деятельность Ялтинского естественно-исторического музея за 1918–1921 гг.» [6].

Материалы «Записок...» представляют собой большую ценность для темы исследования, так как отражают наиболее ранний период существования музея. Информация по посещаемости, комплектованию фондов, планированию новых проектов, сведения о закупках и тратах, экскурсионная практика позволят проанализировать деятельность музея как основного культурного учреждения г. Ялты конца XIX – начала XX века.

Следующая группа источников хранится в Государственном архиве Республики Крым в фонде № 661 (опись 1):

– Дело № 10 за 1915 г. – «Протоколы заседаний секции по заведыванию музеем Ялтинского горного клуба» – включает интересные документы, в которых встречаем информацию о желании создать естественно-исторический музей в Ялте. В протоколе заседания секции по заведованию музеем от 12 июля 1916 г. были выделены вопросы, играющие значительную роль в организации музея. К примеру, было выдвинуто предложение об объединении различных организаций и обществ: «Земства, Городского самоуправления, Крымско-Кавказского горного клуба, Никитского ботанического сада, Лесного ведомства, Комитета виноградарства и виноделия, Общества сельского хозяйства и виноделия, местного медицинского отдела, Симеизского отделения Пулковской обсерватории, Отдела лиги борьбы с туберкулезом, местных учебных заведений и других общественных организаций». Также в процессе заседания обсуждались структура и задачи будущего музея: «1) музей, имея в основе научный

характер, должен обслуживать интересы местных жителей и многочисленной приездной публики, а потому должен быть научно-популярным; 2) главное внимание музея должно быть направлено на собирание, хранение, изучение объектов местной крымской природы, но для более широкого освещения крымских объектов желательно постепенное развитие и общего отдела; 3) в музее предполагаются следующие отделы: геология, ботаника, зоология, астрономия, этнография, археология, анатомия, география, сельское хозяйство, метеорология, промышленность, земское и городское хозяйство, санитария, учебно-педагогический отдел, отдел лиги борьбы с туберкулезом, охраны природы и проч.» [7];

– Дело № 8 за 1911–1917 гг. – «Договоры с частными лицами и сведения о имуществе Ялтинского отделения Крымского горного клуба». Интересен документ «Отчет о деятельности правления Я. О. К. К. Г. клуба за 1917 г.», в котором описывается тяжелое финансовое положение Ялтинского отделения и музея при нем в 1917 г., упоминается сокращение количества читаемых лекций и проводимых экскурсий, хотя, несмотря на революционные события, просветительская деятельность продолжалась, лекции читались в лазаретах для выздоравливающих офицеров и солдат. Также в данный период была создана социально-экономическая секция, работу по организации которой взял на себя Е. Э. Лейтнекер [8];

– Дело № 12 за 1916–1924 гг. – «Протоколы заседаний библиотечной комиссии, общих собраний членов, отчеты о деятельности и сведения по личному составу Ялтинского отделения Крымского горного клуба и отрывки из очерков» – включает в себя комплекс важных для темы исследования документов, таких как: рукописный отчет за 1916 г., «Краткий отчет о работах музея Ялтинского отделения Крымско-Кавказского горного клуба в продолжении лета 1918 года», «Протокол собрания хозяйственной комиссии Ялтинской мужской гимназии от 5-го мая 1919 г.», где в процессе заседания под председательством управляющего гимназии В. К. Тарановича, обсуждаются условия и сроки сдачи помещений пансиона для нужд музея, и «Протокол экстренного собрания членов Ялтинского отделения Крымско-Кавказского горного клуба 10 ноября 1919 г.», который отражает бедственное положение музея в связи с конфликтной ситуацией с администрацией Ялтинской мужской гимназии из-за предоставления помещений пансиона музею. Этому вопросу также посвящены ходатайства в различные вышестоящие инстанции [9];

– Дело №13 за 1916 г. – «Протоколы заседаний этнографической секции» – представляет отчетные документы и, как видно из названия, – протоколы заседаний, документы, определяющие основные проблемы этнографического отдела, цели, задачи и направления деятельности [10].

В данный комплекс источников из Государственного архива Республики Крым также входит переписка профессора Таврического университета В. А. Обручева, избранного куратором Ялтинского естественно-исторического музея. Физико-математический факультет Таврического университета на собрании 12 ноября 1919 г. вынес решение принять музей в свое ведение, учитывая его катастрофическое положение в условиях Гражданской войны [11, л. 59].

В докладной записке от 2 мая 1920 г., поданной на имя правителя Юга России П. Н. Врангеля, профессор В. А. Обручев и академик В. И. Вернадский, указывая на безвыходное положение музея в связи с выселением его администрацией мужской гимназии, отмечали: «...В эпоху развала и разрушения России охрана всех уцелевших еще культурных очагов является особо важной задачей власти; уничтожение Ялтинского музея нанесет большой ущерб росту русской культуры в Крыму и просветительной работы в Ялте. Ввиду важности дела просим Вас обратить на него свое просвещенное внимание и сделать распоряжение о возврате музею отнятых у него помещений, а также об оказании ему необходимой материальной поддержки» [12, л. 8].

Все вышеперечисленные источники позволят более подробно изучить деятельность музея в сложное для государства время – Первой мировой войны, революции и Гражданской войны. Несмотря на тяжелое положение, сложную финансовую ситуацию, благодаря самоотверженности сотрудников культурное учреждение продолжало функционировать, переосмыслив свою основную направленность. Перераспределив свои силы, больше внимания сотрудники уделяли внутримузеейной работе по изучению и каталогизации уже существующих коллекций, чем экскурсионной деятельности и просвещению.

В Государственном архиве Российской Федерации хранится собрание документов, связанных с работой КрымОХРИСа и подчиненных ему учреждений [13]. Данные источники можно разделить на следующие комплексы: письма и докладные записки в Ялтинский районный исполнительный комитет от представителей КрымОХРИСа; письма и докладные записки заведующему Ялтинским естественно-историческим музеем тов. Решеткину из Ялтинского районного исполнительного комитета; отчеты естественно-исторического музея в Ялтинский райисполком; акты и заключения комиссии по осмотру здания по ул. Гоголевской (Гоголя), 10. Выявленные документы качественно дополняют предыдущий комплекс из Крымского республиканского архива – затрагивают период преобразований в первые годы советской власти в Крыму, раскрывают вопросы истории раннего музейного дела г. Ялты.

В отделе письменных источников Государственного исторического музея были обнаружены также:

– Отчет Ялтинского государственного естественно-исторического музея с 1 октября 1922 по 1 октября 1923. В документе приведены основные сведения организации, такие как: название, адрес, структура, краткая историческая справка о создании музея, важнейшие события за отчетный период и, собственно, отчет о деятельности [14, л. 59–61 об.];

– Сведения о владении Ялтинского государственного естественно-исторического музея (подробная информация о здании на ул. Гоголя, в которое переехал музей) [14, л. 63, 64];

– Отчеты Ялтинского ОХРИСа по музеям за 1922, 1923, 1924 гг., в которых часто указаны количественные данные по посещаемости музеев, подведомственных Ялтинскому ОХРИСу [15];

– «Резолюция по III музейной конференции в Крыму», где под 9 пунктом встречается информация о переименовании Ялтинского естественно-исторического музея в Музей краеведения [15, л. 120 об.].

Все вышеперечисленные комплексы документов из ГАРФ и ОПИ ГИМ позволяют более подробно рассмотреть историю Ялтинского естественно-исторического музея, а также прояснить ситуацию, связанную с переездом музея из помещений бывшего пансионата мужской гимназии в новое здание по ул. Гоголевская (Гоголя), 10. Вопросы переезда музея затрагиваются в современных публикациях довольно скудно. О процессе перемещения коллекций в 1923 году исследователи ограничиваются только упоминанием о том, что «директор мужской гимназии стал выживать музей из пансиона», не вдаваясь в дальнейшую проработку вопроса. Однако выявленные документы позволяют нам более подробно остановиться на данном вопросе. Так, например, в Государственном архиве Российской Федерации хранится «Копия акта осмотра помещения, предложенного для естественно-исторического музея (бывшее здание милиции), за 23 ноября 1923 г.», в которой приводятся сведения о том, что комиссия по приему нового помещения для музея в составе «уполномоченного товарища Коренева, уполномоченного товарища Тихого, заведующего естественно-историческим музеем товарища Висниовской, сотрудника Соколовой» совершила предварительный осмотр помещения и установила, что указанное здание по ул. Гоголя находилось в ужасном состоянии: «все двери, как наружные, так и внутренние, без запоров и открыты настежь, отсутствуют многие стекла, в нескольких случаях и в зимних, и в летних рамах отсутствует электрическое освящение (счетчики, патроны), выключатели, штепселя, печные плиты, водопроводные краны, каковые принадлежности и части были ранее; по мнению членов комиссии, нет стекол в иных рамах, где они ранее были...» [13, л. 376]. Основываясь на вышеизложенном, комиссия постановила отложить переезд музея до тех пор, пока ялтинский исполком не выделит обещанные средства и не закончит ремонт. Представитель ялтинского исполкома товарищ Лебединский 1 декабря 1923 г. сообщил об окончании ремонта помещения и потребовал перебросить музей в двухдневный срок. Однако процесс затянулся на неопределенное время. Согласно сохранившимся документам, ремонт нового помещения так и не был качественно завершен. Под давлением исполкома сотрудники начали перевозить коллекции естественно-исторического музея со второй половины декабря, однако сам процесс переезда проходил в не менее ужасающих условиях, учитывая нехватку рабочих рук и транспорта. В связи с данными событиями музей начал работать в своем обычном режиме только с 17 апреля 1924 г. [14, л. 64].

В 1928 г. в журнале «Крым: общественно-научный и экскурсионный журнал» была опубликована работа Г. Я. Россилевича – заведующего Ялтинским краеведческим музеем. В статье «Ялтинский музей краеведения» приводится описание отделов, экспозиции и коллекций Ялтинского музея уже после переезда музея с коллекциями на ул. Гоголя, 10 [16, с. 106].

2. ИСТОРИОГРАФИЯ

Переходя к обзору историографии, мы постараемся сделать основной акцент на публикациях, отражающих именно историю музея г. Ялты, и лишь вкратце коснемся работ, посвященных знаменитым в научных кругах общественным деятелям, сделавшим значительный вклад в формирование музея: А. Л. Бертье-Делагарда, В. Н. Дмитриева и других.

Из известных современных работ следует выделить биобиблиографическое исследование доктора исторических наук А. А. Непомнящего «Музейное дело в Крыму и его старатели (XIX – начало XX в.)», изданное в Симферополе в 2000 г. Музею Ялтинского отделения Крымского (Крымско-Кавказского) горного клуба посвящено несколько страниц, где дается информация об организаторах и организации Крымского горного клуба, его целях и задачах согласно уставу. На основании архивных документов и «Записок Крымского горного клуба» приводятся сведения о первоначальном положении музея, комплектовании фондов и создании этнографической и музейной секции [1, с. 239–249]. Значительное внимание уделяется биографии и деятельности Владимира Николаевича Дмитриева (1839–1904) – известного врача, заложившего основы климатотерапии при лечении болезней органов дыхания, председателя Ялтинского отделения Крымского горного клуба. В своей работе исследователь выделяет образование к 1914 г. в музее Ялтинского отделения Крымско-Кавказского горного клуба следующих отделов: альпинизма, ботаники, зоологии, метеорологии и петрографии, художественно-картографического и этнографического [1, с. 244].

Активное участие в развитии музея при Ялтинском отделении Крымского (Крымско-Кавказского) горного клуба принимал Александр Львович Бертье-Делагард – военный инженер, археолог, историк, общественный деятель, один из основателей Ялтинского отделения Крымского горного клуба. Этому человеку посвящена статья известного исследователя-краеведа А. И. Маркевича «К судьбам коллекций древностей и старины А. Л. Бертье-Делагарда» [17]. Также вопросу его биографии и деятельности отводится множество страниц в различных монографиях уже упомянутого выше профессора А. А. Непомнящего: «Очерки развития исторического краеведения Крыма в XIX – начале XX века» [18], «Подвижники крымоведения» [19] и «Арсений Маркевич: страницы истории Крымского краеведения» [20]. В работе «Очерки развития исторического краеведения Крыма в XIX – начале XX века» также имеются упоминания о Ялтинском музее в контексте развития крымского краеведения и организации Крымского горного клуба [18, с. 189–199].

В статье заместителя директора по научной работе Ялтинского историко-литературного музея Л. В. Петренко «О создании естественно-исторического музея в Ялте, 1917–1920 гг.» на основе материалов газет «Ялтинский голос», «Ялтинская Коммуна» и документов из Государственного архива Республики Крым приводятся основные сведения по вопросу реорганизации музея при Ялтинском отделении Крымского (Крымско-Кавказского) горного клуба и рассматриваются основные исторические этапы существования естественно-исторического музея [21]. Автор упоминает наиболее значимых меценатов, благодаря которым в фонды музея

поступали богатые коллекции. Частично тема комплектования также затронута в статье «Этнографическая коллекция Ялтинского историко-литературного музея: комплектование, изучение, региональные особенности». Л. В. Петренко подробно рассматривает структуру этнографической коллекции музея и приводит некоторые сведения по истории комплектования начиная с момента создания музея при Ялтинском отделении Крымского горного клуба [22, с. 103]. Там же встречается упоминание про выставку 1893 года и «живой этнографический отдел», «крымскую татарскую хату с татарами и татарками в национальных костюмах с полной обстановкою и предметами кустарного производства крымских татар» [22, с. 103].

Следующим по значимости в изучении истории Ялтинского музея является популярное издание авторства коллектива сотрудников Ялтинского историко-литературного музея – «Ялта», где в разделе «Культура» особое внимание уделяется истории и деятельности историко-литературного музея и его предшествующим учреждениям. Определены все важные этапы и преобразования музея, процесс комплектования музейных фондов, названы имена руководителей и наиболее видных меценатов, играющих значительную роль в жизни музея [23, с. 149–159]. Впрочем, следует сказать, что раздел, посвященный Ялтинскому естественно-историческому музею, практически полностью дублирует статью Л. В. Петренко, названную выше.

Возвращаясь к вопросам комплектования этнографической коллекции музея, отметим, что некоторая информация встречается в статье кандидата исторических наук Л. И. Григорьевой «Значение деятельности Ялтинского отделения крымского горного клуба для музейной этнографии Крыма». Исследователем представлены и так хорошо известные до этого сведения об организации первой экскурсии Ялтинского отделения Крымского горного клуба из Одессы на пароходе «Пушкин» [24, с. 167], о создании выездных выставок, в частности в Одессе в 1893 г. Большое внимание уделяется вопросу комплектования фондов и организации этнографической секции. На основании архивных документов автор выделила ближайшие задачи секции: «1. Устройство татарской комнаты в Музее клуба. 2. Выяснение данных, касающихся экономического положения коренного населения. 3. Собираение сведений о семейно-бытовой и хозяйственной жизни, о религиозном складе. 4. Собираение предметов». В 1916 г. в состав секции входило 11 человек [24, с. 170].

Лишь фрагментарные сведения о музее при Ялтинском отделении Крымского горного клуба и его членов в контексте истории чрезвычайно сложного периода (1917–1920 гг.) для культурных и научных крымских учреждений представил главный специалист Государственного архива Республики Крым С. А. Андросов в статье «Судьба культурного наследия Крыма на изломе исторической эпохи (1917–1920 гг.)». Автор привел беглый обзор опубликованных и неопубликованных источников, хранящихся в Государственном архиве Республики Крым. Основное внимание уделено проблемам государственной политики по охране древностей в Крыму, в частности отсутствию законодательной базы, способствующей охране памятников в Крыму, и о деятельности научных обществ, таких как Таврическая ученая архивная комиссия, Одесское общество истории и древностей, Крымское общество естествоиспытателей и любителей природы и Ялтинское отделение

Крымско-Кавказского горного клуба. Встречается отдельная информация о состоянии и деятельности музея при клубе и его сотрудников в контексте описания общего положения научных учреждений и памятников в данный период.

Подводя итоги данного обзора, отметим проблемные стороны изучаемого вопроса. В истории формирования и научной деятельности музея при Ялтинском отделении Крымского (Крымско-Кавказского) горного клуба (а позже – Ялтинского естественно-исторического музея) наиболее уязвимыми являются биографии руководящего состава, рядовых работников и других деятелей организации. На сегодня персоналии, многие из которых принимали непосредственное участие в судьбе ялтинских музеев, остаются либо совершенно неизвестными современной науке, либо известными лишь частично, в контексте указания должностей и обязанностей. Аналогичным белым пятном является судьба многих предметов коллекций, утерянных и пострадавших в результате многочисленных перемещений в указанный период и во время революционных событий. Таким образом, в статье приведен список основных материалов, которые помогут восстановить важнейшие этапы существования и развития музейных учреждений г. Ялты, существовавших попеременно, и проанализировать научную и просветительскую деятельность культурных организаций.

Список использованных источников и литературы

1. Непомнящий А. А. Музейное дело в Крыму и его старатели (XIX – начало XX вв.): библиографическое исследование / Таврический нац. ун-т им. В. И. Вернадского. – Симферополь, 2000. – 358 с.
Nepomnyaschiy A. A. Muzeynoe delo v Krymu i ego starateli (XIX – nachalo XX vv.): bibliograficheskoe issledovanie. Simferopol, 2000. – 358 s.
2. Вебер Ф. Д. История развития и деятельность Ялтинского отделения крымского горного клуба // XXV Юбилейный сборник Крымско-Кавказского горного клуба. – Одесса, 1915. – С. 47–63.
Veber F. D. Istoriya razvitiya i deyatelnost Yaltinskogo otdeleniya krymskago gornogo kluba // XXV Yubileyniy sbornik Kryimsko-Kavkazskogo gornogo kluba. Odessa, 1915. – S. 47–63
3. Записки Крымского горного клуба. Одесса, 1894. – Вып. 4. – С. 11–14.
Zapiski Kryimskogo gornogo kluba. Odessa, 1894. – Vyip. 4. – S. 11–14.
4. Отчет о состоянии музея Ялтинского отделения Крымско-Кавказского горного клуба в 1908 г. // Записки Крымско-Кавказского горного клуба. – Одесса, 1909. – Вып. 2. – С. 130–133.
Otchet o sostoyanii muzeya Yaltinskogo otdeleniya Kryimsko-Kavkazskogo gornogo kluba v 1908 g. // Zapiski Kryimsko-Kavkazskogo gornogo kluba. Odessa, 1909. – Vyip. 2. – S. 130–133.
5. Отчет о деятельности Ялтинского отделения Крымско-Кавказского горного клуба за 1909 г. // Записки Крымско-Кавказского горного клуба. Одесса, 1910. – Вып. 2. – С. 122–125.
Otchet o deyatelnosti Yaltinskogo otdeleniya Kryimsko-Kavkazskogo gornogo kluba za 1909 g. // Zapiski Kryimsko-Kavkazskogo gornogo kluba. Odessa, 1910. – Vyip. 2. – S. 122–125.
6. Записки Ялтинского естественно-исторического музея / под ред. А. С. Моисеева. – Ялта: Окрполитпросвет, 1922. – Вып. 1. – 13 с.
Zapiski Yaltinskogo estestvenno-istoricheskogo muzeya / pod red. A. S. Moiseeva. Yalta: Okropolitprosvet, 1922. – Vyip. 1. – 13 s.
7. ГАРК. Ф. 661. Оп. 1. Д. 10. 65 л.
GARK, F. 661, Op. 1. D. 10. 65 l.
8. ГАРК. Ф. 661. Оп. 1. Д. 8. 59 л.
GARK, F. 661, Op. 1. D. 8. 59 l.
9. ГАРК. Ф. 661. Оп. 1. Д. 12. 56 л.
GARK, F. 661. Op. 1. D. 12. 56 l.
10. ГАРК. Ф. 661. Оп. 1. Д. 13. 13 л.
GARK, F. 661. Op. 1. D. 13. 13 l.

11. ГАРК. Ф. Р-2235. Оп. 1. Д. 12.
GARK, F. R-2235. Op. 1. D. 12.
12. ГАРК. Ф. Р-2235. Оп. 1. Д. 25.
GARK, F. R-2235. Op. 1. D. 25.
13. ГАРК. Ф. А-2307. Оп. 3. Д. 316.
GARF, F. A-2307. Op. 3. D. 316.
14. ГИМ ОПИ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 1011.
GIM OPI, F. 54. Op. 1. D. 1011.
15. ГИМ ОПИ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 996.
GIM OPI, F. 54. Op. 1. D. 996.
16. Россилевич Г. Я. Ялтинский музей краеведения // Крым: общественно-научный и экскурсионный журнал. – М.: Госиздат, 1928. – Т. 2(8), вып. 2. – С. 106–109.
Rossilevich G. Ya. Yaltinskiy muzey kraevedeniya // Kryim: obschestvenno-nauchnyiy i ekskursionnyiy zhurnal. M.: Gosizdat, 1928. – T. 2(8), Vyip. 2. – S. 106–109.
17. Маркевич А. И. К судьбам коллекций древностей и старины А. Л. Бертье-Делагарда // ИТОИАЭ. – Симферополь, 1928. – Т. 2 (59). – С. 144–145.
Markevich A. I. K sudbam kollektsey drevnostey i stariny A. L. Berte-Delagarda // ITOIAE. Simferopol, 1928. – T. 2(59). – S. 144–145
18. Непомнящий А. А. Очерки развития исторического краеведения Крыма в XIX – начале XX века. – Симферополь: Таврида, 1998. – 208 с.
Nepomnyaschiy A. A. Ocherki razvitiya istoricheskogo kraevedeniya Kryima v XIX – nachale XX veka. Simferopol: Tavrida, 1998. – 208 s.
19. Непомнящий А. А. Подвижники крымоведения. – Симферополь: СГТ, 2006. – Т. 1. – 324 с.
Nepomnyaschiy A. A. Podvizhniki kryimovedeniya. Simferopol, 2006. – T. 1. – 324 s.
20. Непомнящий А. А. Арсений Маркевич. Страницы истории Крымского краеведения. – Симферополь: Бизнес-Информ, 2005. – Вып. 3. – 432 с.
Nepomnyaschiy A. A. Arseniy Markevich. Stranitsyi istorii Kryimskogo kraevedeniya. Simferopol: Biznes-Inforn, 2005. – Vyip. 3. – 432 s.
21. Петренко Л. В. О создании естественно-исторического музея в Ялте. 1917–1920 // История Южного берега Крыма: факты, документы, коллекции, литературоведение, мемуары: VII Дмитриевские чтения. – Симферополь, 2004. – С. 18–23.
Petrenko L. V. O sozdanii estestvenno-istoricheskogo muzeya v Yalte. 1917–1920 // Istoriya Yuzhnogo berega Kryima: faktyi, dokumentyi, kollektzii, literaturovedenie, memuaryi: VII Dmitrievskie chteniya. Simferopol, 2004. – S. 18–23.
22. Петренко Л. В. Этнографическая коллекция Ялтинского историко-литературного музея: комплектование, изучение, региональные особенности // Этнография Крыма XIX – XXI вв. и современные этнокультурные процессы. Материалы и исследования. – Симферополь, 2012. – Вып. 3. – С. 103–106.
Petrenko L. V. Etnograficheskaya kolleksiya Yaltinskogo istoriko-literaturnogo muzeya: komplektovanie, izuchenie, regionalnyie osobennosti // Etnografiya Kryima XIX – XXI vv. i sovremennyye etnokulturnyye protsessyi. Materialyi i issledovaniya. Simferopol, 2012. – Vyip. 3. – S. 103–106.
23. Иванова Л. М., Ливицкая З. Г., Меркушева Л. В., Ткачук О. П., Фоменко И. Ф. Культура // Ялта / под ред. С. В. Филимонова. – Симферополь: «ЧерноморПРЕСС», 2006. – С. 65–159.
Ivanova L. M., Livitskaya Z. G., Merkusheva L. V., Tkachuk O. P., Fomenko I. F. Kultura // Yalta / pod red. S. V. Filimonova. Simferopol: «ChernomorPRESS», 2006. – S. 65–159.
24. Григорьева Л. И. Значение деятельности Ялтинского отделения Крымского горного клуба для музейной этнографии Крыма // Культура народов Причерноморья. – 2004. – Т. 2, вып. 50. – С. 167–171.
Grigoreva L. I. Znachenie deyatelnosti Yaltinskogo otdeleniya Kryimskogo gornogo kluba dlya muzeynoy etnografii Kryima // Kultura narodov Prichernomor'ya. 2004. – T. 2, vyip. 50. – S. 167–171.

Pakhomova N. A. To the history of museology of Yalta at the end of XIX – beginning of XX centuries: the Museum of Yalta's branch of the Crimean mountain club and The natural and historical museum of Yalta: sources and historiography

The work is devoted to sources and historiography, which concern the history of the creation of the museum of Yalta's branch of the Crimean (Crimean-Caucasian) mountain club and its subsequent transformation, and also reflect the structure and activities of the first museum institutions in Yalta (the Republic of Crimea). Proceeding from this, the object of research is the early history of the museology of Yalta. The subject – museum of Yalta's branch of the Crimean (Crimean-Caucasian) Mountain Club (1892–1919) and the Yalta's Natural History Museum (1919–1924). The author uses comparative historical and chronological methods of historiography cognition, allowing, in chronological order, to identify and determine the degree of relevance of available at different time's researches and sources on the topic of this work. In the first section of the article, the author gives the most important sources. These are archival documents and information from printed editions of the late XIX – early XX century and archive sources which are kept in the State Historical Museum (Moscow), the State Historical Archives of the Russian Federation (Moscow), in the State Archives of the Republic of Crimea, as well as in the archive of the Yalta's Historical and Literary Museum. Previously unknown documents are introduced into the scientific circulation, which in detail illuminate some questions on the history of the museum in Yalta during the difficult time for the state – the First World War, the revolution and the Civil War, and also clarify the situation connected with the move of the museum from the premises of the former boarding school of the male gymnasium in new building on the Gogoliya street. Thus, on the basis of the entire complex of materials listed and analyzed in the article, including published and unpublished sources, as well as the work of modern researchers, we have the opportunity to compile the most complete and detailed chronicle of the history of the first museums in Yalta. In the second part of the work, a survey of the research of modern scientists and museum workers on the topic of the early museum business of Yalta is given. All these materials will help restore the most important stages in the existence and development of the museology in Yalta and analyze the scientific and educational activities of cultural institutions. However, the most vulnerable issues remain biographies of management personnel, common workers and other figures of the first museums in Yalta. Nowadays, personalities, many of whom have been directly involved in the fate of Yalta museums, remain either completely unknown to modern science or known only in part, in the context of indicating their positions and responsibilities. A similar «white» spot is the fate of many items of collections lost and damaged because of numerous movements and revolutionary events.

Keywords: Crimean mountain club, Crimean-Caucasian mountain club, Yalta's branch, museology, Yalta's natural history museum, historiography.

УДК:902/908, (47) КРЫМ

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ВОЗНИКНОВЕНИЯ МУЗЕЯ «ПЕЩЕРНЫХ ГОРОДОВ» В БАХЧИСАРАЕ

Селиверстова К. Н.

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: ksu_kiwi@bk.ru*

Итоги археологических исследований Юго-Западного Крыма в XX в. находили свое отражение не только в ведущих, но и в региональных музеях страны. Одним из таких стал Музей «пещерных городов» в Крыму, принимавший активное участие в изучении и сохранении средневековых памятников Севастопольского и Бахчисарайского районов в период с 1938 по 1955 г. Музей был создан на базе Севастопольского музейного объединения, в состав которого также входили Музей Крымской войны и Музей революции. Ввиду ликвидации музейного объединения и перевода города Севастополя на особое подчинение, было принято решение перенести Музей «пещерных городов» в Бахчисарай. Статья посвящена организационному периоду, предшествовавшему открытию Музея «пещерных городов» в здании Большой Ханской мечети на территории Бахчисарайского дворца-музея. Не последнюю роль в подготовке тематико-экспозиционного плана и комплектовании фондов сыграли известные археологи, специалисты, исследующие памятники средневековья. В научный оборот вводится корпус документов из архива Бахчисарайского историко-культурного и археологического музея-заповедника, освещающих этапы подготовки и открытия Музея пещерных городов в 1940 году.

Ключевые слова: пещерные города, Е. В. Веймарн, П. П. Бабенчиков, Севастополь, Бахчисарай, археология, музей.

После установления советской власти в Крыму вопрос о состоянии объектов его культурного наследия являлся чрезвычайно актуальным. Ученые и интеллигенция полуострова видели своей целью сохранение и изучение исторических памятников, среди которых особо выделялась группа достопримечательных мест Юго-Западного Крыма – так называемые пещерные города.

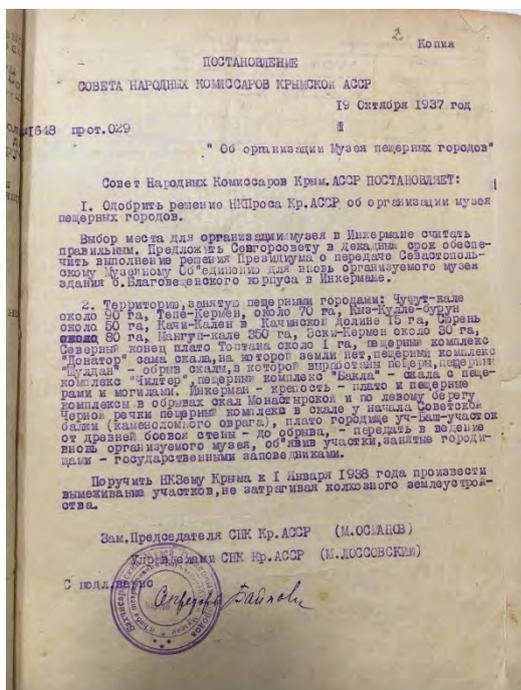
Термин «пещерные города» имеет условный характер. Это группа средневековых городищ, расположенных от среднего течения реки Альмы до устья реки Черной. Евгений Владимирович Веймарн, посвятивший всю жизнь их исследованию, в 1950-х гг. представил типологию этих памятников: феодальные замки, монастыри, неукрепленные поселения и города [1; 2]. Вопрос о создании Музея «пещерных городов» (далее – МПГ) поднимался среди сотрудников Севастопольского музея краеведения (СМК) с конца 1920-х гг. В область научных интересов севастопольских краеведов входили преимущественно археологические объекты, расположенные на территории современных Бахчисарайского и Севастопольского районов Республики Крым. Накопленные знания, обилие археологических находок, попавших в распоряжение Севастопольского музейного объединения, дали толчок к музеефикации «пещерных городов» Юго-Западного Крыма.

МПГ просуществовал менее 20 лет: первоначально в составе Севастопольского музейного объединения (далее – СМО) (1937–1938 гг.), затем в качестве

**ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ВОЗНИКНОВЕНИЯ
МУЗЕЯ «ПЕЩЕРНЫХ ГОРОДОВ» В БАХЧИСАРАЕ**

самостоятельного учреждения на территории Бахчисарайского дворца-музея (1940–1955 гг.). У истоков формирования коллекций музея стояли выдающиеся советские ученые : П. П. и В. П. Бабенчиковы, Е. В. Веймарн, Н. И. Репников, М. А. Тиханова, Ф. И. Шмит, Н. Л. Эрнст, А. Л. Якобсон и др. Результаты их археологических исследований в дальнейшем легли в основу экспозиции нового учреждения культуры.

В научной литературе специальных исследований, посвященных истории МПГ, практически нет. Специалисты, занимавшиеся развитием музейного дела в Крыму, системой охраны памятников культурного наследия на полуострове в 30–40-е гг. XX в., ограничивались краткими замечаниями о его истории. Зачастую читателю предоставлялась самая общая информация о времени создания музея, помещениях для его экспозиции, количестве памятников, вошедших в состав учреждения, и их площади [3]. В публикациях, посвященных истории археологических исследований этого времени на полуострове, также крайне редко встречаются упоминания о МПГ или участии его сотрудников в работе экспедиций (см. отчеты С. Ф. Стржелецкого и М. А. Тихановой) [4; 5].

*Рис. 1. Постановление СНК
о создании музея*

«пещерных городов» в Бахчисарае, где являлся заместителем директора по научной работе.

«Севастопольский» этап Музея «пещерных городов» (в рамках Севастопольского музейного объединения) довольно полно освещен в статьях и монографиях В. В. Акимченкова [3–6]. Несмотря на некоторые неточности в инициалах упомянутых сотрудников (П. Г. Арсакова, а не М. Е. Арсакова, как у Акимченкова), в монографии «В борьбе за советский патриотизм» автор подробно изложил причины, предпосылки появления и историю организации Музея краеведения в Севастополе. Сотрудники этого учреждения исследовали округу города, занимались популяризацией исторического наследия своего региона. В. В. Акимченков, опираясь на архивные документы, представляет читателю сложную судьбу одного из организаторов СМК, члена СМО и ОПИК в Севастополе – Павла Петровича Бабенчикова. В дальнейшем именно он сыграл не последнюю роль в деятельности Музея

О создании МПГ и о роли Е. В. Веймарна в организации его экспозиции упоминает А. Г. Герцен во вступительной статье к сборнику «Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму» [7]. Он характеризует Е. В. Веймарна как неутомимого археолога, исследователя «пещерных городов», автора тематико-экспозиционного плана Музея «пещерных городов», открытого в Ханской мечети Бахчисарая.

С. А. Андросов, используя документы Государственного архива Республики Крым, в своих публикациях дает общую характеристику сети крымских музеев в 1930-е гг., в состав которой входил тогда МПГ. Автор вводит в научный оборот сведения об организации этого учреждения, количестве его памятников, причинах переезда музея в Бахчисарай. В статьях, посвященных охране исторических и культурных памятников Крыма в эти годы, С. А. Андросов дает краткие сведения об изучении «пещерных городов» юго-западной части полуострова не только крымскими учеными, но и исследователями из центральных музеев и институтов СССР [11–12].

В 1955 г. Музей «пещерных городов» вошел в состав Бахчисарайского музея. Его сотрудники в дальнейшем изредка затрагивали тему существования МПГ в структуре музея-заповедника в 1940–1955 гг. В работе О. Н. Алпашкиной «Бахчисарайский музей – центр культурной жизни города в 1920–1930-е годы» содержится краткая информация о причинах перевода музея из Севастополя и состоянии его исторических памятников [13].

К сожалению, все работы, так или иначе освещающие деятельность Музея «пещерных городов», не дают полной информации о характере музея, его экспозиционной, исследовательской, просветительской работе. Отсутствует целостный образ музея, не раскрыты биографии его сотрудников, принимавших участие в организации и дальнейшем развитии этого уникального учреждения культуры.

Музей «пещерных городов» был основан согласно постановлению № 1648 Совета народных комиссаров Крымской АССР от 19 октября 1937 г. в составе Севастопольского музейного объединения. Для организации его первоначальной экспозиции было передано здание Благовещенского корпуса бывшего монастыря в Инкермане (Рис. 1).

Рис. 2. Вид на Большую Ханскую мечеть. 1940-е гг.

Первоначально в состав МПГ вошли 14 памятников, размежевание которых планировалось на 1938 год¹:

Мангуп-Кале – 350 га,

Чуфут-Кале – 90 га,

Сюрень – около 80 га,

Тепе-Кермен – около 70 га,

Кыз-Куле-бурун – около 50 га,

Эски-Кермен – около 30 га,

Качи-Кальон в Качинской долине – 15 га.

Северный конец плато Топшана (возвышенность Топшан, на северной оконечности которой располагается башня Кыз-Куле) – около 1 га:

Пещерный комплекс «Донатор» и сама скала,

Комплекс «Шулдан» – обрыв скалы, в которой выработаны пещеры,

Пещерный комплекс «Чилтер»,

Пещерный комплекс «Бакла» – скала с пещерами и могилами,

Инкерман – (крепость, имеется в виду Каламита) – плато и пещерные комплексы в обрывах Монастырской скалы и по левому берегу Черной речки, пещерный комплекс в скале у начала Советской балки (Каменоломного оврага),

Плато городища Уч-Баш – участок от древней боевой стены до обрыва.

Обозначенные земельные участки по постановлению № 1648 Совета народных комиссаров Крымской АССР объявлялись государственными заповедниками [14, л. 2].

В документации МПГ, обнаруженной в Государственном архиве Российской Федерации, указано, что одной из причин музеефикации средневековых памятников Юго-Западного Крыма являлся тот факт, что «к 1936 году раскопочные работы в пещерных городах дали столько материалов, а дело изучения этих городов продвинулось настолько вперед, что у археологов явилась мысль выделить все пещерные материалы и объединить в особом музее, отдельно организованном, но в составе Севастопольского музейного объединения» [15, л. 1].

В связи с переводом города Севастополя на особое подчинение постановлением СНК Крымской АССР № 1648 от 29 ноября 1939 г. было принято решение «считать необходимым на базе Севастопольского музейного объединения создать Музей пещерных городов, закрепив за ним соответствующие памятники, и перевести его в гор. Бахчисарай». Согласно этому документу, музею было предписано предоставить ханскую мечеть в пользование и перевести его на содержание бюджета Бахчисарайского совета [14, л. 1].

13 февраля 1940 г. состоялась ликвидация Севастопольского музейного объединения. Имущество поделено между тремя подведомственными

¹ Указанные данные о музеефицированных памятниках Бахчисарайского и Севастопольского районов не отражали действительную площадь плато «пещерных городов». К примеру, реальная площадь Мангуп-Кале составляет 90 га, Чуфут-Кале – 46 га, Эски-Кермена – 8,5 га, Тепе-Кермена – 1 га, Баклы – 1 га. Возможно, при размежевании территории объектов учитывалась площадь склонов и прилегающей территории. См. об этом: Могаричев Ю. М. Крым. «Пещерные города» / Ю. М. Могаричев. – Киев.: Вища школа-XXI, 2010. – 280 с.

организациями: Музеем Крымской войны, Музеем Революции и Музеем «пещерных городов». За последним окончательно закреплены 11 заповедников общей площадью 825,5 га: Чуфут-Кале, Качи-Кальон, Тепе-Кермен, «Кузукуль» (возможно, имелось в виду таврское поселение Козу-Кулак-Кая), Сюрень, Донатор, Кыз-Куле-бурун, Чилтер, Шулдан, Эски-Кермен, Мангуп-Кале [16, л. 1].

Штаты. Отделившись, МПГ имел скромный штат сотрудников. С 1 февраля 1940 г. за ним были закреплены: экскурсовод Эсфирь Абрамовна Дубинская, завхоз Яков Абрамович Дубинский и четыре сторожа. Должность директора временно исполняла археолог Мария Ермолаевна Арсакова¹, являясь по совместительству научным сотрудником музея [16, л. 4]. С 17 июня 1940 г. МПГ возглавил Иван Данилович Шеренгов [14, л. 45].

Помещение. Экспозиция музея разместилась в Ханской мечети (Хан-Джами) в г. Бахчисарае по адресу: ул. Чурук-Су № 145 (сейчас – ул. Речная, 33). МПГ предоставлялись в верхнем этаже общий отдел и приспособленные помещения, в нижнем – другие хозяйственные помещения. Срок аренды здания устанавливался с 1 января по 31 декабря 1940 г. Осмотр здания проведен 31 января 1940 г. депутатом Бахчисарайского горсовета Овчаровой, начальником пожарной охраны Игнатьевым, врид. директора Арсаковой. Комиссия постановила, что состояние мечети неудовлетворительное и требует капитального ремонта, так как «крыша в нескольких местах дала течь <...> штукатурка дала трещину (отпадает от стены)». Также в ханской ложе дворца отсутствовало 14 изразцов [16, л. 56].

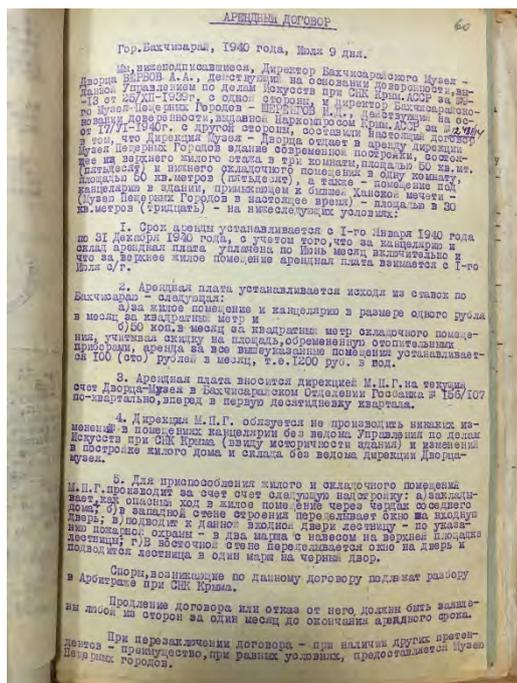

Рис. 3. Арендный договор между Бахчисарайским дворцом-музеем и Музеем пещерных городов

¹ Мария Ермолаевна Арсакова (1893–1962) – советский археолог. Родилась в семье купца 2-й гильдии. В 1923 г. поступила на Археологическое отделение Московского университета, в дальнейшем работала в отделе популяризации Государственного исторического музея. В 1920-е гг. занималась исследованием неолитических стоянок, поселений раннего железного века и могильников средневековья Вологодской области. См. о ней: Спирина, Д. В. Череповецкий период в жизни М. Е. Арсаковой // Череповец: Краеведческий альманах. – Вологда. – 2002. – Вып. 3. – С. 201–210.

В качестве дополнительных помещений дирекция Бахчисарайского Дворца-музея отдавала в аренду музею двухэтажное здание. На его первом этаже отводилась комната площадью 50 кв. м под склад, на втором – три комнаты с такой же общей площадью. На верхнем этаже размещалась канцелярия музея. МПГ, согласно арендному договору, обязывался не вносить изменений в облик зданий самостоятельно [16, л. 60] (Рис. 3).

Научно-исследовательская и экспозиционная работа. Разработанный план работы Музея «пещерных городов» был представлен в мае 1940 г. на втором заседании Научно-методического совета Наркомпроса Крымской АССР [14, л. 6 об.]. План работы на 1940 г. состоял из пяти разделов: экспозиционная, научно-исследовательская, фондовая, массовая и организационная (осмотр и охрана исторических памятников) работа. Для реализации этого плана, помимо Дубинской и Арсаковой, в работе музея должны были принять участие научные консультанты из ГИМ и ИИМК АН СССР.

Экспозицию музея предполагалось разделить хронологически на две темы: «Пещерные города Юго-Западного Нагорья Крыма в период раннего феодализма V–X/XI вв.» (Эски-Кермен, Чуфут-Кале, Мангуп-Кале) и «Пещерные города Юго-Западного Нагорья Крыма XI–XV вв.». Также была запланирована выставка «Пещерные города как представители крупных крепостей феодальной эпохи». Научно-исследовательская работа, соответственно, должна была проводиться по этим же темам. Для разработки тематико-экспозиционных планов экспозиций предполагалось использовать результаты археологических исследований в регионе А. Л. Якобсона, М. А. Тихановой, Е. В. Веймарна, Д. А. Крайнова и А. П. Смирнова.

В третьем квартале 1940 г. МПГ планировал осуществить экспедицию на Мангуп-Кале и Эски-Кермен совместно с ИИМК АН СССР¹. ИИМК настаивал

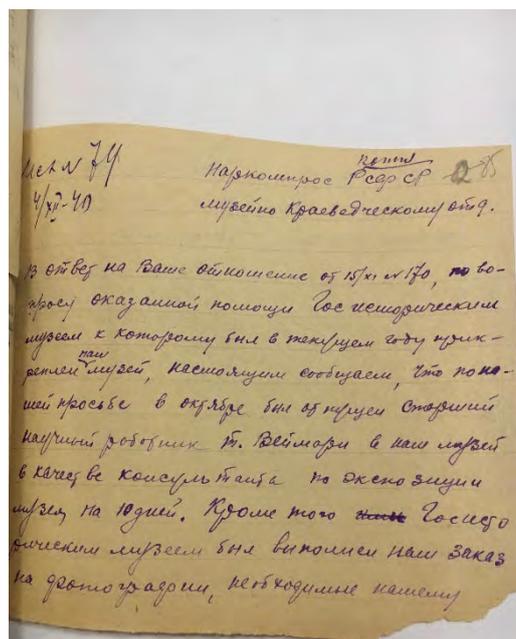

Рис. 4. О командировании
Е. В. Веймарна в Бахчисарай

¹ В 1940 г. ИИМК АН СССР совместно с ГИМ и МПГ осуществил ряд разведывательных раскопок под общим руководством Н. И. Репникова. Ст. науч. сотрудник ГИМ Е. В. Веймарн получил открытый лист на исследование объектов на территории Куйбышевского района. Один из отрядов его экспедиции в течение августа этого года провел исследования могильника в урочище Алмалык, на Бельбекском могильнике, обследовал район у деревни Биюк-

продолжить раскопки 1938 г. на Мангупском городище. В планы археологов входило исследование дворца XV в., что, по мнению ученого секретаря ИИМК С. Н. Бибилова, потребовало бы меньше средств, чем окончание раскопок той же Мангупской базилики. Среди других объектов Юго-Западного Крыма особо привлекал внимание исследователей Бельбекский могильник [14, л. 120 об].

Комплектование фондов. Фонды музея комплектовались преимущественно за счет поступлений из археологических раскопок. Комплексное представление об этих находках, имевших важность для организации МПП, было только у Н. И. Репникова. В ответ на запрос директора СМО Дмитрия Михайловича Анкудинова в 1937 г. археолог предоставил исчерпывающую информацию о местонахождении архивных, графических и фотографических вспомогательных материалов. Так, в Ленинграде хранились чертежи, имевшие непосредственное отношение к памятникам на территории музея, значительное собрание фотонегативов из коллекции ГАИМК, зарисовки конца XVIII – начала XIX в. памятников зоны деятельности музея, выполненные художниками Ивановым, Кюгельгеном и др. (в собрании Русского музея). В архиве и фотоархиве Ленинградской академии художеств также хранились ценные материалы, необходимые для дальнейших исследований музея. В Москве находились материалы экспедиции А. С. Уварова 1848 г. на памятниках Крымского нагорья (в ГИМ), архив и чертежи Д. М. Струкова с материалами «по памяти пещерных городов» (в Ленинской библиотеке). В Государственном одесском музее, имевшем архив Одесского общества истории и древностей (ООИД), были документы «с эпохи наместника Воронцова вплоть до Октябрьской Революции». Фонд А. Л. Бертье-Делагарда из Центрального музея Тавриды (ЦМТ) в Симферополе включал «первоклассное собрание архивных данных, фотографий, чертежей по памятникам Юго-Западного Крыма». Севастопольское музейное объединение также имело значительное количество негативов и архивных документов с полевыми обмерами археологических объектов [17, л. 15].

Севастопольскому музейному объединению Н. И. Репников в октябре 1937 г. предоставил информацию о местонахождении материалов из раскопок Эски-Кермена в 1920–1930-е гг.:

В ЦМТ – предметы из раскопок 1928 г.;

Музей Антропологии и этнографии Академии наук СССР (сейчас – Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого, Кунсткамера) – итоги работ 1929 г.;

Государственный Эрмитаж – итоги раскопок 1930–1932 гг.;

Яшлав, водопровод у деревни Ходжа-Сала. В деревне Адым-Чокрак произведен осмотр дворов на наличие каменных ядер, найденных на Мангупе. Второй отряд экспедиции, возглавляемый В. П. Бабенчиковым, произвел осмотр «заповедников» МПП: Чуфут-Кале, Сюрень, Мангуп, Тепе-Кермен, Салачик, урочище Ашлама-Дере, деревни Пычки, Керменчик. Проводилась очистка от зарослей караимского кладбища вблизи Чуфут-Кале и небольшие работы на дюрбе Джанике-Ханым городища. Е. В. Веймарн настаивал на том, чтобы раскопки Мангупа в 1940 г. не проводилось, а исследование дворца, некрополя городища и его крепостных были осуществлены в 1941 г. под руководством Н. И. Репникова.

Филадельфийский Университет (США) – итоги работ Советско-Американской экспедиции на Эски-Кермене в 1933 г.¹;

Севастопольское музейное объединение – итоги исследований 1934 г.;

ГАИМК, СМО – итоги работ в 1936 и 1937 гг.

Для создания экспозиции музея в 1938 г. Н. И. Репников рекомендовал Анкудинову заняться получением предметов и муляжей из этих учреждений [17, л. 16]. В Херсонесе, по сведениям того же Н. И. Репникова, хранились материалы из раскопок Р. Х. Лепера на Мангупе в 1912–1913 гг., в том числе надпись с именем византийского императора Юстиниана I (527–565) и строительная надпись 1361–1362 гг., ряд архитектурных фрагментов, собрание фрагментов поливной керамики и различные бытовые предметы [17, л. 17].

Согласно инвентарным книгам, Севастопольское музейное объединение имело на своем балансе 14000 предметов материальной культуры. В основу коллекции образованного музея в Бахчисарае, куда были переданы находки из Севастополя, вошло 6000 предметов и приобретения («научные экспонаты») на общую сумму 1000 рублей; также в распоряжение МПГ поступало имущество на сумму 919 рублей 19 копеек, материалы на сумму 5143 рубля 86 коп. и наличные средства числом 6157 рублей и 55 коп [16, л. 1 об. 2].

Фотоколлекция, печатная продукция СМО и библиотека были переданы Музею Крымской войны. В марте 1940 г., после жалобы директора М. Е. Арсаковой в Наркомпрос об отказе передать имущество, севастопольский музей из своих коллекций передал МПГ 366 книг и 3180 фотонегативов из раскопок Чуфут-Кале, Эски-Кермена 1937 г., карту с расположением пещерных городов и др. [16, л. 17–18; 14, л. 36]. В течение трех кварталов 1940 г. было намечено внести коллекции из Мангуп-Кале и Эски-Кермена в книгу поступлений МПГ, провести инвентаризацию всех музейных предметов и скомплектовать научный архив.

Для поиска предметов, которые могли бы пополнить фонды новообразованного музея в Бахчисарае, руководство направляло в 1939–1940 гг. запросы в крымские и

¹Сегодня в Музее археологии и антропологии Филадельфийского университета (УМПУ) хранится более 800 предметов, обнаруженных в ходе довоенных раскопок Эски-Кермена, Мангупа, Нейзаца, Змеиного грота и Кизил-Кобы Советско-американской крымской экспедиции 1933 г. (т. н. Русский проект, финансирование которого взяли на себя США). Ключевой фигурой со стороны американских участников экспедиции был Евгений Голомшток, эмигрант из России, сотрудник Отдела по изучению этнографии и археологии России УМПУ, автор работы «Палеолит в Европейской России» (1938). В онлайн-каталоге Филадельфийского музея присутствует 66 предметов из раскопок Эски-Кермена (бусины, монеты, детали фресковых росписей, серьги, бронзовые пряжки, колокольчики, пряслица, пуговицы, гребень, подвески и пр.) и 34 – из исследований Мангуп-Кале в это время (стеклянные бусины, гвозди, серьги, кольца, пуговицы, железный браслет, колокольчики и пр.). См.: **Корсун С. А.** В. Г. Богораз как американец // Материалы полевых исследований МАЭ РАН / Отв. ред. Е. Г. Федорова; РАН. МАЭ им. Петра Великого (Кунсткамера). – СПб.: МАЭ РАН, 2010. – Вып. 10. – С. 193–204; University of Pennsylvania Museum of Archaeology and Anthropology. – Режим доступа: https://www.penn.museum/collections/search.php?term=crimea&submit_term=Submit+Query&page=5.

центральные музеи с просьбой передать картины с горными пейзажами и фотографии памятников и музейных предметов. Алушкинский дворец-музей и Симферопольская художественная галерея ответили отказом [16, л. 135, 138]. В Судакский музей директор Шеренгов отправил письмо о помощи в предоставлении фотоснимков генуэзского и венецианского кораблей, Судакской крепости, изображений купцов и воинов, взятия Каффы турками в 1475 г. (всего 9 фотографий самого большого размера) [16, л. 225].

Балтачокракский сельский совет по требованию Наркомпроса к сентябрю 1940 г. обязался передать Музею три пифоса. В обмен на два ядра с территории Мангуп-Кале музей просил ГИМ выслать «10 татарских монет, чеканенных в Солхате с переводом их надписей, 10 генуэзско-татарских монет и перевод их надписей, 10 монет, чеканенных в Бахчисарае и Кырк-Йере, три муляжа новгородских гривен» [16, л. 211].

Архив. К апрелю 1940 г. МПГ имел довольно скромный научный архив. В список документов, переданных Музеем Крымской войны (правопреемника СМО), вошли: конспект Дубинской по Чуфут-Кале на 6 листах, конспект по Чуфут-Кале экскурсовода на 16 листах, рукописи к последнему конспекту на 4 листах, отчет А. К. Тахтая об обследовании *Чоргуна* на 4 листах, акт о передаче материалов экспедиции на Мангуп-Кале в 1938 г. ГАИМК на 2 листах, договор СМО с ИИМК о раскопках на 1939 г. на 7 листах, различная переписка, касающаяся МПГ, на 20 листах и краткий очерк истории Юго-Западного нагорья Крыма А. Л. Якобсона на 3 листах в 2 экземплярах [16, л. 186].

Научно-просветительская работа также являлась одним из основных направлений деятельности музея. Наиболее крупные объекты, входящие в состав МПГ, были включены в ряд туристических маршрутов Крыма. В 1940 г. музей запланировал принять 13000 посетителей на Чуфут-Кале, в здании Ханской мечети – 3000 человек. В этом же году предполагалось издание путеводителя по памятникам МПГ, а экскурсоводом Э. Дубинской – обзорного путеводителя по территории Чуфут-Кале. В дальнейшем эти планы не были выполнены. К тому же Наркомпрос сам указывал на крайнюю загруженность Музея и рекомендовал отложить выход этих публикаций. В области научно-просветительской работы предполагалось проведение лекций по истории Юго-Западного Крыма в школах, на предприятиях и радио, участие в организации школьных исторических кружков, популяризация деятельности музея в газете «Красный Крым». В план научной работы включили и разработку марксистско-ленинской тематики применительно к истории региона.

Представленный Наркомпросу план МПГ раскритиковали заместитель Наркома просвещения Крыма Акимов и инспектор музеев Февзи. В их заключении отмечено, что документ «страдает отсутствием последовательности, поэтому случается разбросанность и чередование вопросов научного характера с вопросами организационного порядка» [14, л. 25]. В целом, анализируя работу музейной сети Крыма в первом полугодии 1940 г., Наркомпрос отметил неудовлетворительные результаты работы МПГ: «не организовано ни одной выставки, также не прочитаны лекции, не выполнен план посещения на 60 %». Такие показатели вполне объяснимы: усилия небольшого штата были сосредоточены на организации экспозиции музея, в

течение летнего сезона его сотрудники также принимали участие в работах археологических экспедиций.

Открытию МПГ в Бахчисарае предшествовала трудная и кропотливая работа. К созданию его новой экспозиции привлекались известные сотрудники крымских и российских музеев, некогда начинавшие свою профессиональную деятельность еще в составе Севастопольского музея краеведения. Так, в оформлении графического материала (карт, планов, чертежей) приняли участие Зоя Рафаиловна Коварская (сотрудник ГИМ) и Станислав Францевич Стржелецкий (с 1938 г. сотрудник Херсонесского музея). Фотоматериал для экспозиции заказали в ГИМ [14, л. 85].

Новообразованный музей, безусловно, нуждался в рекомендациях коллег по музейному делу. Для получения методической помощи Наркомпрос закрепил МПГ за Государственным историческим музеем, откуда был командирован сотрудник в качестве консультанта. Тематическую структуру экспозиции, подборку графических, фотоматериалов и музейной мебели к ней выполнил старший научный сотрудник Евгений Владимирович Веймарн [14, л. 114; 16, л. 89] (Рис. 4). С юных лет он входил в число энтузиастов, занимавшихся изучением археологических памятников Юго-Западного Крыма под руководством братьев Бабенчиковых, организаторов Севастопольского Музея краеведения [6, с. 120]. Для лучшего понимания музейной работы директору Арсаковой предстояло ознакомиться с опытом ГИМ в Москве.

Сроки подготовки новой для сотрудников экспозиции МПГ были чрезвычайно сжаты. Уже к концу августа 1940 г. предстояло собрать нужный для нее материал и составить список предметов, которые необходимо вывезти из Мангупа, Эски-Кермена и других памятников. Задачей завхоза МПГ Я. Дубинского было его обеспечение необходимой мебелью к середине сентября этого года [16, л. 260]. В ходе организации экспозиции встретились и некоторые трудности. Например, ИИМК им. Н. Я. Марра, регулярно проводивший раскопки «пещерных городов» Юго-Западного Крыма в 1920-х–1930-х гг., задерживал отправку материалов из раскопок Мангуп-Кале и Бельбекского могильника в Бахчисарай. Музейно-краеведческий отдел НКП РСФСР выражал крайнюю обеспокоенность в связи со сложившейся ситуацией и рекомендовал институту не срывать сроки открытия музея [14, л. 46].

Официальному открытию музея предшествовал общественный осмотр его экспозиции, состоявшийся 5 ноября 1940 г. Представители власти отметили, что «экспозиция музея политически выдержана, оформлена вполне удовлетворительно». Комиссия постановила открыть музей 7 ноября и установить время его работы с 9 до 17 часов [16, л. 256]. Открытие Музея «пещерных городов» в Бахчисарае приурочили к 23-й годовщине Октябрьской революции и 20-летию установления Советской власти в Крыму. В Научном архиве БИКАМЗ сохранились отзывы о новой экспозиции от коллег и политического руководства района. Например, научный сотрудник Херсонесского музея Александр Кузьмич Тахтай назвал МПГ «музеем академического типа», указав на излишнюю детализацию и перенасыщенность экспозиции вещевым материалом. Экспликация рецензент тоже не оценил: «тексты сформулированы слишком обстоятельно, но, к сожалению, слишком тяжелым, а иногда и не совсем русским языком». Но главным недостатком в экспозиции, по его

мнению, является «недостаточно понятная и выраженная Таврская основа Пещерных и Херсонеса городов» [14, л. 102].

В целом, Наркомпрос Крымской АССР высоко оценил работу сотрудников Музея «пещерных городов» и лично Е. В. Веймарна. Шеренгову объявлена благодарность, а для премирования особо отличившихся работников зам. НКП Крыма Акимов дал разрешение выделить из спецсредств 1000 рублей [16, л. 254; 18, л. 5]. Инспектор крымских музеев Х. Ф. Февзи, характеризуя открывшуюся экспозицию, рекомендовал устранить некоторые недоработки в ней, в том числе дать на информационных щитах названия предметов и памятников на русском и татарском языках, выделить в отдельную витрину предметы, относящиеся к таврам, отразить восстание рабов, привести общие названия (заголовки) к укреплениям Эски-Керменского городища и Мангуп-Кале, показать план мечети и медресе Солхата, отметить торговые и культурные связи региона («великий путь варягов») [14, л. 98–98 об.].

Музей «пещерных городов» в Бахчисарае все еще остается слабо изученной страницей в истории археологических исследований Юго-Западного Крыма и музейного дела на полуострове в 1940–1950-е гг. В организации музея большое значение имели результаты раскопок выдающихся советских историков и археологов. Несомненно, их взгляды оказались в плену политической конъюнктуры своего времени. Тем не менее благодаря тесному сотрудничеству с ИИМК АН СССР и ГИМ фонды МПГ продолжали ежегодно пополняться, его сотрудники занимались научно-исследовательской работой, участвуя в археологических экспедициях. Именно позиция ведущих отечественных ученых времени существования МПГ задавала основной вектор его развития в 1940–1955 гг.

Список использованных источников и литературы

1. Веймарн Е. В. «Пещерные города» Крыма в свете археологических исследований 1954–55 гг. // Советская археология. – 1958. – № 1. – С. 71–79.
Veymarn Y. V. «Peshernye goroda» Kryma v svete arheologicheskikh issledovaniy 1954-55 gg. // Sovetskaya arheologiya. – 1958. – № 1. – S. 71–79.
2. Герцен А. Г., Махнева-Чернец О. А. Пещерные города Крыма: Путеводитель / А. Г. Герцен, О. А. Махнева-Чернец. – Севастополь: Библекс, 2006. – 192 с.
Gertsen A.G., Makhneva-Chernets O.A. Peshernye goroda Kryma: Pytevoditel' / A. G. Gertsen, O. A. Makhneva-Chernets. – Sevastopol: Bibleks, 2006. – 192 s.
3. Манаев А. Ю. Докладная записка П. Н. Шульца о состоянии памятников культуры Крымской области и о мероприятиях по улучшению охраны // История и археология Крыма. – Симферополь: Наследие тысячелетий, 2016. – Вып. 3. – С. 417–430.
Manaev A. U. Dokladnaya zapiska P. N. Shul'tsa o sostoyanii pamyatnikov kul'tury Krimskoi oblasti i o meropriyatiyah po uluchsscheniyu ohrani // Istoriya i arheologiya Kryma. – Simferopol: Nasledie tisyacheletiy, 2016. – Вып. 3. – S. 417–430.
4. Стржелецкий С. Ф. Раскопки в Инкермане в 1940 г. // Советская археология. – 1947. – № 9. – С. 283–302.
Strzheletskiy S. F. Raskopki v Inkermanev 1940 g. // Sovetskaya arheologiya. – 1947. – № 9. – С. 283–302.
5. Тиханова М. А. Базилика (раскопки 1938 г.) // Материалы и исследования по археологии СССР. – 1953. – Т. 34. – С. 334–389.

**ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ВОЗНИКНОВЕНИЯ
МУЗЕЯ «ПЕЩЕРНЫХ ГОРОДОВ» В БАХЧИСАРАЕ**

Tikhanova M. A. Bazilika (raskopki 1938g.) // Materiali i issledovaniya po arheologii SSSR. – 1953. – Т. 34. – С. 334–389.

6. Акимченков В. В. «Академия в миниатюре»: Севастопольский музей краеведения (1923–1939) / под ред. А. А. Непомнящего. – Симферополь, 2012. – 120 с. – (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; вып. 17).

Akimchenkov V. V. «Akademia v miniature»: Sevastopol'skiy muzei kraevedeniya (1923–1939) / pod red. A. A. Nepomnyashego. – Simferopol, 2012. – 120 s. – (Seriya: «Biobibliografiya krymovedeniya»; vup. 17).

7. Акимченков В. В. В борьбе за советский патриотизм: Севастопольское музейное объединение (1928–1940) / под ред. и вст. статья А. А. Непомнящего. – Симферополь, 2015. – 244 с. – (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; вып. 24).

Akimchenkov V. V. V bor'be za sovet'skiy patriotizm: Sevastopol'skoye muzeinoe ob'edineniye (1928–1940) / pod red. i vst. stat'ya A. A. Nepomnyashego. – Simferopol, 2015. – 244 s. – (Seriya: «Biobibliografiya krymovedeniya»; vup. 24).

8. Акімченков В. В. З історії розвитку музейної справи у Севастополі: за матеріалами газети «Маяк Коммуны» // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия: «Исторические науки». – 2011. – Т. 24(63), № 2. – С. 3–13.

Akimchenkov V. V. Z istorii rozvityku muzeinoi spravy u Sevastopoli: za materialami gazety «Mayak Kommyuny» // Ucheniye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Seriya: «Istoricheskiye nauki». – 2011. – T. 24 (63), № 2. – S. 3–13.

9. Акімченков В. Музей печерних міст в структурі Севастопольського музейного об'єднання // Нові дослідження пам'ятоккозацької доби в Україні: Зб. наук. ст. / Центр пам'яткознавства НАН України і УТОPIK. – 2013. – Вип. 22. – Ч. 1. – С. 400–404.

Akimchenkov V. Muzey pechernih mist v sructuri Sevastopol'skogo muzeinogo ob'ednannya // Novi doslidzhennya pam'yatokkazatskoy dobi v Ukraini: Zb. Nayk. st. / Tsentram'yatkoznavstva NAN Ukrainy i UTOPIK. – 2013. – Vup. 22., ch.1. – S. 400–404.

10. Герцен А. Г. Вступление // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму (сб. БГИКЗ) / Ред.-сост. Ю. М. Могаричев. – Симферополь: Таврия, 1992. – С. 3–4.

Gertsen A. G. Vstuplenie // Problemi istorii «peshernyh gorodov» v Krymu (sb. BGIKZ) / Red.-sost. U. M. Mogarichev. – Simferopol: Tavriya, 1992. – S. 3–4.

11. Андросов С. А. Основные тенденции музейного строительства в Крыму в 1930-е годы / С. А. Андросов // XI Таврические научные чтения [Текст]: сб. материалов. Ч. 1 / М-во культуры АРК, КРУ «Центральный музей Тавриды»; [отв. за вып. Е. Б. Вишневская]. – Симферополь, 2011. – С. 14–37.

Androsov S. A. Osnovniye tendentsii muzeinogo stroitel'stva v Krymu v 1930-e godi / S. A. Androsov // XI Tavricheskiye nauchniye chteniya [Tekst]: Sb. materialov. Ch. 1 / M-vo kultury ARK, KRY «Tsentral'niy muzei Tavridi»; [otv. za vup. E. B. Vishnevskaya]. – Simferopol, 2011. – S. 14–37.

12. Андросов С. А. Охрана памятников истории и культуры Крыма в конце 1920-х – 1930-е годы / С. А. Андросов // VI Таврические научные чтения [Текст]: сб. материалов / М-во культуры АРК, Крым. респ. краевед. музей; [гл. ред. Е. Б. Вишневская; ред.: И. Ф. Стельмах, А. В. Зубарев]. – Симферополь: Еврострой, 2006. – С. 8–26.

Androsov S. A. Okhrana pamyatnikov istorii i kulturi Kryma v kontse 1920-h – 1930-ye godi / S. A. Androsov // VI Tavricheskiye nauchniye chteniya [Tekst]: sb. materialov / M-vo kulturi ARK, Krym. resp. kraeved. Muzei; [gl.red. E. B. Vishnevskaya; red.: I. F. Stelmakh, A. V. Zubarev]. – Simferopol: ChP «Evrostroy», 2006. – S. 8–26.

13. Алпашкина О. Н. Бахчисарайский музей – центр культурной жизни города в 1920–1930-е годы // Бахчисарайский историко-археологический сборник / ред.-сост. Ю. М. Могаричев. – Симферополь: АнтикВА, 2008. – С. 351–357.

Alpashkina O. N. Bakhchisaraiskiy muzei – tsentr kul'turnoi zhizni goroda v 1920–1930-egodi // Bakhchisarayskiy istoriko-arheologicheskiy sbornik / red.-sost. U. M. Mogarichev. – Simferopol: AtikvA, 2008. – S. 351–357.

14. БИКАМЗ НА, тетрадь МПГ 1.

BIKAMZ NA, Tetrad' MPG 1.

15. ГАРФ, ф. 10010, оп. 5, д. 267.

GARF, f. 10010, op. 5, d, 267.

16. БИКАМЗ НА, Документы 1939–1940 гг.
BIKAMZ NA, Dokumenti 1939-1940 gg.
17. БИКАМЗ НА, Научная переписка за 1937, 1938 и 1939 гг.
BIKAMZ NA, Nauchnaya perepiska za 1937, 1938 и 1939 gg.
18. ГАРФ, ф. А-2306, оп.70, д. 1153.
GARF, f. A-2306, op. 70, d. 1153.

Seliverstova K. N. The circumstances of emergence of The Museum of Cave Towns in Bakhchisaray

The Cave towns – a group of medieval settlements, located from the middle reaches of the river Alma to the mouth of the river Chernaya. In the 1920s–1930s, these medieval archeological monuments were actively studied. Results of the South-West Crimea research in the 20th century. One of these was the Museum of Cave Towns. Employees taking part in the study and preservation of medieval monuments of Sevastopol and Bakhchisarai districts in the period from 1938 to 1955. The museum was created on the basis of the Sevastopol Museum Association, which also included the Crimean War Museum and the Revolution Museum. In view of the liquidation of the museum association and the transfer of the city of Sevastopol to a special subordination, it was decided in 1938 to transfer the Museum of cave towns to Bakhchisaray. The new museum was headed by the researcher M.E. Arszakov, studying neolithic sites, settlements of the early Iron Age and medieval Vologda region. This article is devoted to the organizational period preceding the opening of the Museum of Cave Towns in the building of the Great Khan Mosque in the territory of the Bakhchisarai Palace Museum. The paper highlights the problems that employees faced in preparing for the opening of the Museum: searching for items and documents to replenish the collection. Not the least role in the preparation of the subject-exposition plan and the acquisition of funds was played by well-known archaeologists, experts who study the monuments of the Middle Ages – V. P. Babenchikov, E. V. Veimarn, N. I. Repnikov, M. A. Tikhanova, A. L. Jacobson. The corpus of documents from the archives of the historical and cultural and archaeological museum of Bakhchisaray is included in the scientific revolution. They cover the stages of preparation and opening of the Museum of Cave Towns in 1940.

Keywords: Cave Towns, Y. V. Veymarn, P. P. Babenchikov, Sevastopol, Bakhchisaray, archaeology, museum.

Список сокращений

ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры, образована в 1926 г. взамен созданной в 1919 г. Российской Академии истории материальной культуры (РАИМК). В 1937 г. вошла в состав АН СССР как Институт истории материальной культуры (ИИМК АН СССР).

ГИМ – Государственный исторический музей.

НКП РСФСР, Наркомпрос – Народный комиссариат просвещения Российской Советской Федеративной Социалистической Республики.

ООИД – Одесское Общество истории и древностей.

ОПИК – Организация по изучению Крыма.

СМК – Севастопольский музей краеведения.

СМО – Севастопольское музейное объединение.

РЕЦЕНЗИИ

УДК 002.2

РЕЦЕНЗИЯ НА «ЭНЦИКЛОПЕДИЮ НАРОДОВ КРЫМА» (СИМФЕРОПОЛЬ, 2016)

Куликова А. В.

*Российская национальная библиотека
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация,
E-mail: angelina-alvidas@yandex.ru*

Энциклопедия народов Крыма / [редкол.: О. А. Габриелян (гл. ред.) и др.]. – Симферополь : Доля, 2016. – 254, [1] с. : диагр., ил., портр.

«Энциклопедия народов Крыма» издана в Симферополе в 2016 году тиражом 500 экземпляров (в рамках проекта «Энциклопедия народов Крыма: создание комплекса материалов для научной, просветительской и воспитательной деятельности в поликультурном российском Крыму»). Энциклопедия посвящена истории и современному развитию 24-х народов, имеющих организации на территории Крыма. Это азербайджанцы, армяне, белорусы, болгары, греки, евреи, итальянцы, казанские татары, караимы, корейцы, крымские татары, крымчаки, молдаване, мордовцы, немцы, поляки, русские, украинцы, французы, цыгане, чехи, чуваша, швейцарцы, эстонцы. Особое внимание уделено консолидации народов региона. В каждой статье присутствуют фотографии и архивные материалы, библиографические списки и сведения об авторах. В подготовке и издании энциклопедии принимала участие Международная академия духовных наук. В рецензии предлагается детальный анализ энциклопедии. За несомненными достоинствами издания (прекрасная полиграфия, качественное содержание, частичное наличие справочно-библиографического аппарата) прослеживаются и недостатки (в энциклопедии представлены не все народы; нет указателей и общего списка литературы; заявленная интерактивная версия книги не работает).

Ключевые слова: энциклопедии, народы Крыма, рецензии на энциклопедии, анализ энциклопедии, структура энциклопедии, особенности энциклопедии.

В фондах Российской национальной библиотеки появилось уникальное издание – «Энциклопедия народов Крыма». На сайте РНБ сообщалось о выходе в свет этой книги [3], а теперь она стала доступна пользователям. Актуальность издания этой энциклопедии именно сейчас очевидна. В течение десятка лет не было выпущено ни одной крымской энциклопедии. Важно, что эта книга вышла в свет после присоединения Крыма к России. Издание опубликовано благодаря реализации проекта «Энциклопедия народов Крыма: создание комплекса материалов для научной, просветительской и воспитательной деятельности в поликультурном российском Крыму». Средства на реализацию проекта появились в результате проведения первого в 2015 г. конкурса по выделению грантов некоммерческим неправительственным организациям «в соответствии с распоряжением Президента РФ от 1 апреля 2015 года № 79-рп, при поддержке Федерального государственного

автономного образовательного учреждения высшего образования “Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского” и Государственного бюджетного учреждения Республики Крым “Крымский этнографический музей”» (с. 2).

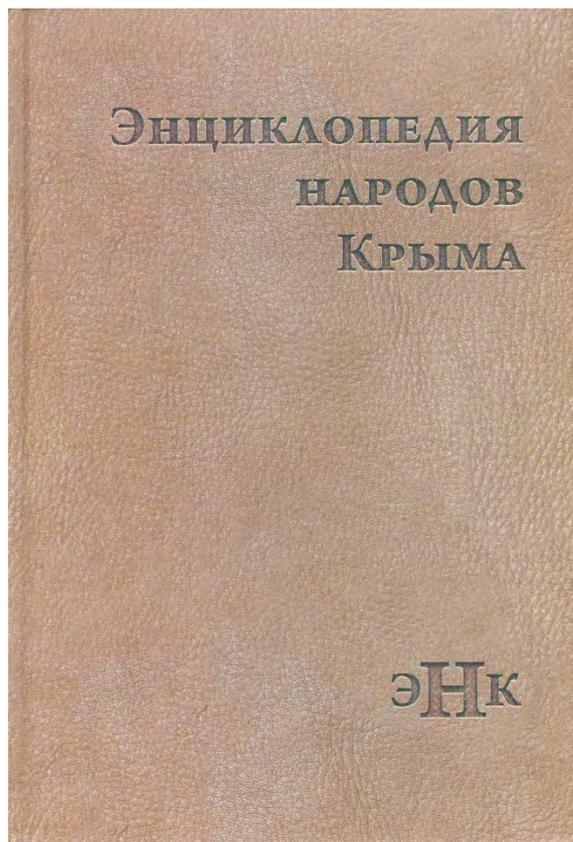
Во время подготовки издания члены редакционной коллегии дали интервью корреспонденту газеты «Крымское время», в котором поведали об этапах работы над энциклопедией и о проблемах, с которыми пришлось столкнуться ее авторам. Основным камнем преткновения была подготовка исторически грамотных статей о том или ином народе. В диаспорах, отвечающих за написание текстов, разворачивались жаркие дискуссии, часто приводившие в тупик. Даже отнесение того или иного народа к определенной национальности ставилось под вопрос во время общих совещаний редколлегии. На вопрос корреспондента «Чего же хочет каждая нация?» – главный редактор – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой политических наук философского факультета КФУ Олег Аршавинович Габриелян ответил: «...Быть самой собой. Жить в гармонии с миром. Вот в государственной политике есть принцип большинства – демократия. Но его нельзя применять в национальной политике, иначе большие народы переиграют малочисленные – и конфликт неминуем. В национальном вопросе нужен консенсус...» [4]. Несмотря на разногласия, авторы все же пришли к консенсусу по всем острым вопросам и создали «Энциклопедию народов Крыма».

Отметим высокое полиграфическое качество издания. Энциклопедия напечатана на мелованной бумаге, помещена в твердый переплет, включает отлично исполненный иллюстративный материал. Это – несомненная заслуга ООО «Эльиньо», на полиграфическом оборудовании которого отпечатан тираж.

Сведения о 36 авторах приведены в конце книги (с. 253–254) в алфавитном порядке. Отрадно, что без сокращений даны фамилии, имена, отчества, научные звания, должности, места работы авторов. Такое бережное отношение к авторам присуще не всем энциклопедическим изданиям. Часто авторы статей приводятся в сокращенной форме, без дополнительных сведений.

Над «Энциклопедией народов Крыма» работали специалисты из самых разных сфер деятельности. Авторами статей стали ученые, преподаватели, студенты и аспиранты философского факультета Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского (далее – КФУ). Примечательно, что некоторые статьи написаны в соавторстве преподавателей и студентов (аспирантов).

Солидные статьи были написаны представителями научных учреждений и государственных органов, общественными деятелями. Так, многие статьи принадлежат перу краеведов Вардана Григорьевича Григоряна, Елены Владимировны Каркач, Гидаят Мамед-оглу Мусаева, Ольги Владимировны Савиновой.

Своими исследованиями в энциклопедических статьях поделились специалисты социальной и культурной сфер. Например, эксклюзивные сведения предоставили: начальник отдела статистики населения и здравоохранения Александра Жоржевна Корниенко, члены Общественного совета при Государственном комитете по делам межнациональных отношений и депортированных граждан Республики Крым, сотрудники ГБУРК «Крымский этнографический музей», руководитель национально-культурной автономии эстонцев Крыма Ольга Энгельгардовна Скрипченко (Сальман) и многие другие. Во время обсуждения спорных моментов (когда между диаспорами возникали дискуссии по поводу определения нации, то есть когда невозможно было однозначно отнести народ к одной этнической группе), главный редактор лично подготавливал соответствующий текст. Так случилось со статьей «Караимы» (с. 79–86).

В целом, авторский коллектив энциклопедии вызывает доверие и заслуживает уважения за титанический труд, проделанный во время подготовки издания. В аннотации к книге сказано: «Энциклопедия дает представление об истории и культуре различных народов и диаспор Крыма, которые вписали яркие страницы в летопись полуострова...» (с. 2). Объединяющая идея (народы Крыма) позволяет воспринимать книгу как описание членов дружной семьи, проживающих в одном

доме. Эта идея тем более актуальна на фоне современных политических событий: национальных конфликтов в разных частях света, неспособности некоторых народов, живущих на одной территории, прийти к согласию.

В данном случае ценен факт именно согласия народов, проживающих на территории Крыма. В обращении к читателям Сергея Георгиевича Донича, работавшего в то время ректором Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, мы видим подтверждение этой мысли: «“Энциклопедия народов Крыма” станет важным вкладом в продолжение межнационального и межконфессионального согласия. Эта книга позволит ее читателям лучше узнать историю и культуру своих соседей по поликультурному дому, что, несомненно, явится залогом взаимного уважения народов» (с. 3).

Об особенностях издания говорится во введении профессорами КФУ, работавшими над изданием энциклопедии: главным редактором Олегом Аршавиновичем Габриеляном и ответственным исполнителем Ольгой Анатольевной Гривой: «Проведенные исследования в сфере этнокультурных и межконфессиональных отношений в Республике Крым позволили создать *сайт* [выделено мной. – А. К.] с постоянно обновляющимися материалами о народах Крыма и выстроить активные коммуникации с широкой общественностью. Центральным моментом проекта явилось создание печатной версии “Энциклопедии народов Крыма”» (с. 5–8).

Автор данной рецензии с 18 ноября 2016 г. по 28 ноября 2017 г. пыталась открыть сайт <http://narodikrima.ru/>, о котором говорится во введении, однако увидела надпись: «Истек срок регистрации домена». Жаль, что нет электронной актуальной версии этого замечательного издания. Возможно, регистрация домена будет продлена, тогда появится возможность пользоваться постоянно обновляющейся электронной энциклопедией.

Перед основным текстом энциклопедии опубликована обзорная статья канд. ист. наук Александра Германовича Герцена и канд. философ. наук Николая Николаевича Кузьмина «Этническая история Крыма», рассматривающая следующие аспекты: «Этнический состав населения Крыма до его присоединения к Российской империи. Этногенез крымских татар»; «Трансформация национальной структуры населения Крыма с конца XVIII по начало XXI века. Этнические процессы в Крыму с конца XVIII до XX века»; «Изменение этнического состава населения Крыма в 40-е – 80-е гг. XX в.»; «Этническая структура населения Крыма в конце XX – начале XXI в.» (с. 9–18). В начале обзорной статьи авторы подчеркивают, что территорию Крыма с самых ранних времен всегда населяли многие народы: «Этническая история Крыма очень сложна и драматична. С уверенностью можно сказать одно: никогда национальный состав полуострова не был однообразным, особенно в его горной части и приморских районах. Здесь всегда происходили смешения народов, и не случайно авторы античности и средневековья писали о проживании в Крыму “тавроскифов” и “готоаланов”. Говоря о населении Таврических гор, римский историк Плиний Старший еще в I веке до нашей эры замечает, что там живут 30 народов» (с. 9). В завершение обзорной статьи авторы приходят к интересному выводу: в результате «процессов возвращения из мест депортации, эмиграции и

иммиграции за период в четверть века, прошедших с 1989 по 2014 г., в Крыму сложилась новая этническая структура населения, в каких-то моментах напоминающая национальный состав Крыма перед Великой Отечественной войной, а в других – значительно от него отличающаяся. Но тем не менее Крым остается регионом со сложной этнической структурой, наличием самобытных национальных групп» (с. 18).

Согласно статистическим сведениям, в Республике Крым зарегистрировано 13 региональных национально-культурных автономий [8]. По данным Ассоциации национальных обществ и общин Крыма, здесь работает более 20 национально-культурных объединений [1]. Как сообщает сайт «Мир энциклопедий», «объектом внимания авторов энциклопедии стали не все народы, представители которых живут в Крыму, а только те, кто смог организовать в регионе диаспоральную жизнь. Соответственно, книга насчитывает не 178 статей (по количеству национальностей местных жителей), а только 25 (1 обзорная и 24 о конкретных народах)» [6].

Жаль, что в самой энциклопедии нигде не был озвучен этот принцип. Можно было бы упомянуть о нем хотя бы в аннотации, иначе читателю, впервые взявшему энциклопедию, будет сложно понять, почему дана информация лишь о 24-х народах... В целом, логика редколлегии понятна. Скорее всего, такое «соломоново» решение было принято, чтобы уложиться в заявленные сроки подготовки издания – один год. С одной стороны, у авторов была возможность тщательно подготовить и выверить тексты, с другой – редакторы успели все перепроверить. Таким образом, есть надежда на достоверность сообщаемых в энциклопедии сведений. Но существует и обратная сторона медали: пользуясь «Энциклопедией народов Крыма», читателю придется ориентироваться на ограниченную информацию всего лишь о трети от общего перечня народов, проживающих на территории Крыма.

Структура основного текста энциклопедии – это алфавитный ряд со статьями, выборочно описывающими народы, проживающие на территории Крыма: азербайджанцы, армяне, белорусы, болгары, греки, евреи, итальянцы, казанские татары, караимы, корейцы, крымские татары, крымчаки, молдаване, мордва, немцы, поляки, русские, украинцы, французы, цыгане, чехи, чуваша, швейцарцы, эстонцы (с. 19–210).

Примерный шаблон текстов включает описание истории народа на территории Крыма, его культуры, особенностей жизни в советский период, народных традиций (в том числе национальных особенностей одежды, обуви, украшений, кухни), современной самоорганизации диаспоры в Крыму. Статьи сопровождаются черно-белыми и цветными фотографиями (в том числе портретами представителей народа), образцами архивных документов, репродукциями картин, статистическими таблицами, диаграммами. В конце каждой статьи приведены их авторы и списки источников и литературы.

В издании энциклопедии принимала участие Международная Академия духовных наук, разместившая на своем сайте полный текст энциклопедии в pdf-формате [10]. На этой же странице опубликовано несколько статей, тематика которых перекликается с темой энциклопедии. Философский анализ энциклопедии дан д. филос. наук Дианой Сергеевной Берестовской в статье «Диалог культур в Крыму».

Она рассматривает термины «народ», «народность», «этнос», «этнокультурные стереотипы», «диалог культур». Диана Сергеевна отмечает: «Несомненно, толерантность – чрезвычайно важный фактор во взаимоотношениях народов, но он не исчерпывает всего многообразия смыслов, определяющих специфику межэтнических, поликонфессиональных отношений в культурном пространстве Крыма. По мнению профессора О. А. Габриеляна, своеобразие истории и культуры Крыма, менталитета крымчан обусловлены “географической особенностью” – “топосом” (полуостровным характером местоположения), что определяет “логос” – внутренний смысл, т. е. логичность автономии Крыма как онтологической особенности его существования: “онтологическую политтекстуальность”... Содержание “Энциклопедии народов Крыма” раскрывает все богатство истории и культуры многочисленных народов, судьба которых связана с Крымом» [2].

Статья Ислама Исламовича Течиева «Чеченцы в Крыму» [9] в энциклопедию не вошла, видимо, из-за отсутствия в тексте связи с Крымом (хотя в заглавии статьи заявлено иное). А вот статья «Крымские караимы-тюрки» [7] коллектива авторов (К. А. Ефетов, В. С. Кропотов, В. Ю. Ормели, Ю. А. Полканов) подробно рассказывает об истории этой народности именно в Крыму. Однако в «Энциклопедии народов Крыма» опубликована статья «Караимы» (с. 79–86). Возможно, для ознакомления с представителями этого этноса достаточно представленной информации.

Примечательно, что в энциклопедии прослеживается несколько ответвлений крымско-татарского этноса: казанские татары (с. 75), караимы (с. 79), крымские татары (с. 93), крымчаки (с. 115). Об отличиях и сходных чертах этих народностей рассказано в статье Елены Гусаковой [5].

При попытке выяснить количественную характеристику представителей той или иной народности в течение многих десятилетий возникают недоразумения. Дело в том, что в переписях населения все эти народности часто самоидентифицировались как «татары», поэтому в разные годы переписей статистические сведения очень отличаются друг от друга (о чем сообщается и в обзорной статье, и далее – в Приложении № 1).

При проведении Всероссийской переписи населения 2010 г. в переписных листах совсем не было графы «национальность». А в Переписи населения в Крымском федеральном округе, проходившей с 14 по 25 октября 2014 года, «национальная принадлежность в ходе опроса населения указывалась самими опрашиваемыми на основе самоопределения и записывалась переписными работниками строго со слов опрашиваемых» (с. 211). В результате в разные годы переписей статистика сильно разнится. Выход из создавшегося положения авторы энциклопедии видят в четком разграничении национальностей при следующих переписях. В обзорной статье декларируется: «При планируемой на 2020 г. Всероссийской переписи населения этот недостаток необходимо исправить» (с. 17).

Справочно-библиографический аппарат в данном издании представлен не в полной мере. Из необходимых элементов (общий список литературы, пристатейная библиография, подписи к статьям, алфавитный и предметный указатели, приложения) есть лишь пристатейная библиография, небольшой список литературы

после обзорной статьи (с. 18; 14 источников), подписи к статьям и три обширных приложения, включающих в себя:

Приложение 1. О национальном составе населения Республики Крым по итогам федерального статистического наблюдения. Перепись населения в Крымском федеральном округе / подгот. А. Ж. Корниенко (с. 211–226).

Приложение 2. Страницы истории крымской этнографии: исследователи, музеи, экспедиции / А. А. Непомнящий (с. 227–250).

Приложение 3. Международная Академия духовных наук / А. В. Безукладова (с. 251–252).

Приложение № 1 содержит современные статистические сведения с диаграммами и таблицами: изменения в национальном составе населения; родной язык; владение другими языками; возрастно-половой состав; состояние в браке, рождаемость; уровень образования населения; источники средств к существованию; экономическая активность населения.

Приложение № 2 подробно описывает становление крымской этнографии как научной дисциплины. Необходимо отметить, что текст этого приложения является первой попыткой создания сводного очерка по истории крымской этнографии. Его автор – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой исторического регионоведения и краеведения Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского Андрей Анатольевич Непомнящий – четко структурировал периоды исторического развития крымской этнографии с конца XVIII – начала XIX вв. до XX в.: 1 период – этап накопления материалов (рубеж XVIII–XIX вв.), характеризующийся многочисленными путешествиями ученых и фиксацией научных данных в дневниках, письмах, отчетах; 2 период – эпоха собирательства (рубеж XIX–XX вв.), характеризующаяся активным взаимодействием ученых крупных академических центров с местными краеведами. Ясность изложения и фактографическое разнообразие исследования А. А. Непомнящего представляет несомненную ценность как для ученых, так и для любителей истории в целом. Автор особо выделил жизнь и деятельность человека, стоявшего у истоков крымской этнографии, – Василия Христофоровича Кондараки (1834–1886). Затронута деятельность и других ученых, занимавшихся сбором и систематизацией материалов о Крыме: Константина Александровича Иностранцева (1876–1941), Василия Васильевича Радлова (1837–1918), Никодима Павловича Кондакова (1844–1925), Владимира Ивановича Ламанского (1833–1914), Петра Петровича Семенова-Тян-Шанского (1827–1914), Алексея Александровича Шахматова (1864–1920), Алексея Николаевича Харузина (1864–1932). Приложение № 2 богато иллюстрировано фотографиями персоналий и снабжено репродукциями архивных материалов. Чрезвычайно ценен обширный список источников и литературы (111 назв.), впервые подготовленный автором приложения (с. 245–250).

Приложение № 3 больше похоже на рекламный материал, который обычно дают на форзацах или в цветных вкладках и не связывают с содержанием энциклопедии.

За несомненными достоинствами издания (полиграфия, качественное содержание, частичное наличие справочно-библиографического аппарата), к сожалению, прослеживаются и недостатки: не все народы представлены в

энциклопедии; нет алфавитных указателей (хотя в книге рассказано о многих персоналиях, которых надо бы дать отдельным перечнем); нет общего списка литературы энциклопедии; заявленная интерактивная версия книги не работает.

Тем не менее в подготовку и издание этой энциклопедии недаром вложены солидные финансовые, научные и технические ресурсы. Получилось красивое и содержательное полиграфическое произведение, которое уже сейчас используется в качестве учебника по краеведению в крымских общеобразовательных школах. Кроме того, это издание заслуживает того, чтобы его дарили в торжественных случаях. Наличие подобных полезных изданий в современном энциклопедическом книгоиздании необходимо. Остается надеяться, что «Энциклопедия народов Крыма» в ближайшее время займет достойное место на полках российских библиотек и в домах россиян.

Список использованных источников и литературы

1. Ассоциация национальных обществ и общин Крыма [Электронный ресурс] // Крым для россиян : [сайт]. URL: http://www.crimea.ru/item_info_big.htm?id=488 (02.12.2017).
Assotsiatsiya natsional'nykh obshchestv i obshchin Kryma [Elektronnyi resurs] // Krym dlya rossiyan : [sait]. URL: http://www.crimea.ru/item_info_big.htm?id=488 (02.12.2017).
2. Диалог культур в Крыму [Электронный ресурс] // Международная Академия духовных наук : [сайт]. URL: http://madn.su/index.php?option=com_content&task=view&id=156&Itemid=1#mytext1 (02.12.2017).
Dialog kul'tur v Krymu [Elektronnyi resurs] // Mezhdunarodnaya Akademiya dukhovnykh nauk : [sait]. URL: http://madn.su/index.php?option=com_content&task=view&id=156&Itemid=1#mytext1 (02.12.2017).
3. Вышла в свет «Энциклопедия народов Крыма» [Электронный ресурс] // Российская национальная библиотека : [сайт]. 2016.09.09. URL: http://www.nlr.ru/cms_nlr/vid_news_str.php?id=3673 (02.12.2017).
Vyshla v svet «Entsiklopediya narodov Kryma» [Elektronnyi resurs] // Rossiiskaya natsional'naya biblioteka : [sait]. 2016.09.09. URL: http://www.nlr.ru/cms_nlr/vid_news_str.php?id=3673 (02.12.2017).
4. Габриелян О. Народы Крыма: точка консенсуса [Электронный ресурс] / О. Габриелян, О. Грива; [беседовала] Лена Данилова // Крымское время : [газета]. 2016.07.06.
Gabrielyan O. Narody Kryma: tochka konsensusa [Elektronnyi resurs] / O. Gabrielyan, O. Griva ; [besedovala] Lena Danilova // Krymskoe vremya : [gazeta]. 2016.07.06.
5. Гусакова Е. Крымский Вавилон [Электронный ресурс] // Российская газета. 2015.05.25. (№ 6679). URL: <https://rg.ru/2015/05/21/narodi.html> (02.12.2017).
Gusakova E. Krymskii Vavilon [Elektronnyi resurs] // Rossiiskaya gazeta. 2015.05.25. (№ 6679). URL: <https://rg.ru/2015/05/21/narodi.html> (02.12.2017).
6. Завершен проект «Энциклопедия народов Крыма» [Электронный ресурс] // Мир энциклопедий : [сайт]. 2016.09.06. URL: <http://www.encyclopedia.ru/news/enc/detail/67257/> (02.12.2017).
Zavershen proekt «Entsiklopediya narodov Kryma» [Elektronnyi resurs] // Mir entsiklopedii : [sait]. 2016.09.06. URL: <http://www.encyclopedia.ru/news/enc/detail/67257/> (02.12.2017).
7. Крымские караимы-тюрки [Электронный ресурс] / К. А. Ефетов [и др.] // Международная Академия духовных наук : [сайт]. URL: http://madn.su/images/stories/efetov_kropotov_ormeli_polkanov_karaimy.pdf (02.12.2017).
Krymskie karaimy-tyurki [Elektronnyi resurs] / K. A. Efetov [i dr.] // Mezhdunarodnaya Akademiya dukhovnykh nauk : [sait]. URL: http://madn.su/images/stories/efetov_kropotov_ormeli_polkanov_karaimy.pdf (02.12.2017).

8. Региональные национально-культурные автономии Республики Крым [Электронный ресурс] // Государственный комитет по делам межнациональных отношений и депортированных граждан Республики Крым : [сайт]. 2016.10.20. URL: <http://gkmn.rk.gov.ru/rus/info.php?id=616539> (02.12.2017).

Regional'nye natsional'no-kul'turnye avtonomii Respubliki Krym [Elektronnyi resurs] // Gosudarstvennyi komitet po delam mezhnatsional'nykh otnoshenii i deportirovannykh grazhdan Respubliki Krym : [sait]. 2016.10.20. URL: <http://gkmn.rk.gov.ru/rus/info.php?id=616539> (02.12.2017).

9. Течиев И. И. Чеченцы в Крыму [Электронный ресурс] // Международная Академия духовных наук : [сайт]. URL: http://madn.su/index.php?option=com_content&task=view&id=156&Itemid=1#mytext2 (02.12.2017).

Techiev I. I. Chechentsy v Krymu [Elektronnyi resurs] // Mezhdunarodnaya Akademiya dukhovnykh nauk : [sait]. URL: http://madn.su/index.php?option=com_content&task=view&id=156&Itemid=1#mytext2 (02.12.2017).

10. Энциклопедия народов Крыма / [Международная Академия духовных наук; гл. ред. О. А. Габриелян]. Симферополь: Доля, 2016. 256 с. 500 экз.; Электронная копия (1 файл: 13,9 Мб). URL:http://madn.su/images/stories/Book/encyclopedia%20of%20the%20peoples%20of%20the%20crimea_rus.pdf, свободный. – Загл. с экрана. – Файл в формате pdf. – ISBN 978-5-99075-17-6-7 (02.12.2017).

Entsiklopediya narodov Kryma / [Mezhdunarodnaya Akademiya dukhovnykh nauk ; gl. red. O. A. Gabrielyan]. Simferopol': Dolya, 2016. 256 s. 500 ekz. ; Elektronnaya kopiya (1 fail: 13,9 Mb). URL:http://madn.su/images/stories/Book/encyclopedia%20of%20the%20peoples%20of%20the%20crimea_rus.pdf, svobodnyi. – Zagl. s ekrana. – Fail v formate pdf. - ISBN 978-5-99075-17-6-7 (02.12.2017).

Kulikova A. V. The review of «Encyclopedia of Crimea's nations» (Simferopol, 2016)

The Encyclopedia Of The Crimea's Nations. – Simferopol : Dolya, 2016. – 254, [1] p.

This article is The Encyclopedia's Of Crimea's Nations review. The Encyclopedia was printed in Simferopol in 2016 with a circulation of 500 copies. It was realization of the project "Encyclopedia of the Peoples of Crimea: creating a set of materials for scientific, educational and educational activities in the multicultural Russian Crimea. The Encyclopedia considers 24th Crimea's nations' history and modern evolution. The encyclopedia gives exclusive information about these Crimea's folks, who has organizations on the territory of the Crimea. There are: Azerbaijanians, Armenians, Belarusians, Bulgarians, Greeks, Jews, Italians, Kazan's Tatars, Karaities, Koreans, Crimea's Tatars, Krymchak's, Moldavians, Mordvinians, Germans, Poles, Russians, Ukrainians, French's, Gypsies, Czechs, Chuvash's, Swiss', Estonians. Authors devoted special attention to today's consolidation of Crimea's folks. Each article contains photos, archive's documents, bibliography's list and authors' data.

The International Academy of Mental Sciences was participated in the encyclopedia's creation. The encyclopedia's PDF format based on the Academy's website (http://madn.su/images/stories/Book/encyclopedia%20of%20the%20peoples%20of%20the%20crimea_rus.pdf).

The review offers a detailed analysis of the encyclopedia. For the undoubted merits of the publication (fine printing, quality content, partial availability of reference and bibliographic apparatus), there are also shortcomings (not all the peoples are represented in the encyclopedia, there are no pointers and a general list of literature, the declared interactive version of the book does not work). The review's resumes that such book necessary in Russian book's publishing.

Keywords: encyclopedia's, Crimea's nations, review of encyclopedia's, analysis of the encyclopedia, structure of the encyclopedia, features of the encyclopedia.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Близняков Роман Александрович** кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (Симферополь, Российская Федерация).
- Борщик Наталья Дмитриевна** доктор исторических наук, профессор кафедры документоведения и архивоведения Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (Симферополь, Российская Федерация).
- Герцен Александр Германович** кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории древнего мира и средних веков, декан исторического факультета Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (Симферополь, Российская Федерация).
- Горлянский Сергей Петрович** кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (Симферополь, Российская Федерация).
- Дорофеев Денис Владимирович** кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (Симферополь, Российская Федерация).
- Колобов Олег Алексеевич** доктор исторических наук, профессор кафедры мировой дипломатии и международного права Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, Заслуженный деятель науки Российской Федерации (Нижний Новгород, Российская Федерация).
- Крыжко Лидия Анатольевна** преподаватель кафедры новой и новейшей истории Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (Симферополь, Российская Федерация).
- Куликова Ангелина Викторовна** главный библиограф Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург, Российская Федерация).

- Макласова Людмила Эдуардовна** аспирант кафедры истории Татарстана, археологии и этнологии Института международных отношений, истории и востоковедения Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань, Российская Федерация).
- Малышев Дмитрий Аркадьевич** кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (Симферополь, Российская Федерация).
- Могаричев Юрий Миронович** доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой социального и гуманитарного образования Крымского республиканского института постдипломного педагогического образования (Симферополь, Российская Федерация).
- Пахомова Наталья Анатольевна** аспирант кафедры истории России Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (Симферополь, Российская Федерация).
- Попов Алексей Дмитриевич** кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (Симферополь, Российская Федерация).
- Репецкий Максим Владимирович** аспирант кафедры новой и новейшей истории Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (Симферополь, Российская Федерация).
- Рычков Игорь Александрович** аспирант кафедры истории государства и права Нижегородского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Нижний Новгород, Российская Федерация).
- Селиверстова Ксения Николаевна** аспирант кафедры истории России Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (Симферополь, Российская Федерация).

**Хохлышева
Ольга Олеговна**

доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор, заведующая кафедрой мировой дипломатии и международного права Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, Заслуженный деятель науки Российской Федерации (Нижний Новгород, Российская Федерация).

**Щевелев
Сергей Стефанович**

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новой и новейшей истории Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (Симферополь, Российская Федерация).

СОДЕРЖАНИЕ

Всемирная история

Щевелев С. С., Близняков Р. А., Малышев Д. А.

«Ярчайший в блестящей плеяде арабистов»: Виталий Наумкин –
выдающийся ученый современности..... 3

Горлянский С. П.

Международная деятельность Американской федерации труда и Конгресса
производственных профсоюзов после Второй мировой войны 11

Дорофеев Д. В.

Генезис внешней политики США до 1776 г.:
Вестфальская система международных отношений..... 22

Колобов О. А., Хохлышева О. О.

Особенности современной политики «великих держав»
на Ближнем Востоке: стратегические цели, тактические действия 33

Крыжко Л. А.

Позиция Египта в решении вопроса палестинских беженцев
в конце 1950-х – начале 1960-х гг. 47

Попов А. Д.

Впечатления иностранцев о посещении СССР в контексте
идеологического противостояния периода холодной войны..... 58

Репецкий М. В.

Начало палестино-израильского переговорного процесса: подготовка
Мадридской конференции: международный контекст 70

История России

Борщик Н. Д.

К истории акцизных управлений Российской империи
второй половины XIX – начала XX вв. 79

Рычков И. А.

Советский речной транспорт во второй пятилетке (1933–1937)..... 91

Музееведение, археология, этнография

Герцен А. Г., Могаричев Ю. М.

Пещерные сооружения Мангупа 102

Макласова Л. Э.

Проблемы интерпретации некоторых деталей берестяной конструкции
бокки на примере женского головного убора из курганного
могильника Телеутский Взвоз-I (опыт реконструкции)..... 130

Пахомова Н. А.

К истории музейного дела г. Ялты в конце XIX – начале XX вв.:
музей при Ялтинском отделении Крымского горного клуба
и Ялтинский естественно-исторический музей: источники
и историография 136

Селиверстова К. Н.

Обстоятельства возникновения Музея пещерных городов в Бахчисарае ... 147

Рецензии

Куликова А. В.

Рецензия на «Энциклопедию народов Крыма» (Симферополь, 2016)..... 160

Сведения об авторах 169